

Комиссаров Вилен Наумович.

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

ВВЕДЕНИЕ

Задача настоящего Курса заключается в ознакомлении будущих переводчиков с наиболее значительными работами зарубежных переводоведов.

Хотя перевод имеет многовековую историю, современное переводоведение сформировалось как самостоятельная научная дисциплина в основном во второй половине двадцатого столетия. Послевоенное расширение международных контактов во всех сферах человеческого общения, вызвавшее резкое увеличение потребности в переводах и переводчиках, стало мощным стимулом и для роста теоретических исследований переводческой деятельности. За последние 50 лет научные публикации по проблемам перевода были настолько многочисленными, что сегодня переводческая литература с трудом поддается обозрению. Современное переводоведение характеризуется большим разнообразием теоретических концепций и методов исследования. Накопленный научный багаж нуждается в анализе и осмыслении. Создание истории переводоведения двадцатого столетия представляет несомненный теоретический и практический интерес.

Современное переводоведение можно охарактеризовать как результат междисциплинарных исследований, использующих методы целого ряда наук. Изучение перевода проводится с позиций литературоведения, когнитивной и экспериментальной психологии, нейрофизиологии и этнографии. Однако в силу многих объективных и субъективных причин большинство работ в области теории перевода имеет более или менее ярко выраженную лингвистическую основу. Именно лингвистические исследования внесли основной вклад в развитие науки о переводе. Для успешного формирования лингвистического переводоведения существовал целый ряд важных предпосылок.

Во второй половине двадцатого столетия языкознание значительно расширило область своих интересов. От исключительного внимания к развитию и структуре языковых систем оно обратилось к широкому кругу проблем, определяющих возможность использования языка как орудия мысли и средства речевой коммуникации. В центре внимания лингвистов оказалась смысловая сторона языковых единиц и речевых произведений, связь языка с мышлением, реальной действительностью, с обществом и его культурой, с другими знаковыми системами. Появились новые лингвистические дисциплины и области исследования, такие, как когнитивная лингвистика, психолингвистика, социолингвистика, лингвистика текста, теория речевых актов и т. п. Языкознание превратилось в подлинную макролингвистику - целый комплекс лингвистических дисциплин, изучающих все многообразие

3

форм, способов, результатов и особенностей существования языка в человеческом обществе. Только такая лингвистика и могла заняться теоретическим осмыслением современной переводческой деятельности, столь необходимым в связи с ее новыми небывалыми масштабами, возросшими требованиями к качеству переводов и задачами массовой подготовки профессиональных переводчиков.

Стало очевидно, что включение переводческой деятельности в сферу интересов языковедов могло немало дать и самой лингвистике. Перевод может рассматриваться как крупномасштабный естественный эксперимент по сопоставлению языковых и речевых единиц в двух языках в реальных актах

межъязыковой коммуникации, и его изучение позволяет обнаружить в каждом из этих языков немаловажные особенности, которые могут оставаться не выявленными в рамках «однойязычных» исследований.

Привлечению внимания лингвистов к переводческой деятельности способствовали и попытки создать систему машинного перевода, передать функции переводчика компьютеру, способному выполнять эту работу гораздо быстрее и дешевле. Убедившись в том, что основные препятствия в этой области лежат не в ограниченных возможностях компьютера, а в недостаточности наших знаний о сущности переводческого процесса, необходимых для создания полноценных программ, многие разработчики-лингвисты обратились к изучению перевода «человеческого», надеясь таким путем решить возникшие проблемы.

Определенную роль сыграл и субъективный фактор. Возникшая потребность, в массовой подготовке профессиональных переводчиков привела к созданию многочисленных переводческих школ и отделений, которые в основном создавались в университетах и институтах иностранных языков. В роли преподавателей перевода наряду с самими переводчиками оказались университетские ученые - филологи и лингвисты, - которые одни из первых осознали необходимость теоретического осмысления переводческой деятельности для разработки научно обоснованных учебных программ.

Лингвистическая направленность теорий перевода была связана и с изменениями в характере переводческой деятельности. В двадцатом столетии все более важное место - и по объему, и по социальной значимости - стали занимать переводы текстов специального характера - информационных, экономических, юридических, технических и т. п. В отличие от переводов произведений художественной литературы, где основные трудности для переводчика были связаны с задачей передать в переводе художественно-эстетические достоинства оригинала, создаваемые, в частности, индивидуально-авторским использованием языка, в таких переводах на первый план выступили собственно языковые

4

проблемы. Подобного рода тексты, которые можно охарактеризовать как информативные или прагматические, часто были анонимными, более или менее стандартными по форме и языковым средствам, и переводчику в первую очередь приходилось решать чисто лингвистические проблемы, обусловленные различиями в семантической структуре и особенностями использования двух языков в процессе коммуникации. А следовательно, изучать такие переводческие проблемы целесообразно лингвистическими методами.

В то же время многие ученые, внесшие значительный вклад в развитие современного переводоведения, не считают себя лингвистами, хотя и занимаются коммуникативно-языковыми аспектами перевода, а некоторые из них особо подчеркивают ограниченность и неправомерность лингвистического подхода к исследованию переводческой деятельности. Подобное неприятие лингвистической концепции перевода объясняется главным образом двумя причинами. Во-первых, переводоведение в целом - это, несомненно, особая научная дисциплина, имеющая многие интердисциплинарные аспекты. Лингвистика может описать и объяснить целый ряд важнейших факторов, определяющих характер и результаты перевода, но она не может раскрыть всю многогранность этого сложного вида человеческой деятельности. Это обстоятельство, однако, не умаляет важной роли лингвистических концепций для изучения основного механизма перевода.

Во-вторых, критика лингвистического подхода к переводу явно исходит из представления о лингвистике как о дисциплине, задача которой сводится к описанию различных языковых систем. Имеется в виду

главным образом структурная лингвистика, не интересующаяся семантическими аспектами языка и не рассматривающая структуру более крупных единиц, чем предложение. Понятно, что такая микролингвистика, действительно, не может претендовать на всестороннее описание переводческого процесса, объектом которого является содержание иноязычных текстов. Как было указано, современное языкознание преодолело столь ограниченное понимание своего предмета.

При макролингвистическом подходе лингвистическое переводоведение может заниматься проблемами, традиционно считавшимися нелингвистическими. Так, выдающийся американский лингвист Ю. Найда, внесший большой вклад в развитие современного переводоведения, предлагает свести различные теории перевода к четырем основным подходам, которые он именуется соответственно филологическим, лингвистическим, коммуникативным и социосемантическим. Ю. Найда коротко характеризует каждый из этих подходов, и обнаруживается,

Eugene A. Nida. Theories of Translation. In.: TTR, Volume IV, Number I, 1st. Semester 1991. Pp. 19-32.

5

что он занимается- проблемами, большая часть которых входит в сферу интересов современной макролингвистики. Так, филологическое направление, исторически возникшее раньше других, сосредоточивалось в основном на проблеме соответствия перевода тексту оригинала, на принципах адекватности перевода, основанных на филологической интерпретации переводимых текстов. Определение понятий адекватности и эквивалентности и сегодня остается в центре внимания переводчиков, и эта задача решается гораздо успешнее благодаря использованию при сопоставлении текстов оригинала и перевода методов анализа содержания и структуры текста, разработанных в рамках лингвистики текста.

Лингвистический подход представляется Ю. Найде естественным следствием того, что перевод всегда имеет дело с двумя языками. Он справедливо отмечает, что сторонники такого подхода основное внимание уделяют не формальным, а содержательным отношениям между оригиналом и переводом. К сожалению, из большого числа лингвопе-реводческих исследований Ю. Найда ссылается на работы лишь пяти авторов (включая собственную). В то же время он упоминает многие труды философской и психологической направленности, которые, по его мнению, внесли косвенный вклад в развитие лингвистического подхода к переводу.

В основе коммуникативного подхода Ю. Найда видит заимствование у теории коммуникации основных понятий, как источник, сообщение, рецептор, обратная связь, процессов кодирования и декодирования. Как мы уже отмечали, коммуникативный подход составляет один из важнейших принципов современной лингвистики, а следовательно, является неотъемлемой частью лингвистики перевода. Не случайно, характеризуя этот подход, Ю. Найда говорит о значении для него социолингвистических работ Лабова, Хаймза и Гумнерца, о важности выделения основных функций языка, о работах таких известных лингвистов, как Р. Якобсон и Дж. Граймз. Характерно, что в числе ведущих разработчиков коммуникативного подхода оказываются Ж. Мунэн и К. Райе, чьи переводческие труды имеют явно лингвистическую основу.

Социосемиотический подход сосредоточивает внимание на социальных аспектах и взаимодействии различных знаковых систем (кодов) в реальных актах вербальной коммуникации. И здесь многие факторы включены в сферу интересов макролингвистики, которая изучает соотношение лингвистического, экстралингвистического и паралингвистического в процессе речевого общения, весь комплекс проблем, связанных с воздействием на этот процесс особенностей языка, культуры и

Разумеется, среди многочисленных работ по теории перевода есть немало таких, которые нельзя отнести к лингвистическим даже при

6

самом широком понимании этого термина, однако лингвопереводческие исследования составляют важнейшую часть современного переводоведения. Они охватывают различные аспекты переводческой деятельности, так или иначе связанные с использованием языка в процессе коммуникации. Материалом для исследования могут служить как художественные, так и информативные переводы, письменные или устные. В центре внимания исследователя могут находиться и проблемы общей теории перевода, раскрывающей закономерности, лежащие в основе любых актов перевода при любой комбинации языков, частной теории перевода, описывающей переводческие трудности в рамках конкретной пары языков, или одной из специальных теорий перевода, изучающих особенности отдельных видов перевода.

Большинство таких исследований ориентировано на один из главных компонентов межъязыковой коммуникации: исходный текст (оригинал), процесс перевода, текст перевода или рецептор перевода, для которого он предназначен. Работы, ориентированные на оригинал, исходят из предпосылки, что главная задача перевода заключается в наиболее полном воспроизведении исходного текста. Их авторы пытаются определить теоретические возможности и практически достижимую степень близости текстов оригинала и перевода с учетом различий в соответствующих языках и культурах, а также типа переводимого текста, цели перевода и характера предполагаемого рецептора. Главной проблемой в таких исследованиях является разработка и применение объективных методов сопоставления структуры и содержания текстов на разных языках.

Важное место в теоретическом переводоведении занимают исследования самого процесса перевода, мыслительных операций переводчика, его стратегии и технических приемов. Поскольку такие операции недоступны для непосредственного наблюдения, разрабатываются косвенные методы изучения переводческого процесса. Широко применяются различные теоретические модели и возможные операции перехода от оригинала к переводу (переводческие трансформации), а также возможные психолингвистические эксперименты.

Ориентация на текст перевода направляет исследовательскую мысль в двух разных измерениях. С одной стороны, рассматривается статус переводных текстов в литературе и культуре. Предполагается, что основная задача переводчика заключается в том, чтобы текст перевода обеспечивал достижение поставленной цели. Такой подход предполагает иную стратегию переводчика, предоставляя ему значительно большую свободу по отношению к тексту оригинала.

С другой стороны, текст перевода рассматривается как средство достижения определенной практической цели, поставленной перед переводчиком лицом, оплачивающим его работу (заказчиком или кли-

7

ентом), и успех перевода (его качество) определяется исключительно тем, насколько он соответствует этой цели.

Большой вклад в развитие современного переводоведения внесли исследования, ориентированные главным образом на рецептора перевода, анализирующие прагматическое воздействие или коммуникативный эффект перевода и способы достижения такого эффекта. Переводчик может стремиться либо воспроизвести коммуникативный эффект текста оригинала, либо добиться иного желаемого воздействия на рецептора перевода. При этом он может, ориентироваться на конкретного человека, или группу людей, или на своего рода «усредненного» рецептора как типичного представителя определенной культуры. Предполагается, что исходный текст будет переводиться по-разному в зависимости от того, для кого предназначен перевод. В любом случае может оказаться необходимым вносить в перевод какие-то изменения, чтобы адаптировать его к требованиям рецептора и его культуры.

Эти основные направления лингвопереводческих исследований не исключают, а дополняют друг друга. Многие переводоведы изучают разные аспекты межъязыковой коммуникации, стремясь всесторонне исследовать переводческую деятельность.

Как и всякая научная дисциплина, современное переводоведение создавалось усилиями ученых многих стран. Естественно, особый вклад в разработку теории перевода внесли исследователи тех стран, где переводческая деятельность приобрела широкий размах. Немалая заслуга в этой области принадлежит отечественной науке.

Много ценных результатов получено учеными США, Великобритании, Франции, Германии и ряда других стран.

Теоретическое осмысление переводческой деятельности имеет несомненное практическое значение. Профессиональная компетенция переводчика предполагает знакомство с основными положениями современного переводоведения и умение использовать их при решении практических задач. Изучение трудов отечественных и зарубежных теоретиков перевода составляет важную часть подготовки будущих переводчиков.

В России учебные планы вузов, готовящих профессиональных переводчиков, включают, как правило, специальные курсы теории перевода. Однако ознакомление студентов с работами зарубежных переводоведов затруднено тем, что эти работы остаются малодоступными. Написанные на разных языках, они в большинстве своем никогда не переводились на русский язык и нередко отсутствуют даже в главных библиотеках. В связи с этим возникает необходимость в создании обзорного курса, который содержал хотя бы краткое изложение основных трудов зарубежных переводоведов, которые внесли большой вклад в развитие науки о переводе. Именно такую задачу и ставит перед собой данный конспект лекций.

8

Разумеется, в рамках краткого курса не может быть сколько-нибудь полно представлена многочисленная литература по теории перевода. Выбор авторов и их работ неизбежно будет в какой-то степени произвольным, а изложение содержания этих работ - субъективным и фрагментарным. В основном при отборе материала курса автор старался придерживаться следующих критериев:

1. В обзор включены в основном фундаментальные работы (монографии). В виде исключения упоминаются отдельные статьи, сыгравшие важную роль в становлении современного переводоведения.

2. Рассматриваются работы, занимающиеся проблемами общей теории перевода. Как правило, исследование проводится на материале переводов с определенным набором языков, но его автор стремится выявить проблемы и закономерности, общие для всех переводов с любой комбинацией языков.

3. Рассматриваются работы лингвистической или квазилингвистической направленности. Это означает, что существенная часть их содержания прямо или косвенно связана с единицами, факторами, процессами и методами анализа, которые входят в сферу интересов современного языкознания. Лингвистичность подхода определяется проблематикой, а не исследуемым материалом, который может включать любые переводы - художественные и информативные, письменные и устные.

4. В курсе разбираются в первую очередь работы переводоведов тех стран, где исследования перевода наиболее многочисленны и значительны. Однако в некоторых случаях страна может быть представлена отдельными работами, внесшими существенный вклад в современное переводоведение. Ограниченный выбор ведущих «переводоведческих» стран, разумеется, не означает отсутствия в других странах значимых работ по теории перевода.

5. Выбор анализируемых работ в каждой стране также ограничен и не указывает на меньшую важность или отсутствие других исследований перевода в этой стране, не включенных в обзор.

6. В большинстве случаев национальная принадлежность автора и его работ не вызывает сомнения независимо от того, на каком языке они написаны. Однако некоторые авторы живут, работают и публикуют свои труды (или часть из них) за пределами своей родной страны. В таких случаях рассмотрение этих работ в том или ином разделе курса может оказаться недостаточно оправданным. Следует подчеркнуть, что наука о переводе не знает национальных границ и географический принцип построения курса принят исключительно для удобства изложения.

7. Некоторые труды по теории перевода можно объединить на основе общности исходных допущений, общетеоретических концепций¹

9

или применяемых методов исследования, что позволяет говорить об отдельных научных школах или направлениях. Однако, как правило, в каждой стране сосуществуют различные направления исследований.

8. Последовательность разделов курса в значительной степени произвольна и не определяет сравнительную ценность вклада ученых разных стран.

Краткая характеристика отдельных работ в материале курса может дать лишь общее представление об их содержании и значимости. Более полную картину истории современного зарубежного переводоведения можно составить путем непосредственного знакомства с этими и другими трудами зарубежных теоретиков перевода.

Вопросы теории перевода в трудах английских переводоведов

1. Ранние английские работы по переводу

Как и во многих других странах, в Англии первые попытки теоретических обобщений в области перевода были предприняты самими переводчиками, среди которых было немало выдающихся писателей и поэтов. Многие из них сопровождали свои переводы пространными комментариями, в которых они обосновывали или оправдывали свой подход к решению различных переводческих проблем, пытались сформулировать некоторые правила и принципы перевода. В XVI и XVII веках, когда переводческая деятельность в Англии приобрела особенно широкий размах, практика подобных переводческих комментариев получила значительное распространение.

Конечно, высказывания переводчиков о своей работе не составляли теории перевода в современном понимании. Они носили фрагментарный характер, не отличались последовательностью и не исходили из каких-либо научных концепций о языке, соотношении языков, участвующих в процессе перевода, или особенностях речевой коммуникации. Как правило, они сводились к формулировке ряда требований, которым должен был удовлетворять переводчик и его перевод. Обычно эти требования оказывались самоочевидными и касались лишь самых общих сторон переводческой деятельности. Вместе с тем такие комментарии сыграли свою роль в создании предпосылок для развития переводческой теории. Они привлекали внимание к переводческой проблематике, указывали на сложность задач, решаемых переводчиком, нередко содержали достаточно богатый и интересный фактический материал.

10

Характерным примером ранних теоретических обобщений подобного рода могут служить высказывания выдающегося английского поэта и переводчика Дж. Драйдена (1631-1700). Свои взгляды на перевод Дж. Драйден изложил главным образом в предисловии к переводу «Понтийских посланий» Овидия, опубликованному в 1680 г. Опираясь на опыт современных ему переводчиков, Дж. Драйден предлагает прежде всего различать три вида перевода. Во-первых, «метафраз» - точная передача оригинала, слово за словом, что позднее назвали бы буквальным переводом. Во-вторых, «парафраз» - вольная передача оригинала, ориентированная на дух оригинала, а не на его форму, и, в-третьих, «имитация» (подражание) - вариация на тему оригинала, когда переводчик фактически перестает быть переводчиком. Указав, что самым правильным для переводчика является средний путь между метафразой и парафразом, Дж. Драйден в соответствии с традицией формулирует правила, с помощью которых переводчик может достичь этой золотой середины. В соответствии с этими правилами переводчик должен:

1. Быть поэтом.
2. Владеть языком оригинала и своим собственным языком.
3. Понимать индивидуальные особенности автора оригинала.
4. Сообразовывать свой талант с талантом автора оригинала.

5. Сохранять смысл оригинала.
6. Сохранять привлекательность оригинала без ущерба его смыслу.
7. Сохранять качество стиха в переводе.
8. Заставить автора говорить так, как говорит современный англичанин.
9. Не следовать слишком близко букве оригинала, чтобы не утратить его дух.
10. Не стараться улучшить оригинал.

Такие правила характерны для переводческих рассуждений этого периода. Все они неоспоримы и самоочевидны, но недостаточно конкретны, слабо увязаны друг с другом и не сводятся в сколько-нибудь последовательную научную концепцию.

Подобный же импрессионистский характер носила первая книга в Англии, предназначенная специально для рассмотрения переводческой проблематики. В 1791 г. А. Тайтлер опубликовал трактат «Эссе в принципах перевода», где он попытался несколько конкретизировать общие принципы перевода, неоднократно упоминавшиеся в переводческих комментариях. Главными из этих общепризнанных принципов, по мнению А. Тайтлера, являются следующие: 1) перевод должен полностью передавать идеи оригинала; 2) стиль и манера изложения перевода должны быть такими же, как в оригинале; 3) перевод должен читаться так же легко, как и оригинальное произведение. Требования

11

полноценной передачи смысла и стиля оригинала и полноценности языка перевода составляют основу многих нормативных концепций перевода и в более поздние эпохи вплоть до последнего времени.

Достоинство трактата А. Тайтлера заключается в том, что, разбирая каждый из этих принципов, он выделяет некоторые языковые особенности, обуславливающие наличие определенных переводческих трудностей. В работе рассматриваются вопросы перевода идиом, недопустимость модернизации лексики, особенности языка, влияющие на перевод, указывая, например, что английский язык не допускает более краткое выражение мысли, чем латинский, что греческий и латинский более свободно используют инверсию и эллипс и т. п. Обращается внимание на различие в степени трудности и способах передачи простого, неприкрашенного стиля повествования и цветистого, пышного слога. Большое место в работе занимает иллюстративный материал, приводятся примеры переводов, порой сопоставляются несколько переводов одного и того же оригинала. Весьма существенно, что в ходе анализа сопоставляются и оцениваются варианты перевода отдельных слов и предложений. Все эти элементы сближают А. Тайтлера со многими работами значительно более позднего периода. Однако выбор объектов анализа во многом случаен, они не объединены какой-либо общей концепцией, и собственно теории перевода пока еще нет.

2. Английское переводоведение в XX веке

Более фундаментальные труды по теории перевода появились в Англии лишь во второй половине XX столетия. Здесь можно прежде всего отметить книгу Т. Сэвори «Искусство перевода» (Лондон, 1952). В ней автор, пытаясь рассмотреть широкий круг переводческих проблем. Хотя лингвистическая основа этого исследования была явно недостаточной, автору удалось сформулировать ряд положений, которые получили дальнейшее развитие в трудах по лингвистической теории перевода.

В структуре своей работы Т. Сэвори во многом следует традиции. Здесь еще нет изложения общих принципов построения теории перевода, тематика разделов и их последовательность в значительной степени произвольны.

Прежде всего предлагается различать 4 вида перевода. Предлагаемая классификация отражает одновременно различия в степени точности и в характере переводимых материалов. Термины, которые используются при классификации, не всегда удачны, но автор достаточно подробно раскрывает их содержание. Он выделяет следующие виды перевода:

12

(1) Совершенный перевод - перевод чисто информационных фраз-объявлений.

(2) Адекватный перевод - перевод сюжетных произведений, где важно лишь содержание, а как оно выражено, несущественно. В этом виде перевода переводчик свободно опускает слова или целые предложения, смысл которых ему кажется неясным, перефразирует смысл оригинала, как ему заблагорассудится. (Т. Сэвори полагает, что так должны переводиться детективы, книги Дюма, Боккаччо, а также, Как ни странно, Сервантеса и Л. Толстого.)

(3) Третий тип перевода, не получающий особого названия, - это перевод классических произведений, где форма так же важна, как и содержание. Качественная характеристика этого типа перевода дается путем указания на то, что не может быть «совершенным» (1-й тип) и что он требует столь длительного времени и таких больших усилий, что это сводит на нет коммерческую ценность перевода.

(4) Четвертый тип перевода определяется как близкий к «адекватному» (2-й тип). Это перевод научно-технических материалов, чье появление вызывается практической необходимостью. Он требует хорошего знания переводчиком предмета, о котором идет речь в оригинале.

Утверждая, что суть перевода всегда сводится к выбору, Т. Сэвори указывает, что при выборе переводчик должен последовательно ответить на 3 вопроса: 1) Что сказал автор? 2) Что он хотел этим сказать? 3) Как это сказать? Таким образом, Т. Сэвори наряду с содержанием и формой оригинала выделяет в качестве объекта перевода и то, что теперь назвали бы коммуникативным намерением автора.

Центральное место в работе занимает раздел, посвященный вопросу о принципах перевода. Рассматривая формулировки, выдвигаемые различными авторами, Т. Сэвори приходит к выводу, что каких-либо общепризнанных принципов перевода вообще не существует. Для доказательства такого вывода он приводит список подобных формулировок, в котором рядом помещены взаимоисключающие принципы:

1. Перевод должен передавать слова оригинала.

2. Перевод должен передавать мысли оригинала.
3. Перевод должен читаться как оригинал.
4. Перевод должен читаться как перевод.
5. Перевод должен отражать стиль оригинала.
6. Перевод должен отражать стиль переводчика.
7. Перевод должен читаться как произведение, современное оригиналу.
8. Перевод должен читаться как произведение, современное переводчику.
9. Перевод может допускать добавления и опущения.
10. Перевод не должен допускать добавлений и опущений.

13

11. Перевод стихов должен осуществляться в прозе.
12. Перевод стихов должен осуществляться в стихотворной форме. Со своей стороны, Т. Сэвори отказывается от формулирования

каких-то новых принципов перевода. Он ограничивается указанием на то, что переводчик должен находить средний путь между буквальным и свободным переводом, для чего его перевод, с одной стороны, должен читаться как оригинальный текст на ПЯ, а с другой стороны, быть более верным оригиналу, поскольку это позволяют нормы ПЯ. Особо оговаривается право переводчика заимствовать удачные варианты из предшествующих переводов.

Не предложив новой трактовки общих принципов перевода, Т. Сэвори вместе с тем обратил внимание на один из важнейших факторов, влияющий на переводческий процесс и детально разрабатываемый в современной теории перевода. Он отметил, что выбор варианта перевода во многом зависит от предполагаемого типа читателя. Этот вывод, столь важный для изучения прагматики перевода, получает у Т. Сэвори довольно своеобразную трактовку. Он различает 4 типа читателя: 1) совершенно не знающий ИЯ; 2) изучающий ИЯ, отчасти с помощью перевода; 3) знавший ИЯ, но почти полностью забывший его; 4) хорошо знающий ИЯ. Подобная классификация рецепторов перевода не получила развития в теории перевода, но сама идея зависимости хода и результата переводческого процесса от того, для кого предназначается перевод, прочно вошла в концептуальный аппарат современного переводоведения.

В книге Т. Сэвори внимание уделено также некоторым вопросам перевода произведений классической

литературы, поэтических произведений, Библии. Пытается автор дать и общую переводческую характеристику отдельным языкам, указывая, например, что немецкий язык более удобен для перевода, чем французский и английский. К сожалению, эта интересная мысль не получает в книге достаточного обоснования. В целом книга Т. Сэвори хорошо отражает особенности общелингвистического подхода к переводческой проблематике.

60-е годы XX столетия ознаменовались появлением собственно лингвистических исследований в области теории перевода, придавших ей более строгий научный характер. Большинство лингвистов, обратившихся к переводческой проблематике, принадлежали к английской лингвистической школе, которая обычно связывалась с именем Дж.Ферса. Для лингвистов этой школы характерно рассмотрение языковой структуры как в формальном, так и в семантическом плане, большое внимание к функциональной роли языковых единиц в различных ситуациях речевого общения, стремление увязать общелингвистическую теорию с прикладными аспектами языкознания. Это позволило по-новому подойти и к теории перевода, рассматривая ее как часть

14

прикладного языкознания, базирующуюся на постулатах общего языкознания. Отныне переводоведение получало фундаментальную теоретическую базу, и переводческие проблемы рассматривались в ряду других лингвистических проблем, либо их рассмотрению предшествовало изложение общелингвистических положений, на которых оно основывалось.

Начало такому подходу положил сам Дж. Ферс. В статье «Лингвистический анализ и перевод» он высказал убеждение, что лингвистический анализ фонологического, фоноэстетического, грамматического и других аспектов значения может быть увязан с анализом различных аспектов перевода. Указав на опасность использования дословного перевода в качестве основы для выводов об особенностях структуры языка, с которого сделан перевод, Дж.Ферс отметил, что проблеме места перевода в лингвистике предстоит еще изучить. Общий вывод, к которому пришел Дж. Ферс в своей статье: «Существование перевода является серьезным вызовом лингвистической теории и философии», побудил его последователей заняться разработкой основ лингвистической теории перевода.

Одним из таких последователей был выдающийся английский лингвист М. А. К. Хэллидей. М. А. К. Хэллидей не занимался специально переводческими исследованиями, но включил переводческую проблематику в собственно лингвистические работы, подчеркивая необходимость включения перевода в объект языкознания. Для Хэллидея теория перевода - это часть сопоставительного языкознания. Именно так рассматривает он переводческие проблемы в двух исследованиях, озаглавленных соответственно «Сопоставление и перевод» и «Сопоставление языков».

По мнению М. А. К. Хэллидея, перевод лежит в основе любого сопоставления языковых единиц и структур. Такое сопоставление предполагает контекстуальную эквивалентность сопоставляемых единиц, то есть возможность их использования в переводе друг для друга. Лишь после того, как благодаря контекстуальной эквивалентности доказана сопоставимость единиц двух языков, можно ставить вопрос об их формальной эквивалентности, о том, насколько сходно их положение в структуре каждого из языков.

Таким образом, понятие «эквивалентность» оказывается центральным не только для теории перевода, но и для сопоставительного языкознания, и М. А. К. Хэллидей пытается пролить свет на сущность этого понятия. Прежде всего отношением эквивалентности характеризуются тексты оригинала и перевода в целом. Хотя перевод - это односторонний процесс, но в результате мы имеем два сопоставляемых,

шение между двумя или более текстами, играющими одинаковую роль в одинаковой ситуации». Это отношение (эквивалентность) носит относительный характер, поскольку «одинаковая роль» и «одинаковая ситуация» - не абсолютные понятия. Уточняя понятие эквивалентности, М.А.К. Хэллидей указывает, что это понятие - контекстуальное, не связанное с употреблением каких-то грамматических или лексических явлений, и поэтому она не может быть измерена. Отсюда следует, что нельзя определить порог эквивалентности и нельзя дать строгое определение этого понятия. Следует заметить, что не все сказанное М.А.К. Хэллидеем о переводческой эквивалентности подтвердилось при дальнейших исследованиях, но его мысли о существовании шкалы эквивалентности и невозможности зафиксировать ее минимальный уровень сохраняет свою эвристическую ценность.

М.А.К. Хэллидей понимал, что эквивалентность перевода не ограничивается отношением между текстами, а распространяется на более мелкие части текстов оригинала и перевода. Однако он допускает существование отношения эквивалентности только между отдельными предложениями в текстах, но не между составными элементами предложения. Это утверждение обосновывалось тем обстоятельством, что число предложений в оригинале и переводе, как правило, совпадает и что обычно каждому предложению в оригинале соответствует отдельное предложение в переводе. По-видимому, отказ от изучения отношений эквивалентности на уровне слова и словосочетания обусловлен тем, что М.А.К. Хэллидей видел в переводческой (контекстуальной) эквивалентности основу для выделения объектов формальной эквивалентности, а в пределах предложения эквивалентными могут быть языковые единицы, между которыми нельзя обнаружить какое-либо формальное соответствие. Вспомним, однако, что сопоставимость языковых единиц, по мнению М.А.К. Хэллидея, всегда предполагает их взаимную переводимость, а следовательно, и отношения эквивалентности. Отсюда, видимо, следует вывод, что эквивалентность при переводе может устанавливаться между отдельными компонентами предложения (словами и словосочетаниями), как находящимися, так и не находящимися в отношении формальной эквивалентности.

Большое внимание в работах М.А.К. Хэллидея уделяется моделированию самого процесса перевода. Определив переводческий процесс как последовательный выбор эквивалентов на разных уровнях языковой иерархии, он предложил для описания этого процесса использовать Модель, которая правильно отражала его сущность, хотя и не обязательно соответствовала бы реальным действиям переводчика. М.А.К. Хэллидей различает в процессе перевода несколько этапов в соответствии с «рангами» (уровнями) единиц, которыми оперирует переводчик на каждом этапе. Сначала - на ранге морфем - дается наи-

более вероятный эквивалент для каждой морфемы, не считаясь с ее окружением. Затем наиболее вероятные эквиваленты выбираются для единиц более высокого уровня - на ранге слов. При этом эквиваленты на уровне морфем пересматриваются уже с учетом лингвистического окружения. Затем такая же процедура повторяется на уровне словосочетания и предложения.

На основе такой модели в процессе перевода выделяются два этапа: 1) выбор наиболее вероятного эквивалента для каждой категории или единицы; 2) модификация этого выбора на уровне более крупной

единицы на основе либо данных ИЯ, либо норм ПЯ. Например, выбор формы числа в переводе обычно зависит от ИЯ, а выбор рода и синтаксического согласования определяется нормами ПЯ. В работах М.А.К. Хэллидея используется и вариант этой модели, где учет грамматических и лексических черт ПЯ выделяется в отдельный этап.

Схема описания процесса перевода, предложенная М.А.К. Хэллидеем, нашла мало сторонников среди теоретиков перевода. Представляется сомнительным, чтобы при переводе подыскивались эквиваленты морфемам, а не сразу словам, обладающим самостоятельным значением. Вся процедура кажется слишком громоздкой, и, по-видимому, эквивалентность может иногда устанавливаться непосредственно между единицами более высоких уровней. Однако несомненной заслугой является сама идея моделирования переводческого процесса, позволяющая описывать мыслительные операции переводчика, которые нельзя наблюдать непосредственно. Разработка различных моделей перевода получила широкое распространение в современном переводоведении.

Проблемы переводческой эквивалентности и моделирования переводческого процесса находятся в центре переводческих трудов М.А.К. Хэллидея, но они не исчерпывают их содержания. Ученого интересуют особенности научно-технического и художественного перевода, специфика устного перевода, перспективы развития машинного перевода. Хотя все эти проблемы не подвергаются всестороннему анализу, в соответствующих разделах можно найти немало интересных мыслей. Обращение к переводческой проблематике такого крупного лингвиста, как М.А.К. Хэллидей, несомненно способствовало формированию лингвистической теории перевода.

При всей ценности работ М.А.К. Хэллидея в области теории перевода она составляла лишь небольшие разделы в трудах, посвященных более широкой лингвистической проблематике. Заслуга создания первой лингвистической монографии по проблемам перевода принадлежит другому английскому лингвисту - Дж. Кэтфорду.

17

3. Переводческая концепция Дж. Кэтфорда

Наиболее полным воплощением английских переводческих концепций этого периода явилась работа Дж. Кэтфорда «Лингвистическая теория перевода», сыгравшая значительную роль в становлении современной теории перевода. Книга Дж. Кэтфорда - это первая попытка в английском переводоведении построить цельную и законченную теорию перевода на основе определенных представлений о языке и речи. Она представляется образцом последовательного распространения на перевод общетеоретических постулатов лингвистической школы Дж. Ферса, к которой принадлежит и автор книги.

Дж. Кэтфорд положил начало традиции, которая нашла свое отражение во многих последующих работах по лингвистической теории перевода: предварять рассмотрение собственно переводческих проблем изложением исходных общелингвистических концепций. Этому посвящена первая глава книги, содержащая краткое, но очень четкое описание структуры языка, строения его единиц, взаимодействия языка с ситуациями, в рамках которых осуществляется речевое общение.

Описание языковой структуры начинается с введения понятия языка как вида структурного поведения человека, где обнаруживается причинная связь с элементами ситуации, в которой используется язык. Отсюда вытекает вывод, что существование языка может рассматриваться на двух разных уровнях. Вслед за Дж. Ферсом Дж. Кэтфорд различает собственно языковые формальные уровни и

экстралингвистические (неформальные). Собственно языковые уровни включают фонологию и графологию, связанные с фонической и графической «субстанцией» (звуками и буквами), и грамматику и лексику, связанные с ситуативной субстанцией (элементами внешнего мира). Отношение между грамматическими и лексическими единицами и соответствующими элементами ситуации составляет контекстуальное значение этих единиц, в отличие от их формального значения, определяемого отношением единицы к другим единицам того же уровня.

Каждый уровень обладает своей спецификой. Так, для грамматического уровня характерно наличие закрытых систем с ограниченным числом элементов, связанных оппозитивными отношениями. Для уровня лексики, напротив, характерно наличие открытых систем, число элементов которых может расти, не меняя самой системы.

Дж. Кэтфорд дает классификацию грамматических единиц из 5 рангов (классов): предложение, клауза, группа, слово, морфема*, и

* В лингвистической концепции Дж. Ферса и его последователей группа представляет собой член предложения (слово или словосочетание), клауза - элементарное предложение, простое, или придаточное, а также приравняемые к предикативным единицам обособленные обороты, а предложение - единица, состоящая из двух и более клауз.

18

вводит понятие «сдвиг по рангу» (rank-shift). Так, клауза обычно функционирует непосредственно в составе предложения (Since we couldn't meet earlier, we met after the concert), но может включаться в состав группы (The man we met after the concert is my brother).

В последнем случае и имеет место сдвиг по рангу.

Изложив некоторые исходные лингвистические понятия, Дж. Кэтфорд переходит к рассмотрению собственно переводческих проблем. Вторая глава книги посвящена определению перевода и классификации его типов. В соответствии со своим подходом Дж. Кэтфорд дает упрощенное, но собственно лингвистическое определение перевода как «замену текстового материала на исходном языке (ИЯ) эквивалентным текстовым материалам на языке перевода ПЯ». Он настаивает на термине «текстовый материал» (а не просто текст), поскольку некоторые элементы оригинала могут быть прямо перенесены в текст перевода. И здесь Дж. Кэтфорд выдвигает положение, сыгравшее большую роль в последующем развитии переводоведения. Он заявляет, что термин «эквивалентность» - несомненно ключевой в определении перевода и что центральная задача теории перевода заключается в том, чтобы определить природу переводческой эквивалентности и условия ее достижения. Анализ этого понятия посвящена следующая глава книги, но перед этим автор рассматривает возможные виды перевода. Предлагается различать, с одной стороны, полный и частичный перевод, а с другой - тотальный и ограниченный перевод. При полном переводе переводится весь текст оригинала, при частичном переводе часть текста оригинала переносится в текст перевода либо потому, что она признается непереводаемой, либо для придания переводу «местного колорита». Тотальным переводом предлагается именовать обычный перевод, когда оригинал переводится на всех языковых уровнях, тогда как ограниченный перевод означает перевод лишь на каком-либо одном уровне: фонологическом, графологическом, грамматическом или лексическом.

Предлагается также различать перевод, ограниченный рангом, где эквиваленты создаются

исключительно между единицами одного и того же ранга (слово переводится словом, группа - группой и т. д.), и перевод, свободный от такого ограничения. Тогда традиционные термины - свободный, буквальный и пословный перевод - получают собственно лингвистические определения. При свободном переводе эквиваленты перемещаются по различным рангам, но тяготеют к более высокому рангу, чем предложение. Пословный перевод осуществляется в основном на ранге слова, хотя может включать и некоторые эквиваленты на ранге морфемы. Буквальный перевод занимает промежуточное положение: он дословен, но допускает изменения в связи с требованиями грамматики ПЯ (добавление слов, изменение структуры на любом ранге и т. п.).

19

Большое внимание уделено в книге способу определения эквивалентности. Дж. Кэтфорд предлагает установить эквивалентность двух отрезков текста эмпирическим путем: анализируя уже выполненные переводы или предлагая опытному переводчику перевести отрезок текста оригинала. При этом обнаруживаемые эквиваленты отнюдь не обязательно будут формально соответствовать друг другу, то есть занимать примерно одинаковое место в системах ИЯ и ПЯ. Не будут они иметь и одинаковые значения, поскольку каждый язык имеет собственную систему значений, и, следовательно, значения единиц оригинала не могут совпадать со значениями единиц перевода. Дж. Кэтфорд демонстрирует несовпадение значений эквивалентных единиц в оригинале и переводе, анализируя состав английского предложения «I have arrived» и его русского перевода «Я пришла». В английской фразе методом оппозиции можно выделить 5 элементарных смыслов: 1. «Говорящий» - I противопоставлено he, we и др. 2. «Прибытие» - arrive противопоставлено другим событиям - «leave, depart» и др. 3. «Событие, происшедшее в прошлом», - have arrived противопоставлено arrive. 4. «Прошлое событие, связанное с другим моментом времени», - have arrived противопоставлено arrived. 5. «Прошлое событие, связанное с настоящим», - have arrived противопоставлено had arrived. В русской фразе обнаруживаются 6 смысловых элементов, из которых лишь три совпадают с английскими: 1. «Говорящий» - «Я» противопоставлено «он, мы» и пр. 2. Женский род - «пришла» противопоставлено «пришел». 3. «Прибытие» - «пришла» противопоставлено «ушла» и пр. 4. «Пешком» - «пришла» противопоставлено «приехала». 5. «Событие, происшедшее в прошлом», - «пришла» противопоставлено «прихожу». 6. «Законченное событие» - «пришла» противопоставлено «приходила».

Таким образом, переводческая эквивалентность не означает ни формального соответствия, ни равенства значений. Единственным условием эквивалентности Дж. Кэтфорд считает требование, чтобы они могли заменять друг друга в данной ситуации, что и обнаруживается при эмпирическом анализе. Элементарные смыслы и представляют собой пучок различительных признаков как совокупности ситуативных черт, которые существенны для данного текста. Отсюда следует вывод, что эквивалентность при переводе возникает тогда, когда устанавливается соответствие между различительными признаками (или, по крайней мере, между некоторыми из них) текста на исходном языке и текста на языке перевода.

Высказывания Дж. Кэтфорда по проблеме переводческой эквивалентности оказались весьма плодотворными и нашли отражение во многих публикациях по теории перевода более позднего периода. Заслуживают внимания и разделы книги, посвященные применению транслитерации при переводе, грамматическим и лексическим преоб-

20

разованиям, взаимодействию разных уровней в процессе перевода, проблемам учета при переводе социальных, диалектальных и иных языковых различий и т. п. Несмотря на их несколько фрагментарный характер, они убедительно свидетельствуют о плодотворности лингвистического подхода к переводческой проблематике.

4. Вопросы теории перевода в работах П. Ньюмарка

В кругах переводоведов хорошо известно имя Питера Ньюмарка, автора многочисленных статей по теории перевода, учебника по переводу и монографии «Подступы к переводу». Если М.А.К. Хэллидей и Дж. Кэтфорд в своих переводческих работах выступают как лингвисты, распространяющие на перевод принципы и методы исследования языкознания, то П.Ньюмарк - это прежде всего переводчик-практик и преподаватель перевода, формулирующий теоретические положения на основе обогащения переводческого опыта. Ему не по душе абстрактные теоретические модели и «чистая теория», он больше всего озабочен тем, чтобы теория перевода была непосредственно связана с переводческой практикой. Поэтому в его работах много частных наблюдений и замечаний о различных тонкостях и трудностях перевода и меньше собственно теоретических проблем. Вместе с тем в них можно найти и целый ряд общетеоретических концепций, представляющих собой несомненную ценность, несмотря на то что порой они не обладают достаточной научной строгостью и излишне категоричны.

По мнению П. Ньюмарка, главная задача теории перевода заключается в том, чтобы определить надлежащие методы перевода для возможно большего числа типов или подтипов текста, чтобы создать основу для формулирования принципов, отдельных правил и советов, необходимых переводчику. Все положения теории перевода должны выводиться из переводческой практики и обязательно сопровождаться примерами из оригиналов и их переводов. П. Ньюмарк неизменно следует этому правилу, и в его работах всегда присутствует богатый иллюстративный материал.

Хотя П. Ньюмарк делает упор на прикладную роль теории перевода, он осознает и ее большое научно-познавательное значение. Он указывает, что эта теория проливает свет на отношения между мыслью, значением и языком, на универсальные, культурные и индивидуальные аспекты языка и речевого поведения, на особенности различных культур, на проблемы интерпретации текстов и пр.

Рассмотрев важнейшие факторы, влияющие на выбор стратегии переводчика (цель текста, намерение переводчика, характер читателя и языковые и художественные качества текста оригинала) и основные типы переводческих текстов (выражающие соответственно экспрессив-

ную, информативную и директивную функции), П. Ньюмарк формулирует два общих метода перевода: коммуникативный и семантический. Коммуникативный перевод стремится произвести на читателя воздействие как можно более близкое к тому, какое испытывают читатели оригинала. Семантический перевод стремится передать, с учетом семантических и синтаксических ограничений ПЯ, точное контекстуальное значение оригинала. Хотя оба метода могут сочетаться при переводе всего текста или его части, но в первом случае акцент делается на сообщении читателя и высказывании, а во втором - на значении, авторе и его замысле. П. Ньюмарк подробно останавливается на условиях и особенностях использования каждого из указанных методов. Он отмечает, что коммуникативный перевод всецело ориентирован на читателя перевода, обеспечивая ему простую и ясную передачу исходного сообщения в привычной для него форме. Напротив, семантический перевод остается в рамках культуры оригинала, он более сложен, более детален, стремится передать все нюансы мысли, все особенности авторского стиля. Хотя П. Ньюмарк подчеркивает, что в ряде случаев коммуникативный перевод является обязательным (например, в предупредительных надписях типа «Beware of the dog» = «Осторожно, злая собака»), его симпатии явно на стороне перевода семантического. Он решительно не согласен с тем акцентом на получателя, который характерен для лингвистов-переводчиков., принадлежащих к школе Ю. Найды, Дж. Ферса и лейпцигской школы. П. Ньюмарк полагает, что подобный подход пренебрегает важными семантическими и формальными элементами оригинала, учетом специфической роли слова,

словосочетания, синтаксической структуры, эмфатического выделения в конкретном тексте. Для него главное - это верность оригиналу, и во имя нее он отстаивает даже буквальный перевод, утверждая, что в любом переводе при условии соблюдения эквивалентного эффекта буквальный перевод, «слово в слово» - это не только самый лучший, но и единственно правильный метод и что недопустимы ненужные «синонимы», а тем более «парафразы».

Могут быть случаи, когда семантический перевод одновременно будет и коммуникативным, но, по мнению П. Ньюмарка, обычно стремление обеспечить максимально естественное восприятие и воздействие текста приводит к утрате ряда семантических элементов оригинала. Он призывает переводчика обращать внимание на форму оригинала не потому, что она важна сама по себе, но потому, что форма и есть содержание.

П. Ньюмарк делает интересную попытку подкрепить свою концепцию общими соображениями о соотношении речи и мышления. Он рассуждает о том, что человек больше мыслит, чем говорит, и что поэтому язык - это скорее орудие мысли, чем средство коммуникации.

22

Процесс мысли наиболее полно отражается в письменной речи, в то время как устная речь более стереотипна и автоматизирована и часто осуществляется без предварительного обдумывания. Именно она представляет собой коммуникацию в чистом виде. Коммуникативный перевод связан с передачей информации, семантический перевод - с отражением процесса мышления. Первый воспроизводит то, что сообщает автор оригинала, второй - то, что и как он думает. Хотя коммуникативный перевод более распространен, семантический перевод оказывается, по мнению П. Ньюмарка, более значимым.

П. Ньюмарк указывает, что характеристика двух общих методов перевода является его главным вкладом в теорию перевода. Вместе с тем в его работах рассматривается и ряд более частных переводческих проблем: вопросы перевода собственных имен, политических и иных терминов и названий, метафор и слэнга, выбора синонимических соответствий и пр. Все эти вопросы рассматриваются на большом иллюстративном материале, сопровождаемом тонкими и очень полезными в практическом плане наблюдениями и замечаниями.

Нельзя не согласиться с мнением Ю. Найды, который в своем кратком предисловии к книге П. Ньюмарка «Подступы к переводу» сказал, что автор внес важный вклад в достижение более глубокого понимания подлинной природы перевода.

5. Интегрирующая концепция М.Снелл-Хорнби

Современное переводоведение характеризуется большим разнообразием теоретических концепций и направлений исследований. В то же время некоторые теоретики пытаются найти пути к созданию обобщающей единой концепции, охватывающей всю переводческую проблематику. Среди таких попыток большой интерес представляет книга М.Снелл-Хорнби «Переводческие исследования. Интегрированный подход», опубликованная в 1988 г.

В первой главе книги излагается основная мысль автора. Рассматривая историю переводческих учений и современные теории перевода, М. Снелл-Хорнби приходит к выводу, что все они неудовлетворительны. Во-первых, все они основаны на дихотомии, на выделении и изолировании противопоставленных категорий и областей исследования. Так, традиционно раздельно изучаются язык и литература и

соответственно разделяется изучение технического и художественного перевода. При этом лингвистический подход отвергает художественный перевод. Работы по художественному переводу фактически часто сводятся к сопоставительному литературоведению. Во-вторых, теории, ориентированные на какую-то одну из выделенных категорий, также дают, по мнению М. Снелл-Хорнби, очень скудные результаты. Они охватыва-

23

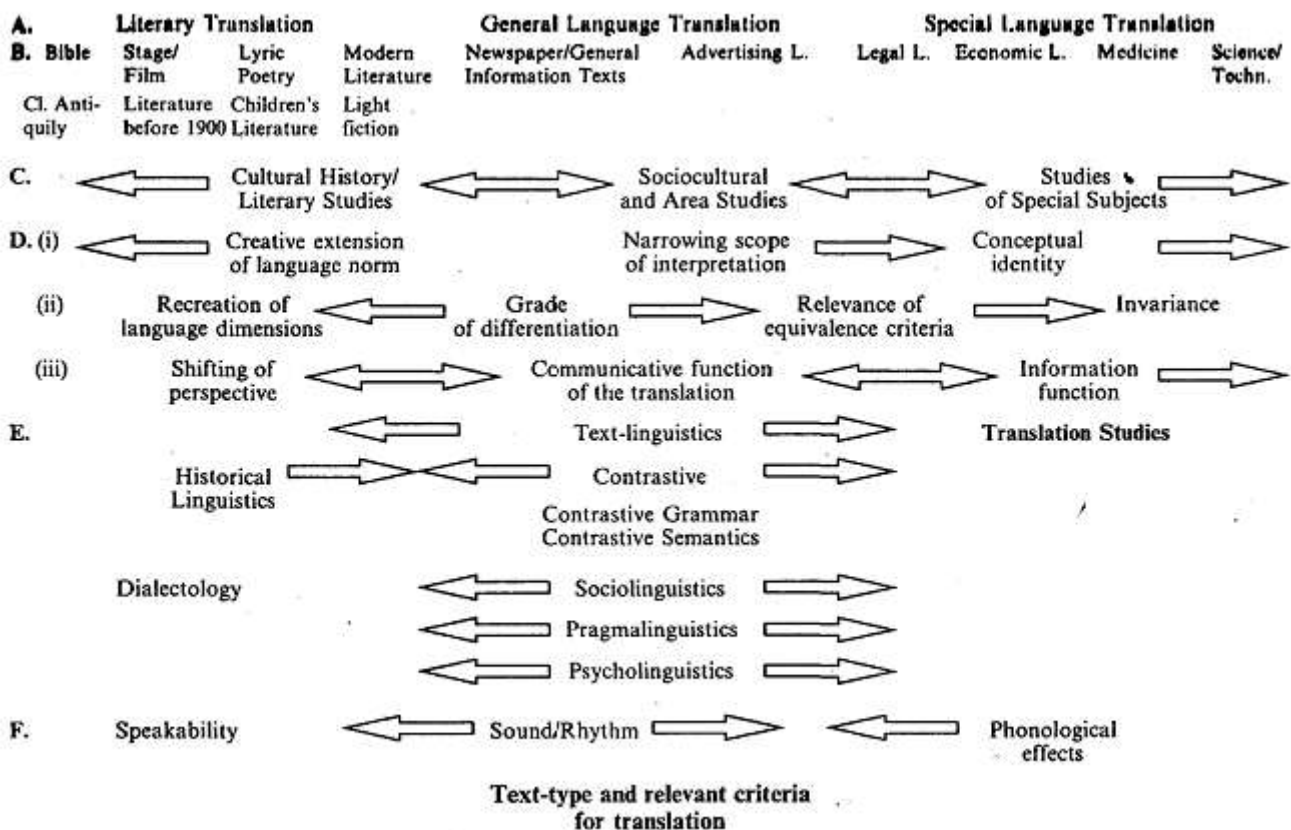
ют лишь отдельные участки объекта и носят либо очень общий, либо узкоограниченный характер. В-третьих, не оправдывают себя и попытки создать переводческую типологию текстов, поскольку их авторы стремятся выделить четкие категории, противопоставить один тип текста другому. На самом деле между категориями нет четких границ, а в каждой категории есть центр (прототип) и периферия, более или менее плавно переходящая в другие категории. Поэтому нужна не типология, а прототипология - единая динамическая система отношений, в которых рубрики - это идеальные фокусы, а между ними - шкала расплывчатых и пересекающихся оттенков.

Исходя из сказанного, М.Снелл-Хорнби предлагает свою стратификацию - модель предмета переводоведения, охватывающую все аспекты перевода и релевантные факторы без жестких разграничений между ними (см. схему на стр. 25). Схематическое изображение этой модели состоит из шести уровней. На каждом уровне указываются основные категории, которые составляют шкалу взаимосвязанных и переходящих друг в друга элементов. Уровни располагаются на схеме сверху вниз - от наиболее общих категорий на первом уровне до наиболее частных - на последнем.

Первый уровень (а) представляет общие виды перевода, которые традиционно неоправданно изолировались друг от друга. Они включают на одной стороне художественный перевод, на другой - перевод специальных текстов, а между ними - «Общий языковой перевод», который, по мнению автора, составляет основной объект внимания лингвистической науки о переводе, хотя остается крайне неопределенным и обычно характеризуется лишь негативно: «нехудожественный» и «нетехнический». Подчеркивается, что на схеме это не дихотомия, а подвижной спектр, где чисто литературные приемы, например игра слов или аллитерация, могут включиться в «общезыковые» газетные тексты и рекламные объявления, и, наоборот, прототипические технические, политические или бытовые термины могут использоваться как художественные средства в литературе.

На втором уровне (в) представлена прототипология основных видов текстов. Здесь на одном полюсе находятся традиционные объекты внимания теоретиков - Библия, классические произведения античности и более поздних времен, а также лирическая поэзия, детская литература, драматургия и современная беллетристика. На другом полюсе расположены технические тексты, а между этими полюсами помещены газетно-информационные тексты, рекламные объявления, тексты юридические, экономические и медицинские. М. Снелл-хорнби указывает, что в схеме упоминается лишь небольшое число основных типов текстов, которых на самом деле гораздо больше, включая множество смешанных типов.

24

Третий уровень (с) занимают «экстрапереводческие» дисциплины: история культуры и литературы, социокультурные и страноведческие исследования, изучение специальных предметов.

Четвертый уровень (d) отражает особенности процесса перевода. Здесь выделены три подуровня. Первый представляет этап понимания, где предполагается учет творческого развития языковых норм в литературе, сужение возможной интерпретации оригинала, уяснение понятийного содержания. Второй относится к созданию текста перевода, где упоминаются такие факторы, как воссоздание «языковых измерений», «степень дифференциации» (пояснение реалий), учет релевантности критериев эквивалентности и сохранение инвариантности. Третий касается функции перевода от возможного изменения функциональной перспективы до сохранения коммуникативной или информативной функции.

На пятом уровне (e) дается широкий спектр лингвистических дисциплин, релевантных для теории перевода, - от лингвистики текста до психолингвистики, включая контрастивную лингвистику, социолингвистику, прагмалингвистику и ряд других областей языкознания.

И, наконец, на шестом уровне (f) помещены звуковые особенности речи, ее ритмическая организация и достигаемый фонологический эффект.

Кратко охарактеризовав отдельные компоненты общей схемы, М. Снелл-Хорнби посвящает следующие четыре главы своей книги рассмотрению узловых проблем переводоведения, которые она группирует под рубриками: (1) перевод как межкультурное событие; (2) перевод, текст и язык; (3) от специального языка до художественного перевода; (4) перспективы переводоведения. Можно заметить, что, хотя в начале книги М. Снелл-Хорнби отвергла лингвистический подход к переводу, ведущее место в этих разделах занимает чисто лингвистическая проблематика.

(1) Критикуя крайности теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа и противостоящей ей теории универсалий, М. Снелл-Хорнби подчеркивает большую роль в переводе различия культур, что заставляет переводчика быть не только билингом, но и «бикультурным». Она разбирает ряд работ 80-х

годов, главным образом немецких авторов, где делается упор на «культурный перенос» при переводе для обеспечения коммуникации с помощью текста перевода, что приводит к «свержению с трона оригинала».

К числу особенностей культуры М. Снелл-Хорнби относит и нарушения языковой нормы, типичные для литературных текстов, их метафоричность, позволяющая использовать скрытые потенции языка.

Для характеристики культурного переноса при переводе предлагаются два новых термина: измерение и перспектива. Под измерени-

см понимается языковая ориентация текста через отбор лексики, стилистических приемов и синтаксических структур. Измерение текста оригинала желательно сохранить в переводе, однако трудность заключается в многомерности художественного текста, его связях и ассоциациях с другими текстами и единицами языка. Перспектива текста -это точка зрения говорящего, автора или читателя, определяемая их культурой, отношением к описываемым событиям, местом и временем создания текста. При переводе перспектива всегда меняется, что должно учитываться переводчиком.

(2) В разделе «Перевод, текст и язык» критически рассматриваются некоторые популярные направления современной лингвистики. М.Снелл-Хорнби считает, что современные концепции, рассматривающие язык как код, а высказывание - как цепочку знаков, устарели и применимы лишь для машинного перевода. Для исследования перевода более полезны старые подходы, которые связывали язык с культурой, изучали различия между языками, использовали индуктивно-литературно-эмпирические методы анализа. Предлагается при изучении перевода анализировать литературные тексты «сверху вниз» на нескольких уровнях. Сначала определяются положение текста в культуре и ситуации, общая структура текста, начиная с заголовка, функции отдельных его частей и единиц и сеть отношений между ними. Затем проводится более конкретный языковой анализ: выявляются повторяющиеся «ключевые слова», создающие «лексические поля» или систему образов, соотношение частей речи, особенности синтаксиса. Такой анализ, по мнению М. Снелл-Хорнби, позволяет раскрыть специфику художественного текста, который создает систематическую альтернативную картину реальному миру.

Рассмотрев возможность использования в теории перевода положений теории фреймов и теории речевых актов, М. Снелл-Хорнби особо останавливается на требованиях к словарю, который необходим переводчику. По ее мнению, такой двуязычный словарь должен объединить в себе данные толкового и синонимического словарей. В нем должны различаться 5 видов прототипов: терминология, интернационально известные слова (суббота), конкретные предметы (стул), слова оценки и восприятия (предчувствие), культурно-ограниченные слова (реалии). К словарю следует приложить описание контрастивных семантических полей.

(3) Следующий раздел книги посвящен проблемам теории художественного перевода. М.Снелл-Хорнби полагает, что в этой области наблюдаются три новые тенденции. Во-первых, основная ориентация переносится с оригинала на текст перевода. Во-вторых, оценочный подход заменяется дескриптивным. В-третьих, от текста как единицы

языка теория идет к функции перевода как части широкого социокультурного фона, части культуры ПЯ.

Связь перевода с оригиналом динамична, зависит от текста, ситуации и функции перевода:

- чем специальный текст, тем теснее он связан с конкретной ситуацией и тем легче определить функцию текста;
- чем конкретнее ситуация и яснее функция, тем сильнее перевод ориентирован на текст перевода;
- чем «литературнее» текст (оригинальный или переводной), тем сильнее ситуация и функция перевода зависят от «активации» читателя;
- чем «литературнее» перевод, тем выше статус оригинала как произведения искусства.

Значительное место в разделе уделено проблеме стиля художественного текста. М. Снелл-Хорнби считает, что подлинная теория стиля в переводе еще не создана и разговоры о стиле обычно ограничиваются стилистическими приемами. Разработка такой теории должна основываться на ряде положений современной лингвистики, выдвигаемых, в частности, в работах М.А.К. Хэллидея. М. Снелл-Хорнби разбирает некоторые из этих положений:

- теория стиля должна предусматривать многоуровневый подход, иметь дело с множеством семантических, синтаксических, физических свойств художественного текста;
- такой многоуровневости соответствует и множественность текстовых функций;
- стиль может измеряться частотностью стилевых черт;
- ведущим понятием в теории стиля является «форграундинг» - художественно-мотивированное отклонение от норм языка, качественное или количественное;
- стиль может быть «прозрачным», прямо раскрывающим содержание, к «непрозрачным», где форграундинг направлено на языковую форму;
- стилистический анализ начинается с синтаксиса (структура и длина предложения, организация информации - фокус и ударение, структура и частотность именных и глагольных групп - именной или глагольный стиль), затем на уровне семантики и лексики изучаются семантические свойства слов, словообразование и стилистические приемы вплоть до аллитерации и ассонанса.

Стилистический анализ отражает и различия типов текстов: от конвенциональности и «прозрачности» научно-технических и стандартно-информационных текстов до «непрозрачности» индивидуально-авторских.

(4) В заключительной части книги М.Снелл-Хорнби кратко фор-

купирует свои взгляды на перспективу развития переводческих штудий. Она считает, что у этой дисциплины есть хорошее будущее:

- а) Теория перевода будет успешно развиваться, так как потребность в переводе все возрастает и он должен будет получить необходимый статус и признание на основе солидной теоретической базы;
- б) Отвечая запросам практики, теория перевода разрабатывает эффективную программу подготовки будущих переводчиков;
- в) На основе теоретических разработок повысится уровень критики перевода.

Подводя итог этому беглому обзору работы М.Снелл-Хорнби, можно отметить, что, наряду с попыткой дать обобщенное представление об основных направлениях переводческих исследований, в ней содержится и целый ряд конкретных предложений по изучению отдельных аспектов художественного перевода.

Лекция II

Переводоведение во Франции и Канаде

Развитие теории перевода во Франции и Канаде целесообразно рассматривать совместно не только потому, что основные исследования переводческой деятельности в Канаде проводились франкоязычными переводоведами, работавшими в школе переводчиков Монреальского университета. Более существенно, что их работы тесно связаны идейно и организационно с исследованиями их французских коллег: многие публикации канадских ученых были изданы в Париже, часть этих ученых защищала диссертации во Франции в русле теоретических концепций Парижской школы переводоведения.

В истории переводоведения работы на французском языке появились одни из первых, и выдвинутые в них идеи сыграли важную роль в становлении этой новой науки. Особенно сильное воздействие на последующие исследования оказали работы Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, а также лингвистический подход к проблемам перевода Ж. Мунэна. Позднее широкую известность приобрела интерпретативная теория периода Д.Селескович, развитая и конкретизированная в работах М. Ледерер, М. Пернье, Ж. Делила и ряда других.

Для франко-канадского переводоведения характерны как собственно лингвистические концепции перевода, так и широкое использование данных психологии и психолингвистики. Для многих работ этого ареала характерно также стремление связать теоретические изложения с практическими задачами подготовки будущих переводчиков.

1. Сопоставительная стилистика Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне

Большое влияние на развитие теории перевода не только во франкоговорящих странах, но и во всем мире оказала книга канадских лингвистов Жана-Поля Вине и Жана Дарбельне «Сопоставительная стилистика французского и английского языков. Метод перевода», вышедшая в Париже в 1958 г. и выдержавшая несколько переизданий. Она дала толчок к появлению целого ряда работ, использовавших предложенную методику анализа переводов на материале других пар языков.

Будучи одной из первых фундаментальных работ по лингвистической теории перевода, книга Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне обладает рядом несомненных достоинств, которые могут служить образцом для построения подобных исследований в области перевода. Ее отличает высокая степень научности, фундаментальности, четкости структуры и процедуры анализа.

Работе предпосланы словарь переводческих терминов и Введение, в котором изложены основные принципы построения теории перевода, именуемой «сопоставительной стилистикой». Указав, что перевод обычно рассматривается как особое искусство и осуществляется переводчиком интуитивно, Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне настаивают на больших возможностях научно-лингвистического изучения процесса перевода, которое должно исследовать пути, по которым, сознательно или бессознательно, следует ум переводчика при переводе от одного языка к другому. Эти пути во многом определяются соотношением структур и особенностей функционирования языков, участвующих в процессе перевода. Поэтому их изучение должно осуществляться в лингвистических терминах на основе положений современного языкознания.

Во Введении кратко излагаются лингвистические положения, из которых исходят авторы при последующем анализе перевода. Это в первую очередь сосюрская концепция двусторонности языкового знака, значения и значимости знака, соотношения языка и речи. Особо подчеркивается важность различения обязательности и факультативности использования языковых форм в речи. Определенные языковые формы говорящий вынужден применять для выражения своей мысли, между другими он волен выбирать. Если переводчик не учитывает этого различия, возникает явление «сверхперевода»: он не видит вынужденности использования определенной формы в оригинале и переводит так, как будто у автора оригинала был выбор (то есть считает выбор формы релевантным для смысла). (Например, фр. «aller chercher» - «пойти за чем-либо», перевод на английский язык как «to go and look for smth» вместо простого «to fetch».)

Вслед за Ш. Балли предлагается различать внутреннюю стилистику, изучающую взаимодействие когнитивных (интеллектуальных) и аффективных (эмотивных) элементов языка, и внешнюю (сопоставительную) стилистику, которая занимается сопоставительным изучением выразительных средств двух и более языков. Именно в рамках этой последней и предлагается исследовать соотношения французского и английского языков, лежащие в основе перевода.

Большое значение уделяется в Введении обоснованию процедуры анализа, в которой выделяются исследуемые единицы, планы (уровни) анализа и технические приемы. В качестве единиц перевода предлагается рассматривать языковые единицы, соответствующие единицам мысли. Среди таких единиц выделяются: (а) функциональные (выражающие одну грамматическую функцию); (б) семантические (выражающие одно лексическое значение: to happen - to take place); (в) диалектические (выражающие ход мысли: this, or); (г) просодические (выражающие одну интонацию: You don't say). В структурном отношении единица перевода может быть равна слову, словосочетанию, части слова (морфеме), фразеологической единице как идиоматической, так и неидиоматической (severe winter, flat denial, to know for a fact и т.д.). Таким образом, в качестве ЕП выделяются единицы текста оригинала резного уровня, которым можно указать отдельные соответствия в переводе и которые переводятся как одно целое.

Рассматриваются 3 плана анализа: сопоставление лексических единиц ИЯ и ПЯ, сопоставление порядка расположения этих единиц (синтаксических структур) и сопоставление семантической организации двух текстов (двух сообщений) на этих языках (тональность, развитие мысли, эмпфаза, порядок следования и структура абзацев и т. п.).

Технические приемы перевода подразделяются на приемы прямого перевода (заимствование, калька, дословный перевод) и приемы косвенного перевода (транспозиция-замена части речи, модуляция-изменение точки зрения, эквиваленция-замена пословиц другим образом, предупредительных надписей и пр., адаптация-замена описываемой ситуации). Предполагается, что косвенный перевод применяется, когда прямой перевод невозможен, так как он нарушает смысл или вообще не имеет смысла, нарушает нормы языка или ничему не соответствует в ситуации. Все технические приемы перевода могут применяться к ЕП на каждом из трех планов анализа.

Основное содержание книги Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне состав-мет детальное сопоставление английского и французского языков по воем этим трем планам. Особенно подробно рассматривается соотношение лексических единиц двух языков. По мнению авторов, главное различие между английским и французским языками состоит в том, что английские слова чаще отражают план реальности, являясь словами-

образами (конкретные, мотивированные), а французские слова - план концептуальный, выступая в качестве слов-знаков (абстрактные, немотивированные). Отсюда вытекают многочисленные частные различия: в объеме значения (вызывающие необходимость конкретизации или генерализации при переводе), в видовых значениях (как интеллектуальных - длительность, начинательность, завершенность и пр., так и аффективных - интенсивность, непринужденность, изысканность и пр.).

Особо рассматриваются различия в ассоциативных связях слова и типы лексических модуляций. Так, англ. «swim» может ассоциироваться с двумя рядами действий: walk, run, jump - физические упражнения - to go for a walk, to read, to play tennis - и развлечения, а фр. «nager» связано лишь с одним таким рядом (ср. se baigner). Лексические модуляции могут иметь в своей основе самые разные логические отношения, например: причина-следствие to baffle analysis - не поддается анализу средство-результат (a firing squad - команда для расстрела), часть-целое (to wash one's hair - помыть голову), изменение угла зрения (entered the high way выехал на шоссе), промежуток-предел (three flights of stairs - три этажа), форма-применение (high chair - детский стульчик) и т. д.

По аналогичной схеме сопоставляются и синтаксические организации высказываний, и морфологические категории в двух языках, раскрывающие различия в способах актуализации лексических единиц в речи. Здесь прежде всего детально рассматриваются различные виды транспозиции (замены части речи в переводе). Затем авторы пытаются сформулировать ряд обобщений, касающихся подобных преобразований. Они выделяют четыре основные тенденции, которые создают, по их мнению, разные «виды речи». Во-первых, отмечается преобладание во французском языке существительных, в отличие от большей «глагольности» английского языка. (Ср. *to resign-donner sa demission.*) Во-вторых, порядок слов в английском языке более четко отражает реальное расположение объектов, чем во французском, что вызывает необходимость перестановок при переводе, например: *He gazed out of the open door into the garden* (средство-результат) - *Il a regarde' dans le jardin par la parte ouverte.* В-третьих, английский язык более эллиптический, в связи с чем часто при переводе служебные слова заменяются полнозначными (ср. *From-Expediteur*). В-четвертых, существуют различия в употреблении деиктов-артиклей и местоимений: *He walked seven miles on an empty stomach-Il a fait dix kilometres le ventre vide.*

Значительное место в данном разделе уделено сопоставлению грамматических категорий. Здесь отмечаются расхождения в категориях рода, числа, времени, залога, модальности и вида.

Завершают раздел замечания о возможных различиях в структуре синтагмы и в использовании эллипса. Наблюдаются как случаи из-

32

быточности, связанные с опущениями при переводе (*He strode away like **As** mountaineer he was*), так и необходимость добавления опущенного элемента (*He did not say - он этого не сказал - Il ne l'a pas dit*).

Большой интерес представляет материал раздела, посвященного и лишению различия в смысловой структуре сообщений в двух языках. Прежде всего обращается внимание на расхождения в способах описания одних и тех же ситуаций (*We passed few cars on the road.* - По дороге мы встретили мало машин). Затем под общим названием «Просодические явления» рассматривается ряд явлений, связанных с повторением элементов текста, расширением сообщения (добавления слов при переводе), экономией средств, компенсацией, стилистическими украшениями и с использованием метафор («живых» и стершихся). Соотношение порядка слов в оригинале и переводе обнаруживает различия в расположении идей в высказывании, что, по мнению авторов, отражает особенности психологии. Отмечается, в частности, тенденция английского языка к анимизму, субъективному изображению ситуации (*Winter saw: We heard steps*) особенности использования эмфазы, инверсии, риторических вопросов. Интересно наблюдение, что некоторые слова в переводе не могут стоять в начале фразы (*More will come tomorrow*), другие не могут стоять в конце (французский язык, по мнению авторов, избегает ставить в конце фразы короткие слова). Рассматриваются также различные виды логических связей между высказываниями.

В заключение раздела анализируются случаи использования приемов модуляции и эквиваленции при изменении смысловой структуры сообщения при переводе. Подробно описываются различные логические отношения между исходными и преобразованными структурами: конкретное-абстрактное, причина-следствие, целое-часть и т.д. Следует отметить, что эта часть во многом повторяет раздел работы, посвященный лексическим модуляциям. То же самое можно сказать и о примерах использования приема эквиваленции при переводе высказывания, где описываются уже знакомые явления (ср. *Open to the public - Вход свободный; Men at work - Дорожные работы и т. п.*).

Заклучая раздел, Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне подчеркивают, что не надо обращаться к экзотическим языкам, чтобы убедиться, что разные языки по-разному членят описываемую действительность, и приводят ряд убедительных примеров. (Например: ряд сочетаний с английским прилагательным «brown»: brown eyes, brown butter, brown pencil, brown shoes, brown bread, brown paper, brown hair.)

Как видно из этого краткого изложения содержания книги Ж.Л.Вине и Дарбельне, она содержит богатый фактический материал, показывающий большие перспективы разработки частных теорий перевода для разных пар языков. Многие идеи и направления анали-

33

за, намеченные в книге, успешно разрабатывались в более поздних работах по переводоведению. Вместе с тем следует отметить, что в этой работе авторам не всегда удается четко провести разграничение между теорией перевода и сопоставительным языкознанием. Не всегда ясно, проверялись ли выделенные соответствия путем анализа реальных переводов, или они были выбраны лишь потому, что имеют одинаковые функции в обоих языках. Это обстоятельство, разумеется, не умаляет заслуг этой пионерской работы в развитии современной науки о переводе.

2. Ж. Мунэн как переводовед

Известный французский языковед Жорж Мунэн один из первых обратился к переводческой проблематике. В фундаментальной работе «Теоретические проблемы перевода» (1963 г.), в книге «Теория и история перевода» (1965 г.), в многочисленных статьях и докладах, позднее собранных в сборнике «Лингвистика и перевод» (1976 г.), он рассматривает широкий круг вопросов, раскрывающих связь языкознания с теорией перевода.

Ж.Мунэн не стремится разработать целостную лингвистическую теорию перевода. Он ставит перед собой задачу раскрыть большие возможности использования понятий и методов исследования, которыми оперирует современное языкознание, для изучения переводческих проблем. Эрудированный лингвист, Ж.Мунэн решает эту задачу как бы «от противного». Прежде всего он рассматривает на высоком научном уровне современные концепции о языке, которые ставят под сомнение саму возможность перевода. Лингвистические препятствия для перевода объединяются в три группы проблем: специфичность семантики языковых знаков, несовместимость «картин мира», создаваемых языком для отражения внеязыковой реальности, и различия в самой этой реальности, в культуре и цивилизации носителей разных языков.

Рассматривая лингвистические концепции значения языкового знака в работах таких известных языковедов, как Соссюр, Харрис, Блумфилд, Мартине, Ельмслев и ряд других, Ж. Мунэн обращает внимание на то, что современное языкознание все еще преодолевает наивное представление о языке как о инвентарном списке имен, где каждое слово служит ярлыком для обозначения соответствующего объекта. При такой точке зрения слова разных языков - это разные обозначения для одинаковых объектов. Поэтому соответствующие слова двух языков могут различаться лишь по форме, и их перевод будет сводиться к простой замене одной формы на другую. Современные концепции языка не приемлют подхода к языку как к простой номенклатуре. В то же время многие лингвистические теории, к которым

34

обращается Ж. Мунэн, признавая наличие у каждого языкового знака устойчивого, лишь ему присущего значения, не считают возможным описывать такое значение с достаточной степенью объективности и на этом основании предлагают ограничивать лингвистический анализ лишь формальной стороной языка, его планом выражения.

Поскольку перевод всегда предполагает понимание переводимого текста, отлучение значения от объективного описания служит препятствием для теоретического изучения переводческого процесса.

Вторым лингвистическим препятствием для разработки теории перевода являются, по мнению Ж. Мунэна, неогумбольдтианские концепции в современном языкознании, которые утверждают, что каждый язык создает собственную картину мира, членит отражаемую в нем действительность только ему присущим способом. При этом язык как бы навязывает каждому следующему поколению такую картину мира, вынуждая его видеть окружающий мир сквозь концептуальную сетку данного языка. Из известной гипотезы Сепира-Уорфа следует, что различие языков предполагает и различие логических категорий и характера мышления у людей, говорящих на этих языках. Утверждается, например, что Аристотелева логика отражает особенности греческого языка и что если бы Аристотель был индейцем племени Дакота, то его логика была бы совсем иной. А поскольку картины мира, создаваемые разными языками, несводимы друг к другу, то содержание текста оригинала не может совпадать с содержанием текста перевода и вся процедура перевода оказывается фикцией.

В качестве третьего препятствия для возможности осуществления перевода и его теоретического обоснования Ж. Мунэн указывает на выводы современной социолингвистики, свидетельствующие о существенных культурно-этнических особенностях, находящих отражение в переводимых текстах. Утверждается, что культура одного народа специфична и непроницаема для другого народа, что каждый из них обладает своими обычаями, ассоциациями, своей психологией, своим отношением к реальности. Речь здесь идет не только о различиях в картинах мира, но и о том, что и сами миры оказываются разными. Цитируя труды Ю. Найды, Ж. Мунэн указывает на трудности перевода, связанные с особенностями экологии, материальной культуры, культуры социальной, религиозной и лингвистической. Как перевести слово «пустыня» на язык племени, живущего в гуще тропического леса? Что может означать фраза «городские ворота» для кочевников, никогда не видевших ни города, ни ворот? Как быть, если на языке данного народа нет понятия «брат», а есть только «старший брат» или «младший брат»? Как переводить специфические религиозные термины на язык народа, не знакомого с теологическими понятиями и ритуалом? Различие цивилизаций и собственно языковые различия создают серьезную преграду для полноценного перевода.

35

Ж. Мунэн не останавливается на констатации серьезности лингвистических возражений против «законности» и обоснованности перевода. Он подвергает более детальному анализу проблемы перевода, связанные со структурой лексического состава языка, его картиной мира и множественностью культур, дополняя их рассмотрением синтаксических аспектов перевода. И в каждом из этих разделов анализа он раскрывает новые возможности для лингвистического подхода к переводу, для успешного теоретического изучения перевода с помощью лингвистических терминов и понятий.

Так, в связи с проблемой передачи в переводе значений слов оригинала Ж. Мунэн подробно рассматривает труды таких лингвистов, как Л. Ельмслев, Л. Прието, А. Мартине и др., в которых обосновывается возможность выделения в значении знака минимальных смысловых элементов (фигур

содержания). Такие компоненты значения, выделяемые путем сопоставления с другими словами языка (jument=cheval + femelle, durfen=possibilite' + morale), дают возможность сопоставлять значения слов разных языков, обеспечивая использование в переводе одинакового набора элементарных смыслов.

Важное значение для теории перевода имеют также достижения современного языкознания в области описания тех дополнительных компонентов плана содержания языкового знака, которые обычно именуется его коннотацией. Передача в переводе эмотивных, стилистических, образных аспектов значения может играть столь же важную роль, как и передача предметно-логического содержания.

Ж.Мунэн вновь и вновь обосновывает свой основной тезис, что современная лингвистика не только создает трудности для теории перевода, но и помогает их преодолевать. Указывая на реально существующие препятствия для воспроизведения содержания текста на другом языке, лингвистика дает возможность объективно оценить степень точности перевода, выявить элементы расхождения перевода и оригинала и их коммуникативную значимость.

Аналогичным образом рассматриваются и проблемы перевода, связанные с языковой картиной мира и множественностью культур. Конечно, каждый язык по-разному членит действительность, и многочисленные названия разновидностей снега у эскимосов или лошадей различной окраски у аргентинских пастухов не находят соответствия в языках других народов, создавая тем самым определенные трудности при их переводе. Однако лингвистика и здесь указывает на ограниченность этих трудностей. Во-первых, аналогичные различия в членении действительности обнаруживаются и в пределах одного и того же языка. Ж. Мунэн отмечает, например, что, хотя средний француз знает всего лишь одно слово со значением «снег», французские лыж-

36

наша используют целый ряд наименований различных видов снега, не уступающий по числу слов лексике эскимосов или лапландцев. То же самое можно сказать и о французских коневодах, в распоряжении которых имеется более двухсот терминов для названия лошадей. Наличие таких различий вовсе не препятствует возможности общения между французами. Равным образом они могут преодолеваться и в переводе. Во-вторых, лингвистические исследования обнаруживают наличие в языках многочисленных универсалий, отражающих общность среды обитания, биологического типа, восприятия окружающего мира и психической организации у всех обитателей нашей планеты. К собственно лингвистическим универсалиям следует добавить и многие общие элементы, свойственные культурам разных народов, общность описываемых объектов и ситуаций. В современном мире наблюдается дальнейшее сближение культур, отражающееся в определенной конвергенции языков. Все это, несомненно, облегчает преодоление различий в языковых картинах мира в процессе перевода.

Не представляются непреодолимым препятствием для перевода и различия между культурами языковых коллективов. Безусловно, знание реальности, стоящей за текстом оригинала, необходимо для его понимания и перевода. Но факты чужой культуры не являются чем-то непостижимым, недоступным для описания и изучения. Используя этнографические данные, переводчик может успешно справиться с задачей воспроизведения или объяснения в переводе особенностей культуры, отраженных в значениях слов оригинала.

Среди лингвистических барьеров, которые должен преодолеть переводчик, Ж. Мунэн рассматривает и расхождение грамматических структур языков. И здесь, с одной стороны, лингвистика обнаруживает возможность существования универсалий, основанных на общности функций или способов

грамматической связи, равно как и возможность приравнивания друг к другу разнотипных структур, употребляемых разными языками в одних и тех же ситуациях.

Ж. Мунэн подчеркивает относительность понятий «переводимость» и «непереводимость». При переводе приходится преодолевать множество препятствий лингвистического и нелингвистического характера, и каждый раз это удается сделать в большей или меньшей степени. Коммуникация с помощью перевода никогда не бывает абсолютной, но в то же время она всегда возможна.

Ж. Мунэн был одним из первых исследователей, подошедших к переводческой проблематике с последовательно лингвистических познаний. Его работы во многом предопределили дальнейшее развитие лингвистического переводоведения.

37

3. Интерпретативная теория перевода Д.Селескович и М.Ледерер

Опытный переводчик и преподаватель перевода Даница Селескович основывает свою теорию перевода на наблюдениях за процессом устного, в первую очередь синхронного, перевода. Разработанная ею концепция изложена в многочисленных публикациях, а ее общетеоретические выводы нашли наиболее полное отражение в книге «Интерпретировать для того, чтобы переводить» (1987), написанной совместно с М. Ледерер.

В основу своей концепции Д.Селескович кладет неоспоримые лингвистические и психологические факторы, раскрывающие связь языка и мышления в процессе общения между людьми. Как известно, вслед за Ф. де Соссюром в языкознании утвердилось понимание языкового знака как двусторонней единицы, объединяющей звуковой образ - означающее и понятие-означаемое и составляющей часть общей языковой системы. Звучания и значения языковых единиц хранятся в памяти членов данного языкового коллектива и являются их общим достоянием. Именно благодаря этой общности язык может служить средством общения между людьми. Однако само общение осуществляется не единицами языка, а с помощью речевых высказываний-текстов, которые хотя и строятся из языковых единиц, но обладают смыслом, несводимым к простой сумме значений таких единиц. Общаются конкретные люди в определенной обстановке, в определенное время и в определенном месте. Смысл любого высказывания будет во многом зависеть от этих факторов, а также от предыдущего опыта коммуникантов, их знаний, чувств и намерений. Одно и то же высказывание может иметь различный смысл в зависимости от контекста и ситуации, в которых оно используется. Цель общения и состоит в передаче такого конкретного смысла, который и понимается адресатом. Например, высказывание «Я только что приехал из Нью-Йорка» может быть ответом на вопрос «Не хотите ли поехать сегодня в Нью-Йорк?», или на вопрос «Не хотите ли поехать сегодня в Бостон?» или «Почему вы чувствуете себя здесь чужим?» И каждый раз это высказывание будет иметь иной смысл, а следовательно, и иной перевод.

Такая относительная независимость смысла высказывания от составляющих его языковых единиц подтверждается и данными психологии. Известно, что говорящие не запоминают языковую форму высказанных ими мыслей, а сохраняют в памяти лишь выраженный смысл. Как правило, человек не может повторить слово в слово сказанное или услышанное, но может передать соответствующий смысл.

Отсюда Д.Селескович делает вывод, что задача переводчика и состоит в передаче на другой язык этого смысла переводимого выска-

38

значения, который возникает в момент речи в конкретных условиях, шагах языковое содержание высказывания (выводимое из значений языковых единиц) сочетается с необходимыми познаниями слушателя. Как указывалось, такой смысл, или, иначе говоря, «содержание речи», не совпадает с языковым содержанием высказывания, так как фраза вне контекста коммуникации значит не то, что она значит тогда, когда ее использует одно мыслящее существо, адресуясь к другому такому

По мнению Д. Селескович, понимание смысла представляет собой его интерпретацию, то есть извлечение смысла, минуя языковое содержание. Это происходит мгновенно и интуитивно, и в памяти переводчика сохраняется лишь извлеченный смысл, который он и передает в переводе. Обращение к языковому содержанию, к значениям языковых единиц оригинала только затрудняет и искажает понимание, а следовательно, и перевод.

Таким образом, всякий перевод - это интерпретация. В переводе присутствуют три элемента: речевое высказывание на языке X, понимание переводчиком смысла этого высказывания - уже вне этого языка - и перевыражение этого смысла на языке Y. В целом перевод - это операция над идеями, а не над языковыми знаками, и переводчик до-берется до смысла, преодолевая языковое выражение и интерпретируя содержание высказывания.

Из этой концепции перевода, которую можно назвать интерпретационной, Д. Селескович делает далеко идущие выводы. Она полагает, что подобная интерпретация лучше и легче всего удастся переводчику-синхронисту, поскольку у него нет времени анализировать языковую сторону высказывания и он непосредственно «ухватывает» тот един-ственный смысл, который возникает в момент интуитивного восприятия высказывания и должен быть передан («перевыражен») в переводе. Письменный переводчик находится в более трудном положении: у него перед глазами фиксированный текст, из анализа которого можно вовлечь («приписать») ему, исходя из значения составляющих текст языковых единиц) всевозможные смыслы, а не только тот неожиданный, новый, возникший в конкретном акте коммуникации и соответствующий намерению говорящего. Ведь в письменном переводе отсутствует непосредственная межличностная связь переводчика с участниками коммуникации и перевод осуществляется в иное время и при других условиях. Существует опасность, что как раз этот главный смысл переводчик может опустить, занимаясь детальным анализом оригинала.

Таким образом, по мысли Д. Селескович, именно устный перевод наиболее полно отражает сущность переводческого процесса, поскольку в нем переводчик оказывается в естественном положении участника речевого общения. Точнее, он попеременно выполняет две роли:

39

интуитивно понимает смысл сказанного и естественным образом, как любой говорящий, выражает этот смысл на другом языке.

Однако Д.Селескович считает, что ее концепция не только объясняет процесс устного перевода, но и справедлива для любого вида перевода. Только в письменном переводе эта сущность перевода затемняется и искажается по указанным выше причинам. Поэтому письменному переводчику рекомендуется использовать процедуру устного перевода: прочесть отрезок оригинала (скажем, абзац), закрыть книгу, изложить «схваченный» смысл на языке перевода и лишь затем посмотреть, есть ли необходимость добавить к переданному смыслу какие-то дополнительные детали, связанные с языковым содержанием оригинала.

Помимо подчеркивания особой роли устного перевода концепцию Д.Селескович отличает и ее противопоставленность собственно лингвистическим теориям перевода. Поскольку, как указывалось, переводчик должен стремиться как можно скорее избавиться от языковой формы оригинала, не может быть и речи о каком-либо соотношении между отдельными единицами текстов оригинала и перевода. Д.Селескович признает, что могут существовать некоторые трудности в связи с определенными единицами или структурами ИЯ или ПЯ, но, по ее мнению, они относятся к языковой компетенции переводчика, к недостаточности его знаний, а не к процессу перевода, который в идеале предполагает, что переводчик так же легко и быстро понимает и продуцирует высказывания, как и любой человек, свободно владеющий соответствующим языком.

Соавтор и сотрудник Д. Селескович Марианна Ледерер является также автором монографии «Теоретические основы синхронного перевода» (1980), в которой можно найти дополнительные доводы в пользу интерпретативной теории перевода.

Книга М. Ледерер, как свидетельствует ее название, посвящена проблемам синхронного перевода, однако автор неоднократно подчеркивает, что основные положения ее теоретической концепции применимы и к письменному переводу и, более того, имеют общелингвистическую значимость, поскольку изучение синхронного перевода проливает свет на способ выражения мысли с помощью языка. В работе рассматриваются различные аспекты процесса синхронного перевода, в котором выделяются 8 операций, протекающих параллельно или в разных сочетаниях:

1. Восприятие (аудирование) устной речи.
2. Понимание услышанного.
3. Интегрирование понятых смысловых единиц с предыдущим знанием, извлеченным из оригинала.
4. Формирование высказывания на ПЯ на основе когнитивной памяти.

40

\$- Восстановление элементов высказывания на основе ИЯ с использованием прямых соответствий, осуществляемым автоматически.

6.. Восстановление элементов высказывания (слов) на основе вер-большой памяти (поиск слова для выражения понятия).

7. Слуховой контроль за собственной речью переводчика.

8. Осознание окружающей обстановки.

Все эти операции подробно описываются в связи с такими особенностями устной речи, как быстрота, неправильность (аграмматичность), неполнота, колебания, паузы и т.п. Важная особенность устной речи заключается также в том, что, в отличие от письменной речи, весь имеется непосредственное и точное представление о том, кому адресована передаваемая информация.

Детально описывая процесс синхронного перевода, М. Ледерер все время подчеркивает, что переводчик оперирует не с языковыми единицами, а со смыслом текста, возникающим в речи, а не данным заранее. Она указывает на ряд факторов, свидетельствующих о том, что переводчик переводит не то или не совсем то, что он слышит. Во-первых, в устной речи смысл сказанного понимается и в случае неполноты или неправильности высказывания: слушающий (переводчик) без труда восстанавливает правильные формы или восполняет пропущенное. Более того, именно подобные «искажения» являются нормой устной речи, обеспечивают ее естественность и легкость восприятия. Во-вторых, слушающий всегда дополняет получаемую информацию за счет званий, хранящихся в его краткосрочной и долгосрочной памяти, и поэтому общий смысл высказывания значительно обогащается *благодаря* фоновой информации. В-третьих, высказывание никогда полностью не описывает объект или ситуацию, а указывает на нее, описывая лишь некоторые ее черты или признаки, через которые адресат получает представление о ситуации в целом.

На основе всех этих соображений М. Ледерер выдвигает свою концепцию «синекдохи», которая распространяется как на перевод, так и на речевую деятельность вообще. Как известно, синекдохой именуется известное семантическое явление, когда часть используется для наименования целого. М. Ледерер полагает, что по этому принципу формирования значение слова и смысл высказывания. В основе наименования объекта обычно лежит какой-то признак этого объекта. Значение слова не описывает объект, а лишь указывает на него через один или несколько таких признаков. Таким образом, целое (объект) именуется через его часть (признак), то есть имеет место своего рода синекдоха.

То же самое относится и к высказыванию, и к тексту в целом. Как уже отмечалось, значение высказывания составляет лишь часть его общего смысла. Высказывание не описывает мысль, а лишь указывает все, обозначает ее. Общий смысл не только не сводится к значе-

41

ниям языковых единиц, составляющих высказывание, но и может существенно отличаться от них. Например, японский дипломат, прощаясь с хозяином дома, может сказать ему «Вы очень богатый человек», что фактически означает «Спасибо за гостеприимство». М. Ледерер вспоминает, как она была шокирована, когда ее знакомая англичанка, говоря о своей любви и преданности мужу, сказала «I am a one man's dog». По ее мнению, употребление слова «chien» по-французски выражало бы крайнюю степень рабства и унижения.

Общий смысл высказывания - это то, что должен понять и передать переводчик. А для этого он должен не анализировать каждое слово в оригинале, а стараться, отвлекаясь от значений слов, добраться до смысла. М. Ледерер вновь и вновь повторяет, что перевод - это операция не со словами, а со смыслом. Главная задача перевода заключается в том, чтобы обеспечить немедленное понимание смысла. Если в

английском оригинале сказано «He disposed of the stolen vehicle» и ясно, каким способом он это сделал, то перевод должен быть: «Он продал украденную машину». «Strategic negotiations» могут стать в переводе «Переговоры о сокращении стратегических вооружений», если таков смысл этого сочетания в оригинале. При этом следует учитывать, что ясность понимания переводчиком смысла оригинала еще не обеспечивает понятность перевода, о которой переводчику нужно особо заботиться.

Таким образом, следует проводить различие между интерпретацией текста и интерпретацией смысла. Интерпретация текста - обязательное условие понимания и перевода, она осуществляется для извлечения и ясной передачи смысла. Интерпретация смысла, под которой понимаются его оценка и возможные выводы и ассоциации, связанные с ним, не входит в обязанности переводчика. Она может быть осуществлена самим адресатом перевода, если смысл оригинала передан ясно и понятно.

Интерпретативная теория перевода представляет собой попытку подвести теоретическую базу под интуитивное представление устного переводчика о характере своей деятельности. Она опирается на хорошо известные факты о различии между языком и речью, о многозначности многих языковых единиц и речевых высказываний, о несводимости смысла высказывания к его языковому содержанию. Однако у этой теории есть ряд уязвимых сторон в теоретическом и практическом плане.

Интерпретативная теория перевода основывается на психологических концепциях, гипертрофирующих роль интуитивно-непосредственного в речи. На ограниченность таких концепций уже неоднократно указывалось. Отмечалось, что быстрое и легкое интуитивное понимание возможно лишь в отношении сравнительно простых тек-

42

скав, что субъективное ощущение его правильности часто не имеет объективных оснований и недоказательно для других, что реальный смысл сложного текста складывается из многих компонентов, для выражения которых необходим всесторонний сознательный анализ.

Недостаточно обосновано и возвеличивание устного перевода как наиболее точного и надежного способа передачи смысла оригинала. Известно, что устный переводчик (особенно переводчик-синхронист, работающий в экстремальных условиях) нередко вынужден довольствоваться передачей лишь основной мысли автора, компрессировать при переводе смысл исходного текста, допускать пропуски, отклонения, оговорки и ошибки в речи. Не случайно достижение максимальной точности не выдвигается обычно в качестве главной задачи устного перевода. Напротив, письменный переводчик, имеющий возможность детально анализировать смысл оригинала, прибегать к помощи словарей и справочников, неоднократно сопоставлять свой перевод с оригиналом и вносить необходимые коррективы, способен наиболее полно передавать все содержание оригинала (в том числе и его глубинный смысл, составляющий намерение говорящего).

Нельзя полностью согласиться и с тем, как Д. Селескович трактует роль языка в создании смысла текста. Смысл высказывания в конкретном контексте может не сводиться к его языковому содержанию, но он все-таки интерпретируется через это содержание и на его основе. Участником коммуникации извлекают смысл высказывания, применяя всю совокупность своего предыдущего опыта и знание обстановки общения вито к данному языковому содержанию, которое определяется набором языковых единиц и способом их организации в высказывании.

Вряд ли правильно также утверждать, как это делает Д. Селескович, что высказывание имеет лишь мгновенный, неповторимый смысл, осуществляющийся в момент коммуникативного акта и принципиально иной для каждого нового коммуниканта, воспринимающего высказывание в иной момент и в других условиях и обладающего иными знаниями и предыдущим опытом. Помимо такого субъективного смысла, связанного с индивидуальными особенностями и личными ассоциациями влияющими из коммуникантов, любое осмысленное высказывание необратимо должно содержать некоторую информацию, общую для всего коллектива, пользующегося данным языком как средством коммуникации. В противном случае оказались бы невозможными речевое общение между людьми и их совместная деятельность. И для извлечения такой общей информации нет другого пути, как понимание языкового содержания, как максимальное приближение к тексту через язык. Хотя при интуитивно-непосредственном восприятии устной речи переводчику-синхронисту может казаться, что он понял оригинал, минуя его языковое содержание, на самом деле он очень быстро и неосознан-

43

но идентифицировал услышанные языковые единицы, интерпретировал их значения по отношению друг к другу и к описываемой реальности и определил языковое содержание высказывания с большей или меньшей полнотой. И лишь после этого или наряду с этим он может осуществить понимание смысла, выводимого из этого содержания, который отражает уже не столько то, что реально сказал говорящий, сколько то, что он хотел сказать, какую он этим преследовал цель, какие выводы можно сделать на основании сказанного и т. п. В некоторых случаях передача в переводе языкового содержания дает возможность получателю перевода извлечь и этот смысл. В других случаях для передачи такого смысла придется произвести некоторые преобразования. В любом случае основой для принятия решения служит имен но языковое содержание оригинала.

Как видно, теоретическая концепция Д. Селескович затрагивает важнейшие аспекты переводческого процесса и представляет несомненный научный интерес.

Переводческие труды Ж.Делила

Свидетельством тесной идейной связи переводоведов Франции и Канады могут служить публикации канадского переводчика и преподавателя перевода Жана Делила. Наиболее полно теоретические установки Ж. Делила отражены в его книге «Анализ дискурса как метод перевода», изданной в Оттаве в 1980 г.

Исходные положения Ж. Делила находятся полностью в русле интерпретативной теории перевода. Он также настаивает на принципиальном различии узкоязыкового и коммуникативно-речевого подхода к переводу и подчеркивает, что «перевод текста есть умственная операция по воспроизведению живой мысли в речи» и сутью этого процесса является извлечение и перевыражение смысла. И для него характерно отрицательное отношение к использованию в теории перевода сопоставительного анализа двух языков. В этой связи он подвергает резкой критике концепцию Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, указывая, что переводчик вовсе не сравнивает знаки ИЯ со знаками ПЯ, а интерпретирует целостный смысл высказывания для его последующего перевыражения.

Развивая концепцию Д. Селескович, Ж. Делил выделяет в процессе перевода три основных этапа: понимание, перевыражение и подтверждающий анализ. Этап понимания, в свою очередь, включает три стадии: (1) Декодирование знаков в тексте оригинала. (2) Извлечение смысла в связи с контекстом и ситуацией. (3) Правильное понимание заглавия текста оригинала (если таковое имеется), что возможно

некоторое расхождение с классическими канонами интерпретативной теории: языковые единицы рассматриваются не как препятствие к изменению смысла, а как объект анализа, составляющего важную часть процесса понимания. Такое смещение акцентов, возможно, объясняется тем фактом, что Ж.Делил занимается не устным, а письменным пере-

На втором этапе происходит перевыражение на языке перевода извлеченного смысла. Процесс перевыражения, по мнению Ж. Делила, включает в себя рассуждение по аналогии и собственно перевербализацию. При рассуждении по аналогии переводчик пытается установить сходство понятий, выражаемых разным способом в ИЯ и ПЯ, а при перевербализации он создает на ПЯ разные варианты перевода и выбирает из них тот, который лучше воссоздает смысл оригинала. При этом чем более стереотипны, привычны формы выражения тех или иных понятий в конкретных областях, тем меньше степень свободы у переводчика, так как он должен переводить в соответствии с узусом ПЯ.

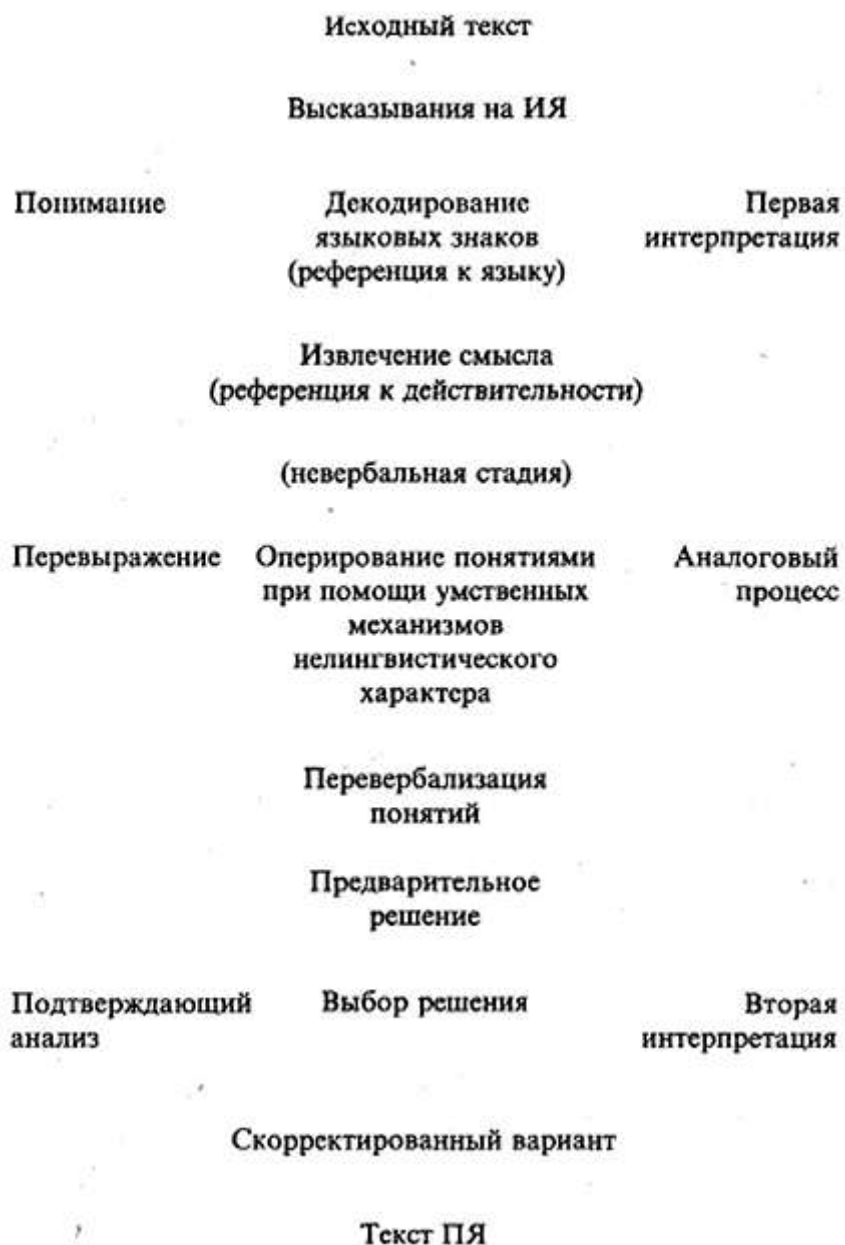
На третьем этапе - подтверждающего анализа - избранные варианты перевода оцениваются с точки зрения их приемлемости по смыслу, интонации, метафоричности, логичности и т. п. Неверные варианты должны, в зависимости от опыта и мастерства переводчика, заменяться на более правильные.

Таким образом, в процессе перевода переводчик осуществляет волную интерпретацию: при извлечении смысла оригинала и при создании варианта перевода в ходе подтверждающего анализа. При этом процесс перевода может быть схематично представлен следующим образом (см. схему на стр. 46).

Отличительная черта концепции Ж. Делила заключается в попытке сказать теоретические положения с характеристикой переводческого билингвизма и с задачами обучения будущих переводчиков. Он пытается выявить различие между билингвизмом профессионального переводчика и билингвом, для которого владение двумя языками не является условием его профессиональной деятельности. Ж. Делил усматривает это различие в том, что для переводчика характерно осознанное владение вторым языком, активное знание письменной и устной норм родного языка (ПЯ), умение понимать и находить соответствия по аналогии, умение извлекать из высказывания смысл при помощи анализа и логического рассуждения.

Обучение переводу должно всецело строиться на основе учета коммуникативного характера переводческого процесса и тех умений, которые нужно создать у переводчика. Переводчик никогда не переводит изолированных фраз, а всегда имеет дело с реальными текстами, предназначенными для определенной аудитории. Поэтому и в процессе обучения будущие переводчики должны упражняться не в переводе

Схема процесса перевода по Ж.Делилу

отдельных фраз или словосочетаний, а в решении реальных коммуникативных задач.

Значительная часть книги Ж. Делила посвящена системе упражнений для обучения переводу. По замыслу автора, такие упражнения должны быть не лингвистическими, а чисто коммуникативными, то есть учить не переводить какие-то языковые единицы, а решать определенные коммуникативные задачи. Для этого каждому упражнению предпосылается указание о цели, которая достигается его выполнением. Такие цели формулируются для всех этапов переводческого процесса. Так, ряд упражнений предназначен для развития умения правильно понимать переводимый текст. Например, цель - умение различать между значением и смыслом. Учащиеся переводят изолированные слова и предложения, изъятые из текста, а затем переводят текст и сравнивают результаты двух переводов. При этом подбираются как единицы, перевод которых сохраняется, так и главным образом такие единицы, чей перевод в тексте будет совсем иным. Или: цель - раскрытие содержания связного текста. Упражнение состоит в ответах на вопросы к тексту, раскрывающие (а) Структуру и стиль текста, (б) Внелингвистические факты, описываемые в тексте, (в) Подразумеваемый смысл и аллюзии, (г) Лексические

тонкости.

Другая серия упражнений связана с умением подбирать необходимые соответствия. Например: цель - замена синтаксических структур в связи с тем, что аналогичные структуры в ПЯ семантически неравноценны. Упражнение - перевод на французский язык английских предложений, содержащих структуры, вводимые словами «whichever», «with», «when» и т. п. Следует заметить, что в ряде случаев Ж. Делил грешит против своих теоретических установок, предлагая будущим переводчикам решать задачи, связанные с переводом отдельных языковых единиц. Так, в числе упражнений имеются задания по переводу английских глагольных форм (с заменой их французскими именными формами), английских лексических повторов, метафор и даже дейктического «this».

Особый ряд упражнений имеет целью развитие умения использовать все богатство языка перевода. Здесь мы находим упражнения на переформулирование плохо написанного текста, поиск идиоматических выражений вместо выделенных в тексте, использование стереотипов и клише, стилистическое редактирование и пр. И здесь некоторые задания связаны с наличием в оригинале определенных языковых единиц типа английских глаголов «to affect» и «to approach» или прилагательных «appropriate» и «available».

В целом труды Ж. Делила, хотя и опираются на интерпретативную теорию перевода, избегают крайностей этой концепции, уделяя достаточное внимание собственно языковым аспектам перевода. Это объяс-

47

няется главным образом тем, что он имеет дело с письменным переводом и стремится найти пути к практическому использованию теоретических положений в процессе обучения будущих переводчиков. Работы Ж. Делила свидетельствуют о возможности сближения различных переводческих теорий для всестороннего описания процесса перевода.

Лекция III

Лингвистическое переводоведение в США

1. Первые работы по лингвистической теории перевода

Общее направление лингвистических исследований в США к середине XX столетия, когда начала формироваться лингвистическая теория перевода, не благоприятствовало развитию этой науки. Господствовавшие в этот период в американском языкознании концепции раннего структурализма с его принципиальным отказом от изучения семантики (заклейменного Л.Блумфилдом как ненаучный «ментализм») мало способствовали пробуждению интереса лингвистов к переводу, при исследовании которого приходилось обращаться к такому расплывчатому понятию, как смысл текста. К тому же весьма популярная среди американских лингвистов теория языковой относительности Б.Уорфа, постулировавшая несовместимость «картин мира», создаваемых различными языками, побуждала к

признанию принципиальной невозможности перевода, о которой когда-то писал еще В. Гумбольдт.

Следует также отметить, что переводческая деятельность в США имела относительно скромные масштабы и сами переводчики не испытывали потребности в теоретическом осмыслении своего труда. Прагматическая ценность теории перевода представлялась весьма сомнительной, что обесценивало попытки ее создания в глазах практичных американцев.

И тем не менее именно в Соединенных Штатах раньше многих других западных стран появились первые работы, пытавшиеся подойти к переводу с лингвистических позиций. Отчасти этому способствовал интерес американских лингвистов к изучению бесписьменных языков, при котором языковед-этнограф, не знающий изучаемого языка, старался с помощью информантов получить перевод отдельных единиц и высказываний, с тем чтобы составить таким образом представление о словарном составе и грамматическом строе нового языка. С этим направлением исследования связаны статьи о переводе, появившиеся в начале 50-х годов в журнале «International Journal of American Linguistics». Наибольшего внимания среди них заслуживает статья Ч. Ф. Веглина «Многоступенчатый перевод» (1954), в которой автор

48

предлагает сложную 8-ступенчатую процедуру совершенствования перевода, полученного с помощью информанта. О пробуждении у американских лингвистов интереса к переводу свидетельствовала и опубликованная в том же журнале статья Дж. Касагранде «Цели перевода». Постулируя, что характер перевода определяется его целью, автор предлагает различать 4 вида перевода: 1. Прагматический перевод, цель которого заключается как можно точнее передать сообщение. 2. Эстетическо-поэтический перевод, цель которого - воспроизвести литературную или эстетическую форму. 3. Этнографический перевод, преследующий цель объяснить культурный контекст оригинала. 4. Лингвистический перевод, имеющий целью указать значения морфем оригинала. Предложение классифицировать переводы и требования к ним в зависимости от цели, которую ставит перед собой переводчик, оказалось весьма плодотворным и получило дальнейшее развитие во многих более поздних концепциях перевода.

Следует также отметить, что Дж.Касагранде сформулировал понятие «абсолютной эквивалентности» как обеспечение идентичной реакции читателей перевода и предложение проверить эквивалентность перевода по реакции на него информантов. Тем самым он в определенной степени предвосхитил некоторые концепции переводоведческой школы Ю. Найды. Проблема точности переводов подобного рода была позднее подробно рассмотрена У. Куайном, опубликовавшим в сборнике «On Translation» (1966) статью «Значение и перевод». У. Ку-айн исходит из того, что значение предложения в любом языке можно выделить, освободив его от языковых средств выражения, лишь путем перевода предложения на другой язык. Иначе говоря, значение предложения (в современном языкознании предпочли бы говорить о «смысле») - это то, что сохраняется при переводе предложения на другой язык. Проанализировав способы уточнения значения предложений неизвестного языка, имеющиеся в распоряжении лингвиста, У.Куайн приходит к выводу, что полной точности здесь достичь нельзя, и, следовательно, перевод оказывается «недетерминированным». Хотя этот вывод относится лишь к переводам с неизвестного языка, полученным с помощью информантов, из него, с определенными оговорками, следует тезис о вариативности любого перевода и его нетождественности оригиналу, значение которого не может быть однозначно определено.

Сборник «On Translation» сыграл важную роль с истории формирования лингвистической теории перевода, хотя в большей части составляющих его работ перевод рассматривался с литературоведческих позиций как вид литературного творчества. Этим он в первую очередь обязан небольшой статье Р. Якобсона «О лингвистических аспектах перевода». Эта работа стала своего рода манифестом

и в настоящее время. Сжато, но убедительно Р. Якобсон сформулировал ряд положений, утверждающих перевод в качестве объекта языковедческой науки. Отметим основные постулаты его концепции.

1. Значение вербального знака представляет собой перевод в другие знаки, более полно эксплицирующие это значение. Отсюда следует, что любое преобразование одних знаков в другие - это своего рода перевод. Таким образом, перевод оказывается важным лингвистическим явлением.
2. Значение знака может быть переведено в другие знаки того же языка, в знаки другого языка или в знаки другой невербальной системы. Отсюда следует различать три вида перевода: внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотический.
3. При всех видах перевода значение исходного знака или сообщения не полностью совпадает со значением знаков (сообщения), интерпретирующих его. Отсюда следует, что эквивалентность перевода оригиналу не означает тождественности их содержания.
4. Эквивалентность содержания при наличии определенных различий - это основная проблема языка и языкознания. Любое сопоставление двух языков подразумевает изучение их взаимопереводимости.
5. Широко распространенное явление межъязыковой коммуникации и в особенности переводческая деятельность должны быть объектом пристального внимания лингвистов.

В заключение Р. Якобсон привел ряд примеров трудностей перевода, возникающих по чисто языковым причинам в связи с различиями в элементах смысла, обязательно воспроизводимыми в каждом из языков, которые участвуют в процессе перевода. Большую эвристическую ценность имел вывод Р. Якобсона, что языки отличаются друг от друга не тем, что они могут выразить, а тем, что в них обязательно должно быть выражено.

2. Теория перевода в трудах Ю. Найды

Огромное влияние на развитие лингвистической теории перевода не только в США, но и во всем мире оказал выдающийся американский лингвист Ю. Найда. Юджин Альберт Найда занимался многими языками, как классическими, так и современными, опубликовал ряд значительных работ по проблемам синтаксиса и семантики. Он заинтересовался проблемами перевода благодаря своей многолетней деятельности в Американском библейском обществе (the American Bible Society), где он занимал пост Исполнительного секретаря и научного консультанта Отдела переводов, под руководством которого создавались переводы Библии на 200 языках семидесяти пяти стран. На основании опыта этой работы Ю. Найда написал целый ряд книг и статей,

в которых рассматривались многие важные аспекты переводческой деятельности. Наиболее важную роль в развитии лингвистического переводоведения сыграла его книга «К науке переводить», опубликованная в 1964 г.

Книга посвящена проблемам перевода Библии, а также ряду организационных проблем, связанных с подбором коллектива переводчиков и консультантов, толкованием «туманных» мест в Библии, особых требований к благочестию переводчика, необходимостью для него получить «божественное благословение» его труда и пр. Однако основная часть книги содержит рассмотрение фундаментальных вопросов теории перевода, далеко выходящих за рамки специфики переводов Библии.

Труд Ю. Найды - это первая серьезная попытка разработать собственно лингвистический подход к переводческой проблематике. Еще в 1959 г. в статье «Принципы перевода на примере перевода Библии» Ю. Найда четко постулировал, что в основе перевода лежат главные характерные особенности языковых систем, а именно: 1) системность языковых знаков; 2) произвольность языкового знака по отношению к называемому предмету; 3) произвольность членения действительности языковыми и речевыми знаками; 4) различие в том, как разные языки организуют знаки в значимые выражения. Уже из этого следует, что основные проблемы перевода лежат в области языковой семантики. Эта идея и получила всестороннее развитие в книге «К науке переводить».

По содержанию рассматриваемый труд Ю. Найды делится на три неравные части. Первые две главы посвящены постановке проблемы и краткому обзору истории переводческих концепций в «западном мире». В четырех последующих главах, имеющих сугубо лингвистический характер, анализируются различные аспекты проблемы значения. И, наконец, последние шесть глав отведены разбору собственно переводческих проблем, как теоретических, так и организационных. Эти проблемы группируются под рубрикой: «Роль переводчика», «Принципы соответствия», «Типы соответствий и расхождений», «Техника замен», «Процедура перевода» и «Машинный перевод».

Разделы, посвященные вопросам семантики, по объему и содержанию занимают центральное место в книге. Лингвистический подход к содержанию текста оригинала, которое должно быть воспроизведено в переводе, дает возможность детализировать это понятие и получить набор семантических компонентов, которые можно будет сопоставлять в оригинале и переводе и делать выводы о степени их эквивалентности. Такие компоненты рассматриваются Ю. Найдой в каждом из трех видов значения языковых единиц: лингвистического, референтного и эмоционального.

После общего определения языка как кодовой системы и краткого обзора возможных способов описания содержательной стороны языковых единиц (глава 3) Ю. Найда посвящает четвертую и пятую главы книги подробному рассмотрению приемов анализа их значений.

Прежде всего анализируется лингвистическое значение (глава 4), которое Ю. Найда предлагает описывать в терминах сочетаний четырех функциональных классов слов и морфем: объекты, события, абстракты (определители) и релятивы (связки). Отдельное слово может одновременно принадлежать к нескольким таким классам, например, «правитель» выражает и объект, и событие, то есть «тот, кто правит». Функциональные отношения выявляются путем сведения любых единиц или сочетаний к «ядерным» или «околоядерным», то есть «структурно наиболее простым и семантически наиболее

очевидным». На многочисленных примерах Ю. Найда демонстрирует целесообразность применения такой процедуры для выявления различия в значениях сочетаний одинаковой синтаксической структуры. Так, «his failure» трансформируется в «he failed», а «his arrest» - в «(they) arrested him». Отсюда в отношении лингвистического значения предлагается следующая процедура перевода: (1) сведение оригинала к ядерным структурам; (2) перенос значения на язык перевода на уровне этих простейших структур; (3) преобразование ядерных структур в стилистически приемлемые структуры в языке перевода. Позднее Ю. Найда дал этим трем этапам переводческого процесса названия: «анализ», «перенос» и «переструктурирование».

Пятая глава книги посвящена описанию методов анализа референтного и эмоционального значений. В ней подробно разбираются референтные значения как групп слов, составляющих семантические подсистемы (термины родства, синонимические ряды и пр.), так и семантически изолированных слов. Описание отдельных приемов анализа значения (цепной, иерархический, компонентный - для групп слбв; деривационный, компонентный, дистрибутивный - для изолированных слов) отличается исключительной четкостью. Особое внимание уделяется процедуре разграничения значений многозначного слова методом семантических меток (markers) При анализе постоянно отмечается возможность несовпадения структуры референтного значения у слов разных языков, используемых для называния одинаковых объектов или явлений.

Менее очевидна предлагаемая в главе процедура анализа эмоциональных значений, поскольку здесь нельзя, по мнению Ю.Найды, использовать методы структурных оппозиций. Поэтому в отношении эмоциональных значений предлагается выявлять их, либо изучая реакцию носителей языка, либо наблюдая за употреблением слова с другими словами, у которых уже установлено наличие эмоционального значения.

52

Большой интерес представляет собой рассмотрение динамического измерения в коммуникации (глава 6). Описывая процесс коммуникации в терминах теории информации, Ю. Найда обосновывает важность понятия «информационная нагрузка» для теории перевода. Как известно, надежность приема (понимания) любого сообщения рецептором (слушающим или читающим) обеспечивается благодаря избыточности речи. Трудность понимания текста зависит от количества информации, измеряемого степенью неопределенности, неожиданности появления в тексте новых элементов. Увеличение количества информации путем использования в сообщении редких слов, необычного синтаксиса и других элементов, непривычных для рецептора (то есть обладающих большей неопределенностью), затрудняет прием, «декодирование» полученного сообщения. Поскольку перед переводчиком стоит задача обеспечить для рецептора надежный прием сообщения, содержащегося в исходном тексте, возникает проблема сохранения в переводе достаточной степени избыточности и легкости декодирования. Следует также учитывать, что избыточность, создаваемая для рецепторов оригинала благодаря их экстралингвистическим знаниям, может отсутствовать для рецепторов перевода. Поэтому при переводе приходится создавать дополнительную избыточность в самом тексте перевода, чтобы уравновесить отсутствие ее у рецептора перевода и таким образом избежать чрезмерной информационной нагрузки.

Понятие информационной нагрузки позволяет более четко сформулировать такое традиционное положение теории перевода, как не-допустимость буквального перевода. Буквальный перевод перегружает сообщение информацией (высокая степень неопределенности, необычности форм), затрудняя декодирование. Даже если формы, использованные в переводе, отмечены в ПЯ («так можно сказать»), перевод может оказаться неравноценным оригиналу по информационной нагрузке, т.е. степени

избыточности.

Большое значение для дальнейшего развития лингвистической теории перевода имела концепция переводческой эквивалентности, изложенная Ю. Найдой в главе 8. Предлагается различать два вида эквивалентности: формальную и динамическую. Формальная эквивалентность, как ее определяет Ю. Найда, «ориентирована на оригинал» и имеет целью обеспечить возможность непосредственного сопоставления разноязычных текстов. Подобная эквивалентность достигается обязательным сохранением части речи при переводе, отсутствием членения или перестановки членов предложения оригинала, сохранением пунктуации, разбивки на абзацы, а также применением принципа конкорданса (т.е. перевод определенного слова всегда одним и тем же соответствием). Кроме того, все идиомы калькируются, любые отклонения от буквы оригинала объясняются в сносках и т.п. Динамическая

53

эквивалентность «ориентирована на реакцию Рецептора» и стремится обеспечить равенство воздействия на читателя перевода. Это предполагает адаптацию лексики и грамматики, чтобы перевод звучал так, «как автор написал бы на ином языке».

Симпатии автора этой концепции явно на стороне динамической эквивалентности. Задачей перевода Ю. Найда считает создание на языке перевода «наиболее близкого естественного эквивалента» («the closest natural equivalent») тексту оригинала. Очевидно, что формально-эквивалентный перевод не может быть естественным, а наибольшая близость определяется прежде всего равенством реакции рецепторов, что предусматривается лишь при динамической эквивалентности. По-видимому, уже сам термин «формальная» подразумевает ущербность и сомнительность подобной эквивалентности.

Особо следует упомянуть богатство лингвистического материала, используемого в книге (глава 9-10) при описании причин и видов преобразований, осуществляемых переводчиком в процессе перевода. Ю. Найда рассматривает различные типы соответствий и расхождений между высказываниями в двух языках и приводит многочисленные примеры преодоления таких расхождений в процессе перевода с помощью трех видов переводческих модификаций: добавлений, опущений и изменений.

Теоретическая концепция Ю. Найды, столь подробно изложенная в книге «К науке переводить», получила дальнейшее развитие и конкретизацию в книге «Теория и практика перевода», написанной совместно с Ч.Тейбером и предназначенной в качестве практического пособия для переводчиков.

Многочисленные труды Ю. Найды и его последователей сыграли выдающуюся роль в развитии лингвистического переводоведения и создали весьма плодотворную теоретическую школу, обладающую рядом особенностей, которые прежде всего связаны с научными взглядами и практическим опытом самого основателя этой школы.

Переводческая школа Ю. Найды сложилась под влиянием его лингвистических взглядов и многолетней практической деятельности в области перевода Библии. Это обусловило главные особенности этой школы.

Ю. Найда принадлежит к поколению американских лингвистов-дескриптивистов, основателей этапа структуралистского направления в лингвистике. И в своих переводоведческих работах он широко

использует методы структурного анализа. Ученик Л. Блумфилда и Ч. Фриза, Ю. Найда в определенном смысле пошел дальше своих учителей, поставив в центр своих лингвистических работ вопросы семантики. Это дало ему возможность связать лингвистику с переводом, в основе которого лежат операции над смыслом.

5,4

Работа над переводами Библии побудила Ю. Найду обратить основное внимание на проблему передачи при переводе коммуникативного эффекта оригинала, его прагматического воздействия на рецептора. Перевод Библии отличается от всех других видов перевода как характером переводимых материалов, так и отношением к ним переводчиков и теми задачами, которые преследуют переводчики в своей работе. Эти задачи заключаются прежде всего в стремлении переводчика донести до рецепторов перевода «слово божие», укрепить их веру или приобщить к ней, добиться желаемого воздействия. Для достижения своей цели переводчик должен все время иметь в виду особенности людей, для которых он предназначает перевод, учитывать, в какой степени и как тот или иной вариант перевода может затронуть их ум и чувства в желаемом направлении, какова будет их реакция на переведенные сообщения. Неудивительно поэтому, что центральным понятием переводоведческой концепции Ю. Найды стала «реакция рецептора». Именно она признается главным критерием оценки качества перевода, которая определяется не сопоставлением с оригиналом, а предъявлением перевода рецепторам и наблюдением за их реакцией.

Такой подход закономерно привел Ю. Найду к описанной выше концепции «динамической эквивалентности», которая нашла много сторонников среди переводоведов во всем мире.

Именно динамическая эквивалентность должна, по мнению Ю. Найды, обеспечить выполнение главной функции перевода - полноценной коммуникативной замены текста оригинала. При этом ориентация на рецептора неизбежно приобретает самодовлеющее значение. Наиболее четко эта ориентация выражена в часто повторяемом тезисе: традиционный вопрос - «верен ли перевод?» - нуждается в уточнении - «для кого?»

Ориентированность на переводы Библии обусловила еще одну особенность переводоведческой школы Ю. Найды - ее акцент на культурно-этнические аспекты перевода. Переводчики из Американского библейского общества выполняют переводы Библии в основном на языки многочисленных племен, живущих в отдаленных районах Африки или Американского континента в относительной культурной изоляции от остального мира. Предполагается, что необходимое воздействие на рецепторов подобного рода можно обеспечить лишь при условии, если текст перевода не будет содержать чуждых для них культурно-этнических фактов или основанных на таких фактах образов или ассоциаций. Из этого следует необходимость существенной культурной адаптации текста при переводе. Так, поскольку жители тропиков никогда не видели снега, выражение «белый как снег» предлагается переводить на их язык - «белый как перо цапли». Если Христос говорит о себе как о «хлебе жизни», то при переводе на язык мекси-

55

канских индейцев, для которых главной пищей служит не хлеб, а кукурузная лепешка - тортилья, - он будет сравнивать себя не с хлебом, а с лепешкой. Если Рецепторы перевода никогда не видели волков, но

хорошо знакомы с койотами, то «волки» в оригинале окажутся «койотами» в переводе.

Таким образом, принцип динамической эквивалентности дополнялся требованием существенной адаптации перевода, гипертрофирующим культурно-этнические различия между народами и недооценивающим способность человека усваивать элементы чуждой ему культуры, понимать, что другие люди могут иметь другие обычаи, жить в других условиях и т. д.

Указанная концепция получила широкое распространение в многочисленных трудах последователей Ю. Найды. Следует, однако, отметить, что сам автор концепции в более поздней работе (1976 г.), специально посвященной роли культурных различий в переводе, отошел от крайности предыдущих монографий.

Подчеркивая необходимость добиться адекватного понимания Рецептором образов, ассоциаций и символов, связанных с культурно-этническими особенностями оригинала, Ю. Найда уже не требует такой адаптации текста перевода, которая переместила бы его в новую культурную среду и тем самым в значительной степени удалила бы перевод от оригинала. Теперь упор делается на объяснение культурных реалий с помощью ссылок и примечаний. Таким путем достигается правильное понимание текста Рецептором перевода, но уже речь идет не об обеспечении одинакового воздействия, как это требовал принцип динамической эквивалентности.

Несмотря на специфический характер переводов, на изучении которых она базировалась, переводоведческая школа Ю. Найды сыграла важную роль в общем процессе формирования лингвистической теории перевода. Она предвосхитила развитие многих разделов современного переводоведения, особенно исследования в области прагматики и семантики перевода.

Разумеется, работы Ю. Найды и его последователей не исчерпывают вклад переводоведов США в развитие переводоведческой науки. Американскими лингвистами опубликован и ряд других исследований, не создавших столь крупной научной школы, но содержащих интересные данные и концепции по отдельным аспектам перевода. Выше уже упоминались некоторые работы из сборника «О переводе». Кроме него в США вышло еще несколько сборников трудов по переводу, из которых наибольшую известность получил сборник под редакцией Р. Брислина, в котором наряду с американскими авторами участвовали и известные европейские переводоведы Д. Селескович и В. Вилсс.

56

3. Американское переводоведение в 80-е годы XX века

Американское переводоведение 80-х годов характеризуется все более широким подходом к переводческой проблематике. Если в предшествующий период многие работы выполнялись в своеобразной теоретической изоляции, без учета опыта переводоведов других стран (в первую очередь европейских), то теперь переводоведы США все чаще опираются на труды зарубежных авторов (за исключением работ российских ученых, как правило, малоизвестных за океаном), вступают с ними в дискуссию, дают оценку их теорий.

Наиболее серьезной переводоведческой работой начала этого периода можно считать книгу С. Басснетт-Макгайр «Переводческие исследования».

Во введении к своей монографии С. Басснетт-Макгайр указывает, что в теории перевода следует различать 4 раздела. Первые два ориентируются на результат перевода и включают вопросы истории перевода и роли перевода в культуре ПЯ. По мнению автора, эти разделы теории перевода имеют дело исключительно с художественным переводом и история перевода - это часть истории литературы. Третий раздел, именуемый «Перевод и лингвистика», охватывает широкий круг проблем, связанных с сопоставлением единиц ИЯ и ПЯ, переводимостью, эквивалентностью и вообще всеми вопросами «не художественного перевода». И, наконец, четвертый раздел - «Перевод и поэтика» включает всю область теории и практики опять-таки художественного перевода.

Как видно, основное внимание автор книги предполагает уделить вопросам художественного перевода. Однако содержание книги лишь отчасти сохраняет этот акцент. Центральное место в ней занимает первая общетеоретическая часть, а две другие части посвящены соответственно истории теории перевода и специфическим проблемам художественного перевода.

В первой части книги, озаглавленной «Основные проблемы», рассмотрение общетеоретических вопросов перевода распределяется по семи разделам: «Язык и культура», «Виды перевода», «Кодирование и декодирование (процедура перевода)», «Проблемы эквивалентности», «Потери и приобретения», «Непереводимость», «Наука и вторичная деятельность».

Рассматривая столь большой комплекс переводческих проблем, С. Басснетт-Макгайр широко использует работы других переводоведов, соглашаясь с их концепциями или, критикуя их. Так, вслед за Р.Якобсоном выделяются три вида перевода: перефразирование (внутри одного языка), собственно перевод (с одного языка на другой) и транс-

57

мутация (преобразование из одной семиотической системы в другую). Описывая процедуру перевода, С.Басснетт-Макгайр в основном принимает концепцию Ю.Найды, дополняя ее детальным описанием действий переводчика при выборе варианта перевода. По этой схеме переводчик должен действовать в такой последовательности:

1. Признать невозможность передачи (сохранения) фразы ИЯ на языковом уровне.
2. Признать отсутствие такого обычая в культуре ПЯ.
3. Рассмотреть набор возможностей в ПЯ с учетом типа, статуса, возраста, пола говорящего, его отношения к слушающим и к обстановке общения.
4. Учесть роль этой фразы в данном случае, например создание напряженной обстановки.
5. Заменить инвариантом фразы в ПЯ - в системе текста и в системе культуры, породившей текст.

Такая замена зависит от языка и культуры ПЯ, то есть она ориентирована на Рецептора перевода.

Напротив, в трактовке переводческой эквивалентности С. Басс-нетт-Макгайр резко расходится с Ю. Найдой. Положительно оценивая классификации типов эквивалентности, предложенные А. Поповичем (лексическая, парадигматическая, стилистическая и текстовая эквивалентность) и А. Нойбертом (синтаксическая, семантическая и прагматическая эквивалентность), она решительно отвергает концепцию динамической эквивалентности Ю. Найды. Разбирая один из приводимых им примеров, когда библейское «to greet with a holy kiss» было передано в переводе «to give one another a hearty handshake all around», С. Басснетт-Макгайр решительно утверждает, что это плохой перевод. По ее мнению, целесообразно различать эквивалентность семантики и эквивалентность социальных функций. Подводя итоги дискуссии об эквивалентности, С.Басснетт-Макгайр приходит к выводу, что она представляет собой не тождество, а диалектическое отношение между знаками и структурами в текстах и вокруг них.

Интересный материал представлен во второй части книги, посвященной истории переводческих учений. Поставив под сомнение правильность периодизации этой истории, предложенной Г.Стейнером, который разделил ее на 4 периода (до 1791 г. - эмпирические выводы самих переводчиков; до 1946 г. - возникновение теории и эвристического подхода к терминологии и методологии; в 40-х годах XX века - использование структурной лингвистики, теории коммуникации, в тот же период - междисциплинарные исследования), С.Басснетт-Макгайр предложила классифицировать историю переводоведения не по периодам, а по направлениям и выделила целый ряд таких тенденций.

58

Прежде всего еще в Древнем Риме проявились две противоположные тенденции. С одной стороны, развивался «свободный переход»: читателям был доступен греческий оригинал, и переводчик стремился создать достойное ему произведение. С другой стороны, переводчики Библии отдавали предпочтение дословности, поскольку даже изменение одного предлога могло повлечь обвинение в ереси.

Следующая тенденция в переводе связана с формированием новых европейских языков. Здесь в переводах отмечаются многочисленные подражания и заимствования как средство обогатить стиль и язык. В то же время стремление использовать классику для утверждения национальных языков, характерное для эпохи Возрождения, приводило ко многим вольностям в переводе. Переводчик осознавал себя не посредником, а революционером, деятелем культуры, решающим свои собственные задачи, подчас непосредственно не связанные с переводимым оригиналом.

Отдельное направление составляет «исправляющий перевод», особенно распространенный во Франции XVIII века, когда переводчики перестраивали по-своему, «улучшали» переводимых авторов в соответствии с требованиями «хорошего вкуса».

Из других направлений теории перевода, рассматриваемых в этом разделе книги, можно упомянуть тенденции, которые С.Басснетт-Макгайр называет «романтизмом» и «постромантизмом». Сторонники таких концепций (Шлегель, Шелли, а позднее Шлейермахер, Карлейл, Моррис), подчеркивая роль переводов в развитии литературы и культуры народа, ратовали за сохранение странности, чужеродности языка перевода, свидетельствовавших о новизне, принадлежности к другой культуре.

В целом второй раздел книги дает хорошее представление о становлении общетеоретических концепций главным образом в области художественного перевода.

В третьем разделе рассматриваются некоторые специфические особенности художественного перевода. С.Басснетт-Макгайр, сопоставляя взгляды других авторов на этот вид перевода, подчеркивает два аспекта:

1. Литературный текст - это целостная структура, входящая в более общую структуру с другими текстами. Цель перевода - передать эту цельность, и для достижения этой цели возможны любые изменения.

2. Переводчик - это прежде всего читатель, интерпретирующий текст. Характер перевода определяется как системами ИЯ и ПЯ, так и функцией перевода (для чего и для кого осуществляется перевод).

В разделе более детально анализируются особенности перевода поэзии, прозы и драматургии. По мнению автора, в основе их лежит

59

один и тот же принцип: рассматривать каждое предложение как часть целого, передавать не только то, что в нем говорится, но и работать над созданием художественного образа, общего настроения, характеристики атмосферы, персонажей и т. п. Здесь важен и выбор отдельного слова, и синтаксической структуры, и других элементов.

В заключение своего труда С.Басснетт-Макгайр подчеркивает, что и история переводческих учений, и вопросы перевода отдельных литературных жанров требуют более детального изучения. Не менее важны также вопросы нехудожественных текстов, устного перевода и другие проблемы, не получившие освещения в работе.

Как уже указывалось, такое стремление охватить широкий круг переводческих проблем характерно для работ по теории перевода в США в 80-е годы. Об этом свидетельствует и сборник «Переводческий спектр», опубликованный в 1981 г. Сборник включает 18 статей, посвященных как сугубо теоретическим, так и более практическим вопросам перевода с самых разных языков. Рассматриваются вопросы перевода художественных, гуманитарных, классических текстов, переводы песен и драматургических и поэтических произведений, вопросы, связанные с использованием компьютера при переводе, недостатки в обучении иностранным языкам в университетах США и ошибки перевода, обусловленные плохим знанием языка и культуры и т. д. Некоторые работы имеют сугубо эмпирический характер, но есть и попытки разработать обобщенные теоретические концепции. В теоретическом плане наибольший интерес представляет статья «Перевод и подобие» (автор С.Росс).

Констатируя, что полное тождество невозможно даже между двумя разными текстами на одном языке, С.Росс указывает, что недостаточно передать в переводе намерение автора, поскольку в этом случае пришлось бы признать, что может существовать лишь один правильный перевод. На самом деле перевод отражает понимание переводчиком оригинала, а всякое понимание - это одно из возможных толкований текста на основе внешних факторов. Речь может идти лишь о подобии перевода оригиналу, которое допускает 4 различных трактовки:

1. Существует какое-то единое произведение, заключенное в тексте и выводимое из текста или из намерения автора. Если переводчик правильно его интерпретирует, то и перевод может быть объективно

верным.

2. Перевод - это сложный процесс, протекающий под воздействием множества факторов. Передать эквивалентно все, содержащееся в оригинале, невозможно. Необходим выбор, а отсюда и принципиальная множественность решений.

3. Перевод - это эвристический процесс, попытка перебросить мост между различными эпохами и мирами. Поэтому объективного пе-

60

ревода не бывает, в лучшем случае достигается удачное раскрытие различия миров.

4. Перевод (как и любое толкование) - это различные формы высказываний об оригинале, которые стоят к нему в отношении «много к одному». Нет совершенного перевода, но перевод может быть великолепным или неудачным по определенным критериям.

Предлагается сравнивать эквивалентность перевода с отношением между объектом и его живописным изображением. Изображение, например, человека зависит от выбора, который художник делает из многочисленных факторов, и поэтому оно бесконечно множественно.

С.Росс выдвигает и другую концепцию для обоснования принципиальной множественности переводов одного и того же оригинала. Он указывает, что каждое высказывание содержит суждение, которое может иметь три вида модальности: утверждающую (assertive), действующую (active) и представляющую (exhibitive). В любом высказывании эти три вида модальности присутствуют, но одна из них может превалировать. Воспринимая суждение, аудитория формирует свое суждение о высказанном суждении. В этом новом суждении может превалировать любая модальность, в том числе и не та, что у говорящего. В переводе, таким образом, наличествует сочетание девяти модальностей-оригинала, переводчика и аудитории. Выбор доминантной модальности зависит от цели перевода. Например, научная статья переведена точно (утверждающая модальность), но ее блестящий стиль утрачен (представляющая модальность): перевод плохой в одном отношении и приемлем в другом. Перевод никогда не бывает хорошим во всех отношениях.

Особый теоретический интерес представляет определение перевода, где С.Росс выделяет две характерные особенности перевода. Во-первых, перевод определяется как высказывание, имеющее целью выступить в качестве эквивалентного оригиналу в некоторых отношениях, несмотря на некоторые фундаментальные и важные различия. Во-вторых, С.Росс указывает, что перевод (самим фактом своего существования) заверяет нас, что, несмотря на все различия, он может заменить оригинал в определенных отношениях и в определенных целях. Эти два аспекта - признаки телеологической (целевой) сущности перевода (текст является переводом данного оригинала, потому что он предназначен в качестве такового) и его претензии на полноправную замену оригинала - имеют первостепенное значение для научного определения перевода.

Подводя итоги краткому рассмотрению наиболее значительных работ ученых США в области теории перевода, можно отметить, что американские переводоведы внесли достойный вклад в развитие науки о

переводе.

Лекция IV

Лингвистическое переводоведение в Германии Развитие теории перевода в Восточной Германии

1. Вопросы теории перевода в немецкой лингвистической традиции

Большой интерес к проблемам перевода - характерная особенность истории немецкой культуры. Достаточно вспомнить, что могучее движение реформации началось с опубликования Мартином Лютером его «Письма переводчика», в котором он обосновывал принципы нового перевода Библии. Ратуя за полную и точную передачу оригинала, Лютер в то же время решительно возражал против его рабского копирования, настаивал на полноценности языка перевода, требовании «чистейшего и внятного немецкого языка». У Лютера уже проявляется стремление, характерное для многих немецких переводоведов, воплотить свои теоретические установки в переводческую практику. Лютер сам был талантливым переводчиком, хорошо понимавшим, какую большую роль при переводе играет соотношение структур и функциональных стилей двух языков, участвующих в процессе перевода. В своих переводах он применял многие языковые преобразования, которые сегодня мы бы назвали переводческими трансформациями: изменял порядок слов, применял описательный перевод отдельных слов оригинала, уточнял связи между словами и фразами, вводя дополнительные союзы и другие связки, компенсировал утрату метафоричности в одних фразах, употребляя метафоры для неметафорических выражений оригинала и т.д.

В более позднее время проблемы перевода привлекали внимание многих выдающихся деятелей культуры Германии. О переводе высказывали свои концепции И.Брайнтингер и А.Шлегель, И.Гёте и Ф.Шлейермахер, В.Гумбольдт и Я.Гримм и многие другие. Широкую известность получило высказывание о переводе В.Гумбольдта, который в письме к Шлегелю выразил сомнение в самой возможности успешного перевода, поскольку, по его мнению, переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника. Вместе с тем В.Гумбольдт много лет работал над переводом «Агамемнона» Эсхила и в предисловии к этому переводу убедительно показал пути преодоления многих, казалось бы, непреодолимых трудностей.

Современник В.Гумбольдта Фридрих Шлейермахер посвятил свою работу обоснованию различных методов перевода. Он указывает,

62

что метод перевода зависит прежде всего от характера переводимого текста. В связи с этим предлагается различать перевод устных высказываний и письменных документов, непосредственно отражающих предметы и действия в определенном порядке следования в пространстве и времени (сегодня к таким материалам мы бы отнесли коммерческую переписку, официальные бумаги и т. п.), и перевод художественных и научных текстов. Ф.Шлейермахер полагает, что перевод первого типа не представляет особой сложности, так как здесь содержание оригинала задается как бы извне, предметами и действиями, и без труда воспроизводится в переводе. Во второй категории переводов содержание создается самими

авторами, свободно избирающими предметы и их расположение, которые выступают лишь вместе с речью. Здесь уже перевод становится трудной проблемой, так как речь строится разными языками по-разному. Переводчик имеет дело, с одной стороны, с системой чужого языка, а с другой стороны, с творчеством автора, использующего язык относительно самостоятельно и свободно. В связи с этим Ф.Шлейермахер предлагает различать два метода перевода: парафразу и свободное переложение. При парафразе переводчик во главу угла ставит верность отдельным частям подлинника, оперируя элементами обоих языков так, как если бы они были математическими знаками, находящимися в определенном отношении друг к другу. При свободном переложении переводчик стремится создать одинаковое впечатление для своих читателей, каким оно было у читателей подлинника, отказываясь от соответствия отдельным его частям. Таким образом, в концепции Ф.Шлейермахера уже имеются элементы ориентации на получателя, которая играет столь большую роль в современной теории перевода.

. Весьма значительный след в немецкой переводческой теории оставил гениальный классик немецкой литературы Иоганн Вольфганг Гёте. Гёте сам дал блестящие образцы художественного перевода и много и плодотворно размышлял о возможностях и методах переводческой деятельности. Он различал два принципа перевода - один из них требует переселения иностранного автора к читателям перевода, так, чтобы они могли увидеть в нем соотечественника; другой требует, чтобы читатели перевода отправились к этому чужеземцу и применились к его условиям жизни, складу его языка, его особенностям. В переводе эти принципы могут сочетаться, когда переводчик выбирает средний путь, но каждый из них имеет свои достоинства.

Особое внимание Гёте уделял поэтическому переводу. Он различал три вида перевода, исторически сменявшие друг друга. Первый тип перевода поэзии имеет цель ознакомить читателя с чужой страной, и для этого наиболее уместен прозаический перевод, который снимает все поэтические особенности подлинника, но обеспечивает встречу двух литератур, двух культур. За ним следует второй вид перевода,

63

когда мы пытаемся перенестись в чужеземные условия, пытаясь выразить чужие мысли и чувства в своих мыслях и чувствах. Это достигается при помощи вольных поэтических переводов, порой весьма далеко отходящих от оригинала. И, наконец, третий вид перевода стремится сделать перевод полностью тождественным оригиналу как по смыслу, так и по поэтическим особенностям.

Подобные замечания литературоведческого и лингвистического характера можно найти у многих переводчиков и ученых на протяжении XVIII и XIX веков. Они подготовили почву для создания развернутых переводоведческих концепций, которые появились уже в XX столетии. В связи с тем, что в течение нескольких десятилетий в Германии существовали два самостоятельных немецких государства, теория перевода получила неодинаковое развитие в восточной и западной части Германии.

2. Переводоведческая школа Восточной Германии

На протяжении нескольких десятилетий восточная часть Германии, где была расположена ГДР, занимала ведущее место в Западной Европе по масштабам и значимости теоретических исследований в области перевода. Центром таких исследований стал Лейпцигский университет, позднее ряд работ по теории перевода (главным образом устного) был выполнен и в Берлинском университете.

В Лейпцигском университете, где сложился центр по подготовке профессиональных переводчиков, исследования различных аспектов переводческой деятельности проводит большая группа языковедов, среди которых следует в первую очередь отметить авторов фундаментальных трудов по теории перевода О.Каде, А.Нойберта и Г.Егера. К созданной ими научной школе примыкает целый ряд известных переводоведов как Э.Флайшман, Х.Шмидт, Х.-М.Залевски, В.Шаде, К.Картельери, З.Бастиан и многие другие. Нередко высказываются по проблемам перевода и крупные немецкие лингвисты более общего профиля - Р.Ружичка, Г.Вотьяк, М.Бирвиш и др. В Лейпциге регулярно проводятся национальные и международные конференции по проблемам перевода, выходят сборники трудов по переводоведению, ежеквартальный журнал «Фремдширахен», приложения к журналу, содержащие солидные монографии общетеоретического характера. Труды переводоведов Восточной Германии пользуются широкой известностью во всем мире.

Теоретические концепции Лейпцигской школы развивались в тесном сотрудничестве с советским переводоведением и во многом созвучны с их работами. Перевод рассматривается в качестве особого вида языковой деятельности, который может и должен изучаться в рамках

64

лингвистической науки с использованием лингвистических методов исследования. Вместе с тем исследователи Лейпцигской школы с самого начала стремились расширить изучение переводческой деятельности, рассматривая перевод как важнейшую часть межъязыковой коммуникации с учетом всех участников коммуникации и всех факторов, оказывающих на нее влияние, - как лингвистических, так и экстралингвистических.

Коммуникативный подход к переводу - важная характерная черта работ ученых Восточной Германии.

Другая характерная черта этой переводоведческой школы заключается в широком диапазоне направлений и объектов исследования. Большое внимание уделяется общетеоретическим проблемам - обоснованию теоретических основ переводоведения, разработке объективных методов исследования, изучению социальной роли перевода, его прагматических функций и т.п. Наряду с этим; изучаются и многие частные вопросы перевода с разных языков, связанные с языковыми особенностями переводимых текстов, соотношением семантических и формальных структур языков, участвующих в процессе перевода. Рассматривается специфика устного и письменного перевода, собственно перевода и иных видов языкового посредничества, связанного с переработкой содержания иноязычного текста. Большое внимание уделяется использованию в теории перевода новейших направлений современного языкознания - лингвистики текста, коммуникативной лингвистики и др. Теоретические исследования тесно увязываются с изучением практических аспектов переводческой деятельности, с задачами подготовки будущих переводчиков.

Все эти особенности развития переводоведения в Восточной Германии нашли наиболее полное отражение в работах О.Каде, А.Нойберта и Г.Егера.

3. Развитие теории перевода в трудах О.Каде

Немецкий лингвист Отто Каде внес большой вклад в развитие лингвистической теории перевода. После защиты в 1964 г. диссертации на тему «Субъективные и объективные факторы в процессе перевода» он на протяжении более 25 лет опубликовал целый ряд работ по теории перевода, наиболее значительными

из которых являются монографии «Случайность и закономерность в переводе» (1968 г.) и «Языковое посредничество как общественное явление и предмет научного исследования» (1980 г.). Для О.Каде характерна фундаментальность и широта научных интересов. Опытный переводчик и преподаватель перевода, он интересовался проблемами как письменного, так и устного синхронного перевода, занимаясь общетеоретическими воп-

65

росами и отдельными типами переводческих соответствий, изучал связи переводоведения с лингвистикой, теорией коммуникации и общественными науками.

Переводоведческие концепции О.Каде отличаются большой логичностью и последовательностью. Он стремится придать теории перевода объективный характер, для чего в переводе необходимо выделить такие факторы, которые были бы не случайными, а закономерными и изучение которых могло бы привести к обоснованным теоретическим обобщениям. Поиски таких факторов привели О.Каде к коммуникативному подходу к переводу: рассмотрению перевода как важнейшей части двуязычной коммуникации, участники которой владеют разными языковыми кодами. В процессе такой коммуникации переводчик выполняет тройную функцию: получателя сообщения на ИЯ, перекодирующего звена и отправителя сообщения на ПЯ. Как и при одноязычной коммуникации, общение осуществляется с помощью системы языковых знаков, обладающих грамматическими, семантическими и прагматическими значениями. О.Каде указывает, что в двуязычной коммуникации и в переводе как ее составной части существуют три параметра, из которых могут быть выведены различные факторы, влияющие на процесс перевода: (1) языковые системы, (2) объективная действительность и ее отражение, (3) участники коммуникации, использующие знаки. Он делает вывод, что объективные процессы перевода в первую очередь определяются факторами, вытекающими из особенностей языков, а остальные факторы носят более или менее случайный характер. Отсюда следует, что в основе перевода лежат лингвистические факторы, а теория перевода является частью прикладной лингвистики.

При этом коммуникативный подход предполагает рассмотрение перевода в макролингвистическом аспекте, так как знаки участвуют в коммуникации не только своей формой, но и значением (как сигнификативным, так и денотативным). На основе этих трех компонентов языкового знака (форматива, сигнификата и денотата) О.Каде пытался разработать классификацию переводческих процедур и решить проблему переводческой эквивалентности. Он различает три способа реализации перевода: субституция - на основе грамматического значения, интерпретация - на базе сигнификативного значения и парафраза - на основе денотативного значения. В последнем случае нет соответствия между единицами ИЯ и ПЯ и имеет место не перекодирование, а свободное кодирование исходя из объекта.

Хотя О.Каде признавал, что в реальном процессе перевода используются все способы его реализации, в своих ранних работах он отдавал предпочтение субституции как наиболее рациональной форме перевода, в том числе и машинного, при которой устанавливается непосредственное соотношение между единицами двух языков. Он по-

66

лагал, что применение интерпретации носит временный и вынужденный характер и будет исключено, когда удастся полностью формализовать семантику языковых знаков. Парафраза же выводилась им за

пределы собственно перевода. Позднее О.Каде отошел от акцента на необходимость формализации семантических процедур перевода и зна-' чительно расширил диапазон коммуникативных приемов, которыми располагает переводчик. Он по-прежнему исключает из переводческой деятельности «свободное парафразирование», при котором между парафразой и оригиналом нет закономерного соотношения, но включает в нее теперь не только собственно перевод (Translation), охватывающий прежние «субституцию» и «интерпретацию», но и адаптивное транскодирование (adaptives Uebertragen), при котором допускается несовпадение некоторых параметров «адаптата» (в отличие от «транс-лата») и оригинала. Однако это несовпадение не является следствием произвола переводчика, а обусловлено необходимостью учета специфических условий общения в сфере целевого языка. Таким образом, признается правомерным широкое варьирование переводчиком языковыми средствами для решения конкретных прагматических задач при условии, однако, что адаптация текста перевода вызывается объективными факторами коммуникативной ситуации. О.Каде настаивает на сохранении двойной детерминированной перевода - оригиналом и коммуникативной ситуацией, в которую включен получатель перевода, - тем самым избегает крайностей концепции Х. Фермеера, где единственным критерием перевода объявляется «сконос» - цель деятельности переводчика.

Претерпевают эволюцию и взгляды О.Каде на сущность переводческой эквивалентности. И здесь развитие шло от акцента на соотношение языковых знаков к более широкой трактовке коммуникативной роли текста в целом. В своих ранних работах О.Каде определял переводческую эквивалентность как инвариантность плана содержания и плана выражения знака в оригинале и переводе. При этом сохранение денотативной инвариантности признавалось минимально обязательным условием, сигнификативное значение, инварианты плана выражения и прагматические инварианты считались факультативными в зависимости от характера и назначения транслата. Оптимальный транслат должен характеризоваться сохранением всех объективно возможных инвариантов.

Позднее в поисках критерия эквивалентности О.Каде делает акцент на оценке комплексного воздействия текста перевода в условиях конкретной коммуникативной ситуации. Он настаивает на необходимости различать понятия текста как языкового образования - макрознака, содержание которого определяется взаимодействием семантики составляющих его единиц, и текста как единицы коммуникации - «коммуниката», который обладает смыслом, возникающим при интег-

рации языкового макрознака в коммуникативную ситуацию. Таким образом, содержанием коммуниката является смысл, а его формой -последовательность языковых знаков, включая манифестированные в них значения. Выступая в качестве коммуниката, текст содержит больше информации, чем ее манифестирует в своих значениях цепочка языковых знаков. Между значением и смыслом существует регулярное отношение: определенные значения в определенных ситуационных условиях порождают определенный смысл. При этом тождественные значения в различных условиях могут порождать различный смысл, а различные значения в тождественных условиях - тождественный смысл.

Поскольку в любом акте коммуникации носителями сообщения выступают коммуникаты, то сущность перевода заключается в замене не текстов, а коммуникатов. При переводе имеет место, конечно, и замена знаков одного языка знаками другого, но она подчинена задаче создания эквивалентных коммуникатов. При этом центральное место занимает анализ коммуникативной ситуации - цели, предмета коммуникации, отправителя, получателя, представляемых ими коммуникативных сообществ, средств коммуникации и условий передачи информации. Изменение коммуникативной ситуации влечет за собой изменения в тексте перевода.

Таким образом, создание эквивалентного коммуниката при переводе может и должно сопровождаться более или менее существенными изменениями текста оригинала. Понятно, что такой подход значительно расширяет понятие переводческой эквивалентности, охватывая широкий спектр реальных условий, в которых осуществляется деятельность переводчика.

Коммуникативная ситуация может изменяться и в соответствии с общей целью самого акта двуязычной коммуникации. В связи с этим О.Каде предлагает различать переводы разных категорий, каждый из которых будет соответствовать определенным требованиям: «необработанный», «рабочий» и «готовый к опубликованию». Для каждого типа переводов устанавливаются свои критерии эквивалентности. В переводах первой категории признается достаточной «денотативная эквивалентность», обеспечивающая лишь общность предмета сообщения. Здесь допускаются также отклонения от нормы ПЯ. Переводы второй категории передают денотативное и сигнификативное значение оригинала, полностью соблюдают нормы ПЯ, но могут быть стилистически неадекватны и прибегать к пояснениям для восполнения потерь информации. Понятно, что к этим двум категориям перевода неприложимо требование эквивалентности коммуникатов. И только переводы третьей категории передают все содержание оригинала, включая его прагматическое значение, стилистически адекватны оригиналу и обеспечивают необходимое воздействие на получателя сообщения в переводе, то есть могут обладать коммуникативной эквивалентностью.

68

Подчеркивая необходимость и закономерность изменений, вызванных несовпадением коммуникативных ситуаций в оригинале и в переводе, О.Каде в то же время предостерегал против «переводческого произвола». Он утверждал направленность перевода как на коммуникат, так и на макрознак оригинала. И хотя приоритет, по его мнению, должен принадлежать коммуникату, все изменения макрознака должны быть строго обусловлены требованиями двуязычной коммуникации.

Многие теоретические положения О.Каде получили широкое признание и составляют неотъемлемую часть идейного арсенала современного лингвистического переводоведения.

4. Переводческие концепции А.Нойберта

Немецкий лингвист и преподаватель перевода Альбрехт Нойберт много и плодотворно работает в области теории перевода. Он является автором целого ряда публикаций и научных докладов по различным аспектам переводческой деятельности. Наиболее значительный вклад А.Нойберта в развитие теории перевода состоит в исследовании двух комплексов переводоведческих проблем, связанных с прагматическими аспектами перевода и применением в переводоведении принципов и понятий современной лингвистики текста.

А.Нойберту принадлежит заслуга выдвижения прагматики в качестве одного из важнейших аспектов теории перевода. В своей работе «Прагматические аспекты перевода» (1968 г.) он постулировал, что адекватный перевод должен сохранять прагматику оригинала. Понятие прагматики (отношения пользующихся языком к языковым знакам, в том числе к макрознакам - текстам) трактуется А.Нойбертом очень широко. По его мнению, прагматика изучает все причины выбора формативов говорящим и их влияния на слушающего. Отсюда прагматические отношения коммуникантов к тексту определяются как принадлежностью коммуникантов к определенной национальной, социальной или профессиональной группе, так и использованием в тексте единиц различных экспрессивных и функциональных стилей. Таким образом, прагматика включает в себя стилистику и противопоставляется

грамматике и семантике, посредством которых она реализуется. Перевод означает расширение круга воспринимающих сообщение, включая в этот круг слушающих или читающих другого типа. Задача перевода — сохранить характер воздействия (прагматические отношения), для чего могут потребоваться изменения в самом сообщении.

Текст перевода не обладает какими-либо грамматическими или семантическими особенностями, которые выделяли бы его как перевод. Грамматика и семантика в нем принадлежат ПЯ, и лишь прагматика

69

•заимствуется из оригинала. Отсюда следует, что сущность перевода заключается в сохранении прагматики оригинала. Но прагматика оригинала основывается на его грамматике и семантике, поэтому и в переводе грамматика и семантика должны быть отобраны и объединены соответствующим образом.

Поскольку адекватность перевода, по мнению А.Нойберта, зависит от прагматических отношений, возникает вопрос, всегда ли и в какой степени такое сохранение возможно. А.Нойберт полагает, что не грамматика и семантика, а в первую очередь прагматика ставит под вопрос проблему переводимости. Некоторые виды прагматических отношений могут быть легко воспроизведены в переводе, другие воспроизводятся лишь с трудом или частично. Могут существовать и такие прагматические отношения, которые не могут возникнуть у коммуникантов, принадлежащих к иной языковой общности.

А.Нойберт связывает проблему прагматической адекватности (и тем самым проблему переводимости) с четырьмя типами прагматических отношений, которые могут существовать в тексте оригинала. Соответственно выделяются и четыре типа перевода, различающиеся по степени переводимости.

В первом типе у текстов ИЯ и ПЯ имеются общие цели, основанные на общих потребностях. Другими словами, оригинал не предназначен исключительно для аудитории ИЯ. Примером таких текстов может служить научная, техническая литература, рекламные объявления. Общность целей означает возможность возникновения аналогичных прагматических отношений к нему у аудитории ПЯ. Поэтому тексты этого типа обладают в принципе высшей степенью переводимости с прагматической точки зрения:

Второй тип отношений характерен для текстов, содержащих информацию (наставления, официальные распоряжения, развлекательные материалы и т.д.), отвечающую специфическим потребностям аудитории ИЯ, специально предназначенную для нее. Это - тексты законов, общественно-политическая литература, местная пресса, объявления и пр. По мнению А.Нойберта, в этом случае специфика прагматических отношений исключает возможность их воспроизведения для аудитории ПЯ и в этом смысле они принципиально непереводимы.

Третий тип текстов - художественная литература, - хотя и создаются для аудитории ИЯ, но могут выражать и общечеловеческие потребности, становясь частью всемирной литературы. Поэтому присущие им прагматические отношения могут быть реализованы в переводе, хотя и со значительными ограничениями с точки зрения формы, которая в художественном произведении является частью содержания. Здесь степень переводимости зависит от жанра: беллетристика и драматургия обладают более высокой степенью переводимости, чем лирическая поэзия.

И, наконец, четвертый тип текстов создается на ИЯ, но предназначается прежде всего для перевода на ПЯ и изначально направлен на аудиторию ПЯ. Он отвечает потребности этой последней получить информацию с точки зрения аудитории ИЯ (публикации для зарубежных стран). Этот тип текстов обладает высокой степенью прагматической переводимости.

Как видно из вышесказанного, А.Нойберт исходит из очень узкой интерпретации прагматической адекватности перевода: можно усомниться, например, что текст закона одной страны нельзя адекватно перевести на язык другой страны лишь потому, что на ее жителей он не распространяется и поэтому не столь интересен. Однако идея А.Нойберта о приоритетной роли прагматики в переводе, о ее связи с переводимостью и о необходимости разработки переводческой классификации текстов прочно утвердилась в современном переводоведении.

Во многом новаторской является и монография А.Нойберта «Текст и перевод» (1985 г.). У многих авторов можно найти утверждения о том, что подлинная единица перевода - это текст и что именно целостность текста должна в первую очередь быть объектом теории перевода. Однако до А.Нойберта никто не ставил перед собой задачу показать, каким образом категории текста соотносятся с переводческой проблематикой.

А.Нойберт исходит из того, что любая коммуникация, в том числе и двуязычная, осуществляется через посредство текстов. Переводчик воспринимает текст оригинала и создает текст перевода. Любой текст существует как сложное структурно-семантическое целое и является таковым (и может участвовать в процессе коммуникации), если он соответствует правилам построения текстов данного типа в данном языке.

Глобальная структура текста состоит из ряда макроструктур, которые, в свою очередь, включают более мелкие микроструктуры. В семантическом плане микроструктуры являются носителями микропропозиций, из которых формируются макропропозиции, объединяющиеся в глобальное значение текста. Однако формирование глобального значения текста не сводится к простому сложению микро- и макропропозиций. Оно осуществляется по трем основным макроправилам: опущение, генерализация и конструирование. Опущение предполагает отбрасывание микропропозиций или даже некоторых макропропозиций как нерелевантных для глобального значения текста. При этом может иметь место и «нулевое опущение», когда какая-то микро-пропозиция непосредственно включается в глобальное значение. Генерализация предполагает обобщение ряда микродеталей в рамках более общих макропропозиций. И, наконец, конструирование означает включение в макропропозиции таких элементов смысла, которые эксплицитно не выражаются в семантических структурах более низкого

уровня, но ассоциативно возникают в сознании коммуникантов. Таким образом, глобальное значение текста оказывается чем-то большим, качественно и количественно, чем совокупный семантический материал, содержащийся в словах и структурах текста.

Глобальное значение текста может по-разному сформироваться коммуникантами и представлять для них различную коммуникативную ценность в зависимости от того, какими знаниями воспринимающий текст обладает о языке, об отражаемой в тексте реальности, о конкретных особенностях коммуникативного акта, создавшего текст. Соответственно коммуникативная ценность текста включает три вида воспроизведения информации: семантику языковых единиц, «тексту-ализированные» отрезки экстралингвистического опыта и конкретные ассоциации, связанные с данным актом вербального общения.

Задача переводчика заключается в создании такого текста, который бы позволял воссоздать коммуникативную ценность оригинала. Достижение этой цели обусловлено указанными тремя видами знания у получателя текста перевода. При этом переводчик выбирает один из возможных способов построения глобального значения текста оригинала и выведения его коммуникативной ценности. Уже это предопределяет множественность возможных переводов одного и того же текста. Множественность выбора существует и при создании текста перевода, глобальное значение которого должно обеспечивать возможность выведения аналогичной коммуникативной ценности. В результате процесс перевода и его результат имеет принципиально множественный, вариативный характер.

Независимо от того, как переводчик интерпретировал коммуникативную ценность оригинала и какой путь он избрал при построении текста перевода, он должен создать целостное языковое образование, которое отвечает всем требованиям, предъявляемым к текстам на ПЯ, обеспечить наличие «текстуальности», отличающей текст от «не-тек-ста». Достижение такой текстуальности обусловлено рядом обязательных параметров текста: интенциональностью, акцептабельностью, кооперативностью (стремлением быть понятым), ситуативностью, информативностью, когерентностью, связностью, соответствием определенному типу текстов. Все эти текстовые категории, детально описываемые лингвистикой текста, должны учитываться переводчиком для создания полноценного текста на ПЯ. А.Нойберт считает, что поскольку в оригинале и переводе должны быть эквивалентными коммуникативные ценности, являющиеся производными от глобального значения текста, то отношения эквивалентности могут существовать только между текстами. Вместе с тем такая эквивалентность достигается путем отбора соответствующих микро- и макропропозиций, и каждая единица может либо способствовать установлению коммуникативной

72

эквивалентности между текстами, либо нарушать ее. Поэтому между элементами текста может существовать лингвистическая эквивалентность в том смысле, что они соответствуют друг другу в оригинале и переводе. Однако решающим критерием для признания их взаимно эквивалентными служит их роль в обеспечении коммуникативной эквивалентности двух текстов в целом. ч

Подчеркивая важность текстового аспекта перевода, А.Нойберт отмечает, что правильной было бы говорить не о переводе текста на другой язык, а о переводе текста на одном языке в текст на другом языке. Его труды намечают пути исследования важных сторон переводческой деятельности на основе новых концепций современного языкознания.

5. Вопросы теории перевода в трудах Г. Егера

Как и его коллеги по Лейпцигской школе, Герт Егер подходит к проблемам перевода с позиций современного языкознания. В круг его научных интересов входят многие аспекты переводческой деятельности. Его главная работа «Транслация и трансляционная лингвистика» (1975 г.) содержит

разделы, посвященные общественной роли перевода, его истории, различным видам перевода и языкового посредничества и ряду других вопросов теории перевода. Однако центральное место в этой и других публикациях Г. Егера занимает главная проблема переводоведения - проблема переводческой эквивалентности, выделяющая перевод среди других видов языкового посредничества и раскрывающая самое сущность переводческой деятельности.

Г. Егер стремится дать строго лингвистическое определение понятия переводческой эквивалентности. Он понимает, что при этом придется пойти на определенные упрощения, так как лингвистические аспекты перевода не охватывают все содержание этой сложной коммуникативной деятельности. Однако благодаря таким упрощениям удастся выделить ее наиболее существенные стороны и обеспечить необходимую степень научности и объективности описания.

Г. Егер исходит из положения, что перевод должен быть коммуникативно эквивалентен оригиналу. Это означает, по его мнению, что оба текста должны обладать одинаковой коммуникативной значимостью, ценностью, которая понимается как мыслительный образ, вызываемый текстом в сознании коммуникантов. Однако этот образ существует в их мозгу и принципиально не наблюдаем. При нынешнем уровне наших знаний не существует возможности сколь-либо объективно описать реальную коммуникативную значимость текста, а следовательно, и понятие коммуникативной эквивалентности перевода не обладает достаточной определенностью.

73

В качестве выхода из такого положения Г. Егер предлагает заменить коммуникативную значимость ее лингвистическим экспликатом, то есть содержанием самого текста, которое во взаимодействии с экстралингвистическими факторами и создает этот сложный мыслительный образ. Подобное содержание, непосредственно выводимое из значений (функций) языковых единиц, составляющих текст, предлагается именовать функциональной значимостью (ценностью), а совпадение функциональных значимостей оригинала и перевода будет означать их функциональную эквивалентность. Конечно, функциональная значимость составляет лишь более или менее значительную часть коммуникативной значимости, но зато ее можно описать в лингвистических терминах и тем самым дать объективное определение переводческой эквивалентности.

Г. Егер определяет функциональную значимость текста как совокупность трех видов его языковых значений: актуального сигнификативного значения, актуального членения и внутрilingвистического прагматического значения. Все эти виды значений с достаточной степенью объективности могут быть выведены из значений и размещения в тексте составляющих его языковых единиц. За пределами функциональной значимости остаются различные ассоциации, выводы, реакции и пр., возникающие на основе текста, но не входящие в его содержание непосредственно. Например, фраза «Эта рукопись пригодна для дидактических целей» может подразумевать положительную или отрицательную оценку, которая должна включаться в коммуникативную значимость, но не в значения текста, которые можно наблюдать в качестве функций использованных в нем языковых средств. Эта оценка выходит за рамки актуального сигнификативного значения и складывается лишь в результате интерпретации этого значения в определенной ситуации.

Конечно, замена коммуникативной значимости функциональной представляет собой вынужденное упрощение, но оно дает возможность доказательно оценивать эквивалентность перевода. При этом различие между коммуникативной и функциональной эквивалентностью перевода оказывается меньше, чем между коммуникативной и функциональной значимостью текста, поскольку сохранение функциональной значимости оригинала в переводе может обеспечить воспроизведение в какой-то

степени и экстралингвистической части коммуникативной значимости. В идеальном случае функциональная и коммуникативная эквивалентность могут полностью совпадать. В реально выполняемых переводах нередко существует расхождение между этими видами эквивалентности.

Достижению функциональной эквивалентности могут препятствовать два ряда факторов. Один ряд факторов определяется соотношением систем и правил функционирования ИЯ и ПЯ, которое в ряде

74

случаев не позволяет текстам оригинала и перевода иметь одинаковую функциональную значимость. Относительную функциональную эквивалентность, которая максимально возможна при данном соотношении двух языков, предлагается именовать «максимальной эквивалентностью». Другой ряд факторов носит переменный, более или менее случайный характер: знания и умения переводчика, обстановка и условия его работы и т. п. Они в принципе могут быть устранены, но их воздействие может привести к неполной коммуникативной эквивалентности перевода или даже к его коммуникативной неэквивалентности («гетеровалентности»).

В более поздней работе «Коммуникативная и максимальная эквивалентность текстов» (1982 г.) Г. Егер уточняет понятие коммуникативной эквивалентности, связывая его со способностью адресата сообщения извлекать из него передаваемую информацию. В результате он выделяет пять типов языкового посредничества:

I. Текст перевода максимально эквивалентен тексту оригинала. При этом возможны два случая:

1. Адресаты сообщения в переводе обладают такими же возможностями для извлечения информации, как и получатели сообщения в оригинале - перевод коммуникативно эквивалентен оригиналу.

2. Адресаты сообщения в переводе обладают иными возможностями для извлечения информации, чем получатели сообщения в оригинале - перевод коммуникативно гетеровалентен оригиналу.

II. Текст перевода не обладает максимальной эквивалентностью по отношению к тексту оригинала. При этом возможны три случая:

1. Адресаты оригинала и перевода обладают разными возможностями для извлечения информации, и это различие соответствует различию между значениями текстов оригинала и перевода - перевод коммуникативно эквивалентен оригиналу.

2. Адресаты оригинала и перевода обладают разными возможностями для извлечения информации, и это различие не соответствует различию между значениями текстов оригинала и перевода - перевод коммуникативно гетеровалентен оригиналу.

3. Адресаты оригинала и перевода обладают одинаковыми возможностями для извлечения информации - перевод коммуникативно гетеровалентен оригиналу.

Введение фактора адресата заставило Г. Егера по-новому поставить вопрос об объективности его концепции коммуникативной эквивалентности, которую он основывал на одинаковой функциональной значимости оригинала и перевода. Если функциональная значимость могла быть определена в лингвистических терминах, то познавательные возможности адресата недоступны для объективного описания или измерения, что лишает научной конкретности и понятие коммуникативной эквивалентности. Этот недостаток Г. Егер пытается преодолеть

75

в работе «Языковые значения - центральная проблема перевода и его научного описания» (1986 г.).

В этой работе Г. Егер уточняет понятие коммуникативной значимости текста, включая те его компоненты, которые привносятся познавательными возможностями адресата. Прежде всего предлагается различать «языковой текст» (Sprachtext) как языковое образование, значение которого выводится из значений составляющих его языковых единиц, и «речевой текст» (Redetext), возникающий при помещении языкового текста в конкретную коммуникативную ситуацию при осуществлении конкретного акта общения. Один и тот же языковой текст может использоваться в разных коммуникативных ситуациях, поэтому каждому тексту соответствует множество речевых текстов, хотя автор текста может иметь в виду лишь один из них в соответствии со своим коммуникативным намерением. Коммуникативная значимость речевого текста складывается из значения лежащего в его основе языкового текста (лингвистическая часть) и экстралингвистической части. Лингвистическая часть коммуникативной значимости выражена эксплицитно, а экстралингвистическая часть существует в имплицитной форме и зависит от познавательных возможностей адресата, которые складываются из его общеэнциклопедических знаний предмета, о котором идет речь в акте общения, и знания коммуникативной ситуации.

Поскольку эти знания индивидуальны для каждого адресата, то не только каждый языковой текст может лежать в основе множества речевых текстов, но и каждый речевой текст может репрезентировать множество коммуникативных значимостей для разных адресатов. Вместе с тем у адресатов, принадлежащих к одной и той же языковой или социальной группе, имеется значительная общность знаний, благодаря чему во множестве потенциальных коммуникативных значимостей данного речевого текста существует средняя (durchschnittliche) часть, общая для всех таких адресатов, которая и делает возможным использование текста в процессе общения. Таким образом, каждый речевой текст фактически представляет собой совокупность множества текстов для каждого адресата, но все они коммуникативно эквивалентны, так как обладают общей частью коммуникативной значимости.

Отсюда следуют важные выводы для теории перевода. Коммуникативная эквивалентность перевода заключается в сохранении той общей части коммуникативной значимости оригинала, которой последний обладает для своих адресатов. Поскольку эта общая часть представлена во множестве потенциальных вариантов речевого текста, оригиналу может соответствовать множество коммуникативно эквивалентных переводов. В основе переводческой эквивалентности лежит воспроизведение значения языкового текста оригинала, эксплицитно

76

представленного в нем, однако, учитывая различие в знаниях адресатов оригинала и перевода, переводчик может эксплицировать часть имплицитной коммуникативной значимости, вводя соответствующую информацию в текст перевода, или, напротив, делать имплицитной часть коммуникативной значимости и различные ассоциации и выводы, которые адресат может сделать на основе содержания текста, но которые не входят в его коммуникативную значимость. Подобные ассоциации и выводы не должны эксплицироваться в тексте перевода.

Сознавая, что определение общей части коммуникативной значимости текста и соотношения в ней эксплицитного и имплицитного происходит в настоящее время в основном интуитивно, Г. Егер ставит перед теорией перевода задачу объективировать этот процесс, обращая для этого к анализу семантической структуры языковых единиц. В частности, он обращает внимание на тот факт, что значимое использование языковой единицы в речи предполагает, по крайней мере, минимальные лингвистические знания структуры значения этой единицы. Выявление такого минимального знания, необходимо общего для всех владеющих языком, могло бы способствовать более полному раскрытию содержания инвариантной части коммуникативной значимости текста оригинала, которая сохраняется при переводе.

Как видно из краткого изложения некоторых переводческих концепций Г. Егера, для его работ характерна последовательно лингвистическая трактовка проблем перевода, имеющая целью придать описанию переводческого процесса более объективный и доказательный характер. Вместе с тем в своих исследованиях он последовательно расширяет рамки микролингвистического подхода, включая в сферу своих интересов макролингвистические и коммуникативные аспекты переводческой деятельности.

Лекция V

Лингвистическое переводоведение в Германии (продолжение)

Развитие теории перевода в Западной Германии

Хотя в Западной Германии не сложилось до сих пор единой переводоведческой школы, многие западногерманские лингвисты проявляют интерес к переводческой проблематике и они внесли значительный вклад в развитие современной теории перевода. Широкой известностью пользуются теоретические работы по переводу: Е. Косериу, Е. Кошми-дера, Ю. Вирла, В. Коллера, В. Дресслера, Г. Тиль, Х. Фермеера, К. Райс, Х. Крингса и ряда других.

Для этих работ характерно разнообразие подходов к решению переводческих проблем, что затрудняет их общую характеристику. Все же можно выделить несколько основных направлений исследований. Западногерманские переводоведы уделяют большое внимание социальной роли перевода и переводчика в современном мире, стремятся расширить функции переводчика, рассматривать его не просто в качестве посредника, играющего подсобную, второстепенную роль в процессе межъязыковой коммуникации, но как квалифицированного языкового консультанта широкого профиля, хорошо знающего не только иностранный язык, но и все сферы жизни, политики и экономики народа, говорящего на этом языке, специалиста, без услуг которого не могут обойтись фирмы, предприятия и организации, занимающиеся внешнеполитической или внешнеторговой деятельностью.

Характерен для западногерманских переводоведов и особый интерес к прикладным аспектам теории перевода, попытки применить результаты теоретических исследований к решению чисто практических задач. В связи с этим большое внимание уделяется проблемам подготовки будущих переводчиков, формулированию требований, которым должен удовлетворять хороший переводчик, разработке методов качественной оценки результатов его деятельности.

В чисто теоретическом плане в центре исследований находятся вопросы соотношения лингвистики и переводоведения. Принципиальная возможность перевода и механизм его осуществления выводятся из свойств языкового знака, его двусторонности, его связи с внеязыковой реальностью. Вместе с тем подчеркивается, что перевод имеет дело не с системами языков, а с конкретными текстами. Это обстоятельство имеет ряд важных последствий. Теория перевода, в отличие от сопоставительной лингвистики, изучает не соотношение единиц, занимающих аналогичное положение в системах соответствующих языков, а единицы, нередко разноуровневые, которые способны заменять друг друга в процессе перевода. В связи с этим ограничивается роль в изучении перевода лингвистики, которая, как предполагается, имеет дело лишь с системой языка.

Многие авторы указывают на специфичность системы значений в каждом языке, что делает невозможным воспроизведение этих значений в переводе. Поэтому утверждается, что общими у оригинала и перевода являются не значения, а обозначения, то есть соотнесенность с одинаковыми явлениями внеязыковой реальности. Тем самым существенно ограничивается возможность полной передачи содержания иноязычного текста. „

В некоторых работах высказываются сомнения в целесообразности каких-либо обобщений в области перевода, возможности подлинной теории перевода. Указывается, что каждый текст уникален и пе-

« 78

реводчик в каждом конкретном случае должен решать особые задачи, применять индивидуальные способы преодоления трудностей.

Особое внимание западногерманские переводоведы уделяют связи теории перевода с лингвистикой текста, разработке переводческой типологии текстов. Предполагается, что именно тип текста оказывает решающее влияние на характер всех переводческих проблем и во многом предопределяет стратегию переводчика и критерии оценки его работы.

Указанные особенности переводческих исследований в Западной Германии отчетливо проявляются в фундаментальных трудах таких лингвистов, как К. Райс, В. Вилсс и Х. Крингс. Особое место занимает концепция А. Гутта.

1. Переводческие труды К. Райс

Трудам Катарины Райс принадлежит заметное место в развитии переводоведения в Западной Германии. Ее переводческие концепции отличаются большой динамичностью и за последние два десятилетия претерпели существенные изменения. В первой крупной работе «Возможности и границы критики перевода» (1971 г.) К. Райс рассматривает широкий круг факторов, которые должен принимать во внимание критик, стремящийся дать объективную оценку качеству перевода, но главным из таких

факторов признается тип переводимого текста.

С самого начала К. Райс указывает, что широко распространенная практика (особенно в области художественного перевода) оценки качества без сопоставления его с оригиналом лишена объективных критериев и может дать лишь весьма ограниченные результаты, которые в основном сводятся к обнаружению явных ошибок в языке перевода. По ее мнению, окончательное суждение о качестве перевода можно вынести только после сопоставления перевода с оригиналом и в первую очередь после определения, к какому типу принадлежит текст оригинала, ибо это главным образом обуславливает и метод перевода.

Проанализировав существующие классификации переводов, основывающиеся на типах переводимых текстов, К. Райс приходит к выводу, что все они не отличаются последовательностью и не отражают существенных различий в применяемых методах перевода. Метод перевода должен соответствовать типу текста, поскольку его главная задача - сохранить при переводе наиболее существенное, определяющее тип текста. Основой типологии текстов может быть функция, которую язык выполняет в данном тексте. Исходя из классификации таких функций, предложенной Карлом Бюлером, К. Райс полагает, что существуют три основных типа текста. В одном типе текста на первом месте стоит функция описания (сообщение информации), в другом типе

79

текста сновная роль принадлежит функции выражения (эмоциональных или эстетических переживаний), а в третьем типе текста доминирует функция обращения (призыв к действию или реакции). Первый тип ориентирован на содержание, второй - на форму, третий - на обращение. Эти три типа текстов, выделяемые на основе функций языка, могут быть дополнены четвертой группой текстов, которые предлагается именовать аудиомедиаальными. Речь идет о текстах, зафиксированных в письменной форме, но поступающих к получателю в устной форме и воспринимаемых им на слух.

Различие между этими четырьмя типами текста обуславливает и характер метода, применяемого при переводе текстов каждого типа. При переводе текстов, ориентированных на содержание (коммерческая корреспонденция, сообщения и комментарии прессы, специальные тексты гуманитарных, естественных и технических наук и т.п.), требуется обеспечить инвариантность на уровне плана содержания. При этом языковое оформление перевода должно полностью соответствовать законам языка перевода, чтобы читатель мог получить информационное содержание в привычной языковой форме. Из таких требований и должен исходить критик при оценке переводов этого типа.

При переводе текстов, ориентированных на форму (произведения художественной литературы), задача переводчика заключается в первую очередь в передаче их эстетического воздействия. Такие тексты сообщают определенное содержание, но они теряют свой специфический характер, если в переводе не сохраняется их внешняя и внутренняя форма, определяемая нормами поэтики, стилем или художественными устремлениями автора. Инвариантность плана содержания уступает здесь главное место аналогии формы, требующей эквивалентности эстетического воздействия. Отсюда следует, что языковое оформление перевода текстов, ориентированных на форму, детерминируется языком оригинала.

Тексты, ориентированные на обращение, не только передают содержание в определенной языковой форме, но и преследуют определенную цель, определенный экстралингвистический эффект. Поэтому при переводе необходимо прежде всего сохранять четкое обращение к слушателю или читателю. Этой цели

должно быть подчинено и языковое оформление перевода, который должен обеспечить определенную реакцию, иногда побудить к конкретному действию. Для ее достижения переводчику дозволено больше, чем при переводе других текстов, отклоняться от содержания и формы оригинала, и при оценке перевода такие необходимые отклонения не следует рассматривать как нарушение требования «верности оригиналу». Здесь верность оригиналу и заключается прежде всего в достижении намеченного автором эффекта, в сохранении заложенного в тексте обращения.

80

Аудиомедиальные тексты (тексты радио- и телепередач, сценические произведения, тексты музыкальных произведений и пр.) являются элементами более крупного целого и не могут обходиться без внеязыковой (технической) среды и неязыковых графических, акустических и визуальных форм выражения. В принципе аудиомедиальные тексты могут быть распределены между текстами, ориентированными на содержание (доклады по радио, документальные фильмы), текстами, ориентированными на форму (радиоочерки, постановки), и текстами, ориентированными на обращение (комедиями, трагедиями). Но для оценки перевода этого недостаточно, поскольку при этом следует прежде всего оценивать, насколько в переводе удалось учесть условия неязыковой среды, присутствовавшие в оригинале, и степень участия дополнительных средств выражения в создании целостной смешанной литературной формы.

Избрав в качестве основы для оценки качества перевода его соответствие типу текста, к которому принадлежит оригинал, К. Райс сочла необходимым дополнить критерии оценки требованием соблюдать в переводе еще целый ряд особенностей оригинала, которые она именуется «внутриязыковыми инструкциями» и «внеязыковыми детерминантами». К числу первых относятся семантические, лексические, грамматические и стилистические особенности оригинала, а вторые включают такие прагматические факторы, как ситуация, предмет речи, пространственно-временные рамки, особенности автора и получателя, аффективные импликации и т. п.

Таким образом, критику перевода вменялось в обязанность учитывать как собственно языковые, так и внеязыковые (прагматические) факторы.

Определяя границы критической оценки перевода, К. Райс указывает на необходимость учитывать, что перевод может осуществляться в каких-либо специальных целях (различные виды реферирования, учебный перевод, пословный перевод, «ученый перевод» и т.п.) или для особого круга читателей (переводы для детей и юношества, популяризация специальных текстов, всевозможные адаптации по моральным, религиозным, идеологическим и коммерческим соображениям). Учет этих факторов составляет собственно функциональный аспект критики перевода.

Переводческая концепция К. Райс получила дальнейшее развитие и существенные дополнения в ее последующих работах, центральное место среди которых занимает книга «Основы всеобщей теории перевода» (1984 г.), написанная совместно с Х. Фермеером. Ее содержание отражает эволюцию теоретических взглядов авторов. Соответствие перевода оригиналу в текстовом и в функциональном аспекте отступает здесь на второй план и трактуется как частный случай, не опре-

81

деляющий понятие «перевод» в целом. Еще меньшее место в теоретической концепции занимает учет языковых особенностей оригинала, тех «внутриязыковых инструкций», которые раньше рассматривались как часть требований, предъявляемых к переводу. Главным и фактически единственным критерием оценки перевода объявляется его соответствие той цели, ради которой он был осуществлен.

Эта концепция, которую авторы назвали «скопос-теория» (скопос - цель), исходит из того, что перевод - это прежде всего вид практической деятельности, а успех всякой деятельности определяется тем, в какой степени она достигает поставленной цели. Перевод всегда осуществляется для чего-то, переводчик стремится выполнить определенную задачу, которую он выбрал сам или получил от заказчика, в чьих интересах и по чьему поручению осуществляется процесс перевода. Цели перевода могут быть самыми различными, и соответствующие им тексты перевода будут принципиально отличаться друг от друга. При этом несущественно, в какой степени перевод оказывается близок к оригиналу, коль скоро он соответствует своей цели. В каких-то случаях цель перевода может заключаться в достижении максимальной близости к оригиналу, а в других случаях цель может быть иной: сообщить получателю какую-то информацию, убедить его в чем-либо, добиться заключения сделки, ввести его в заблуждение и т.д. Исходя из поставленной задачи, переводчик выбирает способ перевода, воспроизводящий оригинал, отклоняющийся от оригинала или пренебрегающий им. Переводчик выступает не в качестве простого посредника, а как языковой консультант, специалист, хорошо знающий язык, культуру, экономику соответствующей страны и способный создать такой текст, который нужен для успешной деятельности с представителями этой страны. Можно представить и такой случай, когда текста оригинала вообще не существует и переводчик самостоятельно создает свой текст, руководствуясь знанием цели или указаниями заказчика. Таким образом, переводчик превращается в центральную фигуру межъязыковой коммуникации.

В связи с таким подходом предлагается различать понятия «адекватность» и «эквивалентность» перевода. Адекватный перевод - это перевод, отвечающий поставленной цели. Стремление обеспечить адекватность определяет выбор способа перевода, и поэтому понятие «адекватность» относится к процессу перевода, который может осуществляться адекватным способом. «Эквивалентность» относится к результату перевода и означает функциональное соответствие текста перевода тексту оригинала. Поэтому перевод не может осуществляться «эквивалентным способом», но может оказаться эквивалентным как частный результат достижения адекватности перевода определенной цели.

82

Разработка скопос-теории представляет несомненный вклад в современное переводоведение. Она открывает новое направление исследований, охватывает весь спектр функций, выполняемых переводчиком, ставит задачу описания различных целей переводческой деятельности, подчеркивает важность и престижность работы переводчика. Вместе с тем обобщенное рассмотрение всех видов языкового посредничества не устраняет необходимость специального научного анализа наиболее сложного и важного аспекта разнообразной деятельности переводчика - осуществления «собственно перевода», имеющего целью создание текста, способного полноценно заменить оригинал в процессе межъязыковой коммуникации.

2. Теоретические концепции В. Вилсса

Известный западногерманский лингвист Вольфрам Вилсс внес большой вклад в утверждение общественной значимости переводческой деятельности, в изучение теоретических и прикладных аспектов перевода. В его многочисленных статьях и научных докладах и в фундаментальном труде

«Переводческая наука: Проблемы и методы» (1977 г.) рассматривается широкий круг переводоведческих проблем, связанных с ролью перевода в современном мире, историей переводоведения, местом науки о переводе в языкознании, способами описания переводческого процесса, переводческой типологии текстов, определением понятия переводческой эквивалентности и многих других.

Наряду со всесторонним охватом переводческой проблематики для работ В.Вилсса характерен глубокий анализ переводческих концепций выдающихся переводоведов всех стран (за исключением, к сожалению, исследований российских лингвистов). В них обобщен опыт теоретического изучения перевода на протяжении всей истории развития переводоведения. При этом В. Вилсс весьма сдержанно оценивает теоретические достижения переводоведов. По его мнению, большинство их концепций носит слишком абстрактный характер, в то время как каждый акт перевода конкретен и требует индивидуального подхода и специфических решений.

Особое внимание В.Вилсс уделяет прикладным аспектам переводоведения, связи теории перевода с задачами обучения будущих переводчиков. Его внимание привлекают проблемы классификации переводческих трудностей, методики обучения переводу, анализа переводческих ошибок, оценки качества перевода.

В.Вилсс разрабатывает принципы создания типологии переводческих трудностей. Он считает, что в основе таких трудностей лежат 4 фактора: 1) Особенности каждого из языков, участвующих в процессе перевода. 2) Особенности переводчика, выступающего в двойной роли:

83

адресата текста оригинала и автора текста перевода. 3) Особенности типа текста оригинала в соответствии с тройной классификацией текстов, предложенной К.Райс. 4) Особенности конкретного текста оригинала. Первые три группы факторов носят относительно постоянный характер для конкретного переводчика, работающего с определенной парой языков. Различные сочетания двух видов языковых особенностей, двух видов ролевых особенностей и трех видов типологических особенностей, двух видов ролевых особенностей и трех видов типологических особенностей текста дают 12 параметров переводческих трудностей, причем такие трудности могут носить коллективный (существовать для всех переводчиков), частично коллективный и индивидуальный характер. В.Вилсс указывает, что более детальная типологизация затруднена из-за большого числа индивидуальных трудностей, связанных с особенностями конкретного текста и конкретного переводчика, но полагает, что можно описывать отдельные трудности перевода на разных уровнях языковой системы.

Большой практический интерес представляют замечания В.Вилсса по содержанию и организации подготовки будущих переводчиков. Методика обучения переводу остается до сих пор слабо разработанной, особенно учитывая разнообразие целей обучения и требований, предъявляемых к переводчику в различных видах перевода. В.Вилсс полагает, что обучаемые должны обладать определенными способностями к переводческой деятельности, хорошим владением родным языком, интересом к познанию, способностью применять теорию обучения к переводу, способностью к развитию умения критически оценивать свою работу. Цель обучения заключается в создании у обучаемого умения анализировать текст, выбирать правильную переводческую стратегию, применять необходимые методы и способы перевода. Для достижения этой цели организация учебного процесса должна обеспечивать: а) Действенность и системность применяемых методов; б) Последовательность(континуум) обучения; в) Градацию в выделении и преодолении трудностей; г) Градацию переводческих проблем по их относительной важности; д) Представление переводческой компетенции в виде ряда операций

(«операционализация компетенции»).

В.Вилсс настаивает на том, что обучение переводу должно заключаться не в интуитивном переводе учебных текстов, а в объяснении и усвоении переводческих процедур и приемов. Преподавание должно быть дифференцированным и проблемно-ориентированным. В каждом тексте в рамках отдельного предложения есть возможность выделить переводческие трудности и продемонстрировать обучаемым способы преодоления этих трудностей. Предлагается при этом следующая последовательность учебной работы: 1) Синтактико-семантико-стилистика-ческий анализ предложения оригинала; 2) Описание, классификация и

84

оценка переводческих трудностей; 3) Преодоление трудностей в процессе создания перевода (одной или несколькими операциями); 4) Критическая оценка степени эквивалентности перевода; 5) Обратный перевод для сопоставления выразительных средств двух языков. В целом основной упор при обучении переводу должен делаться не на уникальность процесса перевода, а на повторяемость его основных аспектов в других языковых контекстах.

Важное место в процессе обучения занимает анализ переводческих ошибок и оценка качества перевода. Предлагается различать типичные и нетипичные ошибки и уделять особое внимание первым. Ошибки классифицируются в зависимости от причин, с которыми они связаны. Самые грубые ошибки возникают в связи с непониманием переводчиком смысловых отношений между частями текста оригинала. В тексте перевода предлагается различать грамматические, стилистические и когнитивные ошибки. Могут быть ошибки, связанные с нарушением норм ПЯ, при которых текст остается понятен. Основная трудность заключается в оценке степени важности ошибки, особенно трудно судить о «приемлемости стиля» перевода.

В отличие от анализа ошибок критика перевода, по мнению В.Вилсса, имеет дело с переводом в целом. Настаивая на том, что всякий перевод - это лишь приближение к идеалу, В.Вилсс считает, что прежде всего нужно уметь оценить, имеет ли критик дело с ошибкой или с намеренным преобразованием или отклонением от оригинала. При этом весьма существенно, может ли критик предложить и обосновать лучший вариант. Предлагается использовать 4 критерия *общих* оценки языка перевода: а) правильность языка - соблюдение или нарушение нормы ПЯ; б) правильность употребления - соблюдение или нарушение узуса ПЯ; в) соблюдение или нарушение социолингвистической (ролевой) нормы; г) правильность выбора индивидуальных речевых характеристик текста. Эта общая оценка дополняется оценкой более детальной, раскрывающей правильность передачи синтаксических, семантических и прагматических особенностей оригинала. Такую оценку предлагается производить в отношении каждого из этих планов по пятибалльной шкале, различая следующие варианты: «неправильно», «неуместно», «неясный случай», «правильно», «уместно». Такая градация должна позволить оценить варианты перевода с достаточной степенью объективности, хотя в ряде случаев критик может колебаться, куда отнести то или иное отклонение.

Как уже отмечалось, В.Вилсс - один из ведущих теоретиков перевода Западной Германии, и в его работах можно найти много ценных суждений по самым различным проблемам переводоведения. Однако особенно интересными представляются изложенные выше идеи по организации подготовки переводчиков, поскольку эта проблема не

затрагивается, как правило, в теоретических работах по переводу, и В.Вилссу во многом принадлежит приоритет в ее разработке.

Среди главных трудов В.Вилсса особое место занимает его книга «Познание и перевод. К теории и практике человеческого и машинного перевода» (1988 г.), в которой переводческая проблематика рассматривается с позиций когнитивной психологии.

В.Вилсс считает, что эмпирически-индуктивные и моделирующие подходы к созданию теории перевода должны быть дополнены разработкой нормативной теории перевода, которая раскрывала бы особенности действий переводчика в процессе перевода. Такая теория, ориентирующаяся на личность переводчика, должна основываться на данных когнитивной психологии, показывающих, каким образом человек приобретает знания и использует их в различных видах практической деятельности. Исследование перевода должно выявить, как внешний стимул, в качестве которого здесь выступает текст оригинала, активизирует структурированное знание в памяти переводчика и как это знание, наряду с другими психологическими факторами, позволяет решать проблемы и выполнять необходимые операции в процессе перевода.

Теория перевода, по мнению В.Вилсса, изучает не объективные, физические объекты, а идеальные объекты - мыслительные действия и операции. Для нее более важны не общие законы, а особенное - создание конкретного текста. Поэтому она должна описывать процесс перевода в таких операционных терминах, как «действие, поведение, решение проблемы, выбор, творчество, интуиция, стратегия перевода, метод перевода, техника перевода, стереотип перевода». Знания могут приобретаться и использоваться человеком либо аналитическим путем, на основе объективного анализа фактов и ситуаций, либо герменевтическим путем, т.е. субъективно-интуитивно. Отсюда следует, что при описании процесса перевода нельзя ограничиваться сознательным, объективным и закономерным, а надо уделять должное внимание и интуитивному, субъективному и единичному. Это ограничивает «научность» теории перевода, но этого не следует бояться. Степень научности определяется сущностью и сложностью объекта. Не всякий объект поддается объективному и обобщенному описанию. Научная редукция объекта (процесса перевода) к его наиболее общим признакам может оставить за пределами исследования его наиболее существенные стороны. Указанный подход хорошо согласуется с новой ориентацией языкознания не на систему языка, а на речь, т.е. на действие, применение языка. И центральным вопросом теории действия является, при каких условиях, в какой функции, каким образом организуется действие, в данном случае процесс перевода. В этом процессе имеют место два вида поведения переводчика: ассимиляторское -

собственно поведенческое (поиск соответствий на основе объективных данных) и адаптирующееся - применение творческих когнитивных процессов (создание новых планов в соответствии с поставленной целью). В.Вилсс различает, таким образом, в переводе поведенческий (объективный) аспект (*Verhalten*) и деятельностный (субъективный) аспект (*Handeln*). В процессе перевода деятельность переводчика проходит через три этапа: подготовка, осуществление и оценка результатов. Весь процесс - это обдуманные действия, в ходе которых переводчик постоянно делает выбор, строит гипотезы о последствиях того или иного выбора и принимает решения для достижения цели: вопрос должен идти, не почему принято это решение, а зачем оно было принято. При таком подходе, полагает В.Вилсс, теория

перевода будет эмпирической и нормативной и будет служить практике.

Таким образом, в центре внимания исследователя оказывается когнитивная деятельность переводчика. Так, при рассмотрении этапа подготовки указывается, что переводчик осуществляет при выборе варианта перевода три вида поиска: случайный, систематический и эвристический (сокращающий интуитивно путь поиска). Именно этот последний является основным, решающим и должен быть главным предметом изучения. В результате таких поисков переводчик создает своего рода мыслительную рабочую схему, в соответствии с которой он осуществляет поэтапное решение задач.

Значительное место в концепции В. Вилсса уделяется роли личности переводчика, ситуации, в которую он себя ставит, цели, которые он преследует, сознательно или бессознательно. В. Вилсс полагает, что действия переводчика несомненно зависят от оригинала и от читателей перевода и чем точнее он определит для себя (объективно и субъективно) те требования, которые они ему предъявляют, тем успешней будет его деятельность. В связи с этим В. Вилсс не соглашается с принципом «самостоятельного права переводчика на окончательное-решение» (Mitbestimmungsrecht), который провозглашают сторонники «скопос-теории» (Х. Фермеер, Ю. Холц-Мянтяри), и с их утверждениями, что оригинал не имеет собственной ценности. По мнению В. Вилсса, такой принцип может привести лишь к переводческому произволу. Полемизируя с указанной концепцией, он напоминает, что переводчик - это всегда не только создатель текста (Textproduzent), но и получатель текста оригинала (Textrezipient) и что его деятельность - это всегда реакция на оригинал.

Каждый вид деятельности обладает своими особенностями. Перевод характеризуется в первую очередь тем, что это - действие, основанное на понимании (активном, дистантном, не означающим согласие с понятием); процесс, методически контролируемый, то есть осуществляемый по определенной стратегии действий, определенной

87

системе анализа и синтеза; область деятельности отдельного лица-переводчика, часть которой сугубо субъективна, поскольку у каждого переводчика своя система оценок; деятельность, которая отчасти носит неопределенный, эвристический характер, когда многое приходится основывать на догадке (нет связи с автором оригинала, неизвестна цель перевода, характер получателя и т.п.). Отсюда следует, что переводчик использует разные типы мыслительных операций: рефлексивный, основанный на объективном анализе доступной информации, и импульсивный, интуитивный, основанный на субъективных решениях. В. Вилсс полагает, что в силу такого характера переводческой деятельности наука о переводе не должна быть слишком строго сформулированной, поскольку обобщающие концепции, методы и модели всегда будут охватывать лишь объективный аспект перевода, оставляя в стороне важнейший субъективный аспект.

Именно на этот субъективный аспект и может, по мнению В. Вилсса, пролить свет когнитивная психология, пытающаяся исследовать человеческую интуицию. С ее позиций процесс перевода следует прежде всего рассматривать как операцию решения проблем. При этом проводится различие между задачей и проблемой. Задача решается известными методами или путями, а для решения проблемы приходится идти новыми путями, неизвестными для данного переводчика. Таким образом, проблемы не носят абсолютного характера: одна и та же трудность для одного переводчика - проблема, а для другого - стереотипно решаемая задача. Проблемы могут быть макроконтекстуальные и микроконтекстуальные. Макроконтекстуальные проблемы связаны с необходимостью определить общий смысл, цель, назначение, функцию текста оригинала, которые, как правило, должны сохраняться и в переводе. Больше трудностей представляют микроконтекстуальные проблемы, к которым В. Вилсс относит случаи

семантической неопределенности, синтаксической сложности текста, тема-рематические отношения, наличие эллипса, метафор, иронии, неудачных формулировок, атрибутивных, герундиальных, причастных конструкций (речь идет о переводах с английского языка) и т.п. Все эти проблемы, по мнению В.Вилсса, носят единичный характер, мало поддаются обобщению, и каждый переводчик решает их по-своему. Поэтому очень важно учитывать личностный фактор, индивидуальные психологические особенности переводчика.

В процессе перевода используются два вида знаний переводчика: позитивные (эпистемические), хранящиеся в его памяти, и эвристические (способность добывать новую информацию). Оба этих вида знаний должны формироваться при подготовке будущих переводчиков. В процессе такой подготовки полезно практиковаться в решении различных проблем, даже если нельзя дать строгих процедур решения.

88

Малоизученным остается сам процесс принятия решений переводчиком. Переводчик оказывается в ситуации лабиринта и стремится достичь цели оптимальным путем. При этом ни один переводчик не в состоянии осуществить все возможные и необходимые действия, перебрать все варианты. Каждый переводчик видит лишь часть возможных интерпретаций и вариантов. Принятие решения обуславливается рядом общих факторов. В.Вилсс отмечает влияние таких факторов, как характер решаемой проблемы, степень рискованности того или иного решения, предел достаточности поиска информации (при неизбежной ограниченности времени и затрат усилий), зависимость последующих решений от предыдущих. При этом сам переводчик не может иногда обосновать свое решение.

Процесс принятия решений непосредственно связан с характерным для данного переводчика типом поведения. Типология поведения переводчика основывается на ряде оппозиций: целеустремленный-колеблющийся («синдром Пилата»), упрямый-скептический, вдумчивый-честолюбивый, находчивый-ограниченный, логичный-непоследовательный. В.Вилсс полагает, что переводчику необходимо нейтрализовать бессознательное влияние типа своей личности, сделать бессознательное сознательным. При всей важности интуиции ей должно предшествовать размышление.

В своей работе В.Вилсс пытается разобраться и в таких сложных и трудно определяемых понятиях, как переводческое творчество и переводческая интуиция.

Имеющиеся работы по психологии творчества указывают на его косвенную связь с интеллектом, знаниями и опытом человека, на его целеустремленность и оценочность (в отличие от фантазии или оригинальности). Существуют разные виды творчества: художественное, научное, техническое, организаторское и т.д., но это - всегда новаторская комбинация идей. В области перевода особый характер творчества определяется тем, что оно представляет собой соединение понимания и изобретательности и в нем участвуют разум, понимание, интуиция и фантазия переводчика. Здесь необходимо также различать собственно творчество и творческое воспроизведение уже существующего. По-видимому, имеются различные уровни, области и проявления творчества, в связи с этим, возможно, следует говорить об особом виде «перетекстового» творчества.

В.Вилсс полагает, что характер переводческого творчества зависит от типа переводимого текста. В художественных текстах нет предсказуемости отношения автор-переводчик, и творчество переводчика более субъективно и индивидуально. Я технических текстах многие свойства существуют независимо от автора и получателя, поэтому на первый план выступает аналитическое творчество переводчика,

Анализируя примеры переводов технических и художественных текстов, В. Вилсс пытается показать различие в творчестве разных переводчиков, разную возможность и склонность использовать «прямой» перевод, где требуется меньше творческих приемов, разное соотношение с методами перевода (сознательное использование известного приема) и техникой перевода (автоматическое воспроизведение известного по памяти). В акте творчества предлагается различать четыре фазы: подготовка, вызревание (Inkubation), озарение, проверка результата.

Переводческая интуиция определяется как способность спонтанно находить решение проблем, не основанная на знании и не опирающаяся на логическое рассуждение. Интуитивные решения могут быть правильными или ошибочными. Это - ответ определенным способом на определенную ситуацию. В какой-то степени интуиция основана на рациональном, но она выходит за его пределы. В. Вилсс указывает, что переводоведение направлено на обнаружение закономерностей и тем самым принципиально игнорирует интуицию. В процессе перевода переводчик должен пользоваться известными ему методами и образцами, но он также должен быть готов использовать свою интуицию, которая не поддается регулируемости, упорядоченности, обоснованности, анализу и вербализации.

В конце монографии В. Вилсс рассматривает проблематику машинного перевода, демонстрируя его ограниченные возможности и теоретическую и практическую невозможность обеспечить высокое качество перевода, полагаясь лишь на логический и лингвистический анализ и исключив недоступную машине интуицию.

Как видно из вышеизложенного, многие сложные проблемы, затронутые в работе В. Вилсса, не получают решения. Однако сама ориентация на когнитивные аспекты деятельности переводчика несомненно плодотворна и намечает новое направление исследований. Дальнейшая разработка этой проблематики потребует применения новых методов анализа, в том числе экспериментальных.

3. Исследования процесса перевода в трудах Х. Крингса

С самого начала теоретического изучения переводческой деятельности в центре внимания исследователей находился процесс перевода, понимаемый как совокупность действий переводчика по созданию текста перевода. Многие переводоведы подчеркивали, что именно процесс перевода должен быть предметом теории перевода. Изучение перевода как процесса противопоставлялось анализу перевода как результата (то есть текста перевода в сопоставлении с текстом оригинала) и дол-

жно было придать теории перевода динамический характер. Последующее развитие переводоведения привело к рассмотрению перевода в широких рамках межъязыковой коммуникации, что устраняло противопоставление процесса перевода его результату. Процесс перевода происходит в мозгу переводчика, он принципиально не наблюдаем, и о нем можно судить лишь косвенным образом, изучая

его результаты. По этой причине суждения о переводческой компетенции, о том, как реально переводчик осуществляет перевод, какие проблемы и каким образом он решает в процессе перевода, носили, как правило, гипотетический характер. Изучение мыслительных операций переводчика в процессе перевода остается одним из наименее разработанных разделов современной теории перевода.

Задачу восполнить в определенной степени этот пробел и поставил перед собой немецкий переводовед Ханс П. Крингс, который провел интересное психолингвистическое исследование переводческого процесса, детально описанное им в фундаментальной монографии «Что происходит в головах переводчиков?» (1986 г.).

Работа Х.Крингса носила новаторский характер как по поставленным задачам, так и по методу исследования. Для эмпирического изучения наблюдаемого процесса перевода он применил известный в психологии экспериментальный метод «думания вслух» (think aloud). Участникам эксперимента, имевшим опыт переводческой работы, предлагалось переводить тексты (с родного языка на иностранный и наоборот), вербализуя при этом все свои размышления, так сказать, мысля вслух. Все высказанное испытуемыми записывалось на пленку и затем подробно анализировалось, включая зафиксированные на пленке невербальные соматические и паралингвистические звуки, паузы, сопутствующие действия и т.п. В результате такого анализа были получены весьма ценные фактические данные, расширившие наши представления о сущности процесса перевода и доказывающие возможность и целесообразность его экспериментального изучения.

Центральным в анализе экспериментальных данных у Х.Крингса является понятие «переводческая проблема». Изучение высказываний испытуемых (протоколов эксперимента, полученных путем транскрибирования магнитофонных записей) показывает, что отдельные части текста переводчик переводит не задумываясь (ничего не вербализуя), автоматически, на основе имеющегося в его памяти эквивалента, прочно ассоциируемого с данной единицей исходного текста. Во всех остальных случаях, когда переводчик затрудняется сразу дать перевод, считается, что он столкнулся с переводческой проблемой. Х.Крингс особо заботится о том, чтобы обеспечить объективную процедуру выделения переводческих проблем. Он предлагает два ряда критериев их выделения. Первый ряд главных критериев, наличие каждого из кото-

91

рых считается достаточным, включает: 1) Прямые или косвенные высказывания переводчика, что он испытывает трудности. 2) Указания на обращение к словарю. 3) Проблемы в переводе, осознанные переводчиком. Второй ряд включает второстепенные критерии, которых должно быть не менее двух, чтобы идентифицировать переводческую проблему. К таким критериями относятся: 1) Обсуждение переводчиком двух или более альтернативных вариантов перевода. 2) Внесение исправлений в текст перевода. 3) Подчеркивание каких-то («трудных») мест в оригинале. 4) Высказывание переводчиком неудовлетворенности результатами перевода. 5) Обращение в ходе рассуждения к общетеоретическим принципам перевода. 6) Наличие паузы. 7) Наличие паралингвистических указаний на затруднение (вздохи, стоны, смех). 8) Ошибки в переводе. Таким образом, переводческая проблема может возникать как вследствие недостатка у переводчика каких-то знаний, так и при необходимости выбора среди каких-то уже известных ему вариантов.

Далее, высказывания переводчиков дают возможность выделить среди переводческих проблем трудности понимания и трудности передачи. При этом последние могут быть чисто трудностями передачи (например, при полном понимании текста) и могут быть связанными с трудностями понимания. (Х. Крингс называет их «индуцированными проблемами» в отличие от «первичных».) Оказывается

возможным также различать трудности, связанные с недостаточной языковой компетенцией переводчика и с недостатками в его собственно переводческой компетенции (при первичных проблемах передачи). Особо следует отметить случаи, когда переводчик обнаруживает непонимание элемента оригинала и тем не менее дает правильный перевод (путем заимствования или пословного перевода).

Основная часть анализа протоколов эксперимента посвящена выявлению «переводческих^ стратегий», которые определяют характер действий переводчика, составляющих процесс перевода. Под стратегиями перевода понимаются потенциально осознанные планы переводчика, направленные на решение конкретной переводческой проблемы в рамках конкретной переводческой задачи. Предлагается различать «макростратегию» - способы решения целого ряда переводческих проблем и «микростратегию» - пути решения одной проблемы.

С точки зрения макростратегии в процессе перевода выделяется 3 этапа: предпереводческий анализ оригинала (Vorlauf), собственно перевод (Hauptlauf) и постпереводческая обработка текста (Nachlauf) - проверка и коррекция перевода. При этом первый или третий этап у некоторых испытуемых отсутствовал.

Предпереводческий анализ характеризуется следующими особенностями. Во-первых, отмечается различие в степени изолированности

92

этого этапа от последующего. Одни переводчики сначала прочитывают текст оригинала, стремясь понять его содержание, и лишь потом приступают к его переводу. Другие же в процессе чтения ищут переводческие соответствия отдельным элементам оригинала. Предполагается, что понимание текста при чтении может достигаться одним из двух путей. Одни сначала охватывают общее содержание и затем идут от понимания целого к деталям (top-down), другие идут к пониманию целого от деталей (bottom-up). Отмечается также, что некоторые испытуемые опускают при переводе трудные места, откладывая их перевод на «потом». Как правило, переводчик сначала быстро формирует грубый, приблизительный перевод, основанный на имеющихся у него ассоциативных связях между единицами двух языков, а затем начинает его шлифовать, изменять и корректировать.

Стратегия переводчика варьируется в зависимости от того, решает ли он проблемы понимания (Rezeptionsstrategie) или проблемы передачи (Wiedergaberstrategie). В первом случае в качестве основы для достижения понимания используются информация, извлекаемая из различных видов контекста, логические выводы и рассуждения, а также словари. Во втором случае обнаруживается целый ряд стратегических приемов. Прежде всего в большинстве случаев в процессе перевода происходит сопоставление нескольких возможных вариантов, которые как берутся из словаря, так и дополняются переводчиком за счет синонимов и парафраз. Окончательный результат может быть одним из первоначально сопоставляемых или отыскиваться заново, если все они были отвергнуты. Эксперимент показал, что первый вариант значительно чаще берется из словаря, чем окончательный. При этом оказалось, что если в словаре дается единственное соответствие, то оно нередко используется в переводе даже при непонимании переводчиком значения переводимого слова, хотя это подчас приводит к ошибке.

Во многих случаях у переводчика для переводимого слова существует некий основной эквивалент в другом языке, с которым в его памяти установлена непосредственная, постоянная и равнозначная связь. Именно такой эквивалент (разный у разных переводчиков) прежде всего возникает в качестве первого варианта перевода. Однако такие основные эквиваленты есть далеко не у всех единиц оригинала, часть

из них формируется в процессе перевода, порой недостаточно правильно, на основе чисто внешнего звукового или структурного подобия. Анализируя экспериментальные данные, Х.Крингс делает интересный вывод об отсутствии прямой зависимости окончательного варианта перевода от процедуры его выбора: одинаковый результат может быть достигнут разными путями.

Отмечается различие в переводческой стратегии при переводе на язык и с языка. При переводе на иностранный язык важная роль в этой

93

стратегии принадлежит перевыражению мысли в оригинале («внутриязыковой перевод» в ИЯ) с целью облегчения поиска эквивалента, а также обращению к словарю (2/3 проблем решаются с помощью словаря). При этом в 20% случаев словарь дает необходимое решение, а в 25% случаев в словаре нет нужного слова или выражения. Из словаря берется и 1/3 сопоставляемых первоначально вариантов. Менее часто используется нахождение эквивалента из ситуации, создание нового соответствия путем комбинирования элементов и использование ранее примененных решений аналогичных проблем.

При переводе с иностранного языка на родной главная стратегия переводчика, по данным Х.Крингса, заключается в перевыражении основного эквивалента ПЯ, в частности, для поиска наиболее употребительного варианта. Реже встречается комбинирование нового соответствия. Х.Крингс отмечает, что при переводе с иностранного языка наблюдается больший разброс предварительных вариантов, чем при переводе на язык.

Большой интерес представляют наблюдения Х.Крингса о процедуре оценки и выбора вариантов. По его данным, оценка варианта может производиться либо путем его сопоставления с проблемной единицей исходного текста (3/4 всех случаев), либо независимо от нее. При сопоставлении вариантов они оцениваются абсолютно как «хороший» или «плохой» или относительно: вариант А лучше Б. Выбор варианта обуславливается либо тем, что он удовлетворяет переводчика, либо тем, что он кажется ему лучше других («за неимением лучшего»). Вариант перевода оценивается по следующим основным параметрам: степень соответствия единице оригинала, приемлемость с точки зрения ПЯ, соответствие общим принципам перевода, понятность для читателя перевода.

Соответствие единице оригинала оценивается по наличию/отсутствию расхождений в семантике слова, его употреблению, контекстуальном значении и коннотации. Источники информации, на которых переводчик основывает свое суждение, включают: языковые знания переводчика, сведения из двуязычного и одноязычного словаря, анализ контекста, а также использование обратного перевода.

Любопытен список общих правил, которыми руководствуются переводчики. На первом месте здесь стоит требование дословности: переводчик предпочитает вариант, который более дословно воспроизводит оригинал. Затем идет требование избегать многословных описаний: считается, что объем перевода не должен превышать объем оригинала более чем на 10%. К числу таких принципов также относятся: требование переводить одинаковые слова одним и тем же словом, а разные слова (не синонимы) разными словами; требование предпочитать исконные слова иностранным; требование правильного исполь-

94

зования словаря. Неоднозначен подход к ошибкам в языке оригинала: некоторые переводчики исходят из необходимости исправлять эти ошибки при переводе, другие считают нужным их воспроизводить. К сожалению, данные Х.Крингса не позволяют судить о том, откуда взялись эти переводческие принципы: сформировались ли они на основе каких-то теорий перевода или стихийно возникли в сознании переводчиков.

Как уже указывалось, поиск заканчивается, когда переводчик удовлетворен найденным эквивалентом или решает, что лучшего у него нет. Могут быть и такие случаи, когда переводчик не удовлетворен ни одним из найденных вариантов. В этом случае переводчик избирает путь, который Х.Крингс называет «стратегией редукции». Она включает отказ от воспроизведения отдельных элементов оригинала, упрощенную передачу (отказ от воспроизведения выделения, метафоричности или отдельного семантического признака), прямой перенос в перевод иностранного слова. Обнаруживается также использование своеобразной «стратегии перестраховки», когда переводчик, будучи не уверен, что ему удалось правильно решить переводческую проблему, выбирает наиболее общий вариант с неясным или амбивалентным значением, который можно истолковывать по-разному.

Анализ экспериментальных данных обнаруживает значительные расхождения в структуре переводческого процесса при переводе с иностранного языка и при переводе на иностранный язык. В первом случае главную роль играет стратегия понимания, а в стратегии поиска эквивалента большое место занимает оценка уместности и употребительности, когда варианты отбрасываются без сопоставления с оригиналом, а лишь исходя из узуса и правил текстопроизводства языка перевода. Во втором случае на первое место выходит перевыражение отрезков оригинала с целью облегчить нахождение эквивалента и сопоставление единиц ИЯ и ПЯ.

Х.Крингс указывает и на некоторые особенности поведения его испытуемых, которые не могут быть признаны правильными. Его переводчики не задумываются о цели перевода, функции оригинала, характере адресата, для которого они предназначают перевод. Они подчас неохотно пользуются словарем, пытаются переводить не понимая, предпочитают «туманные» варианты, нарушают нормы родного языка. Подобные недостатки объясняются, по-видимому, тем, что испытуемые у Х.Крингса не были профессиональными переводчиками, хотя и достаточно много переводили в процессе изучения иностранного языка.

Пытается Х.Крингс и сформулировать некоторые общетеоретические выводы, касающиеся закономерностей процесса перевода. Так, он обращает внимание на то, что анализ ошибок перевода на дает до-

стоверных данных ни о наличии переводческих проблем, ни о степени понимания оригинала переводчиком. В ходе эксперимента отмечались случаи, когда ошибочный перевод давался при отсутствии проблемы, а проблема решалась без ошибки. Аналогичным образом ошибки в переводе допускались и при правильном понимании оригинала, а порой, напротив, переводчик переводил правильно без полного понимания переводимого отрезка.

Несомненный интерес представляет и отмеченная выше принципиальная асимметрия переводческого процесса при переводе на иностранный язык и с иностранного языка, и в то же время выявленная в ходе

эксперимента ведущая роль в обоих случаях родного языка. При переводе на иностранный язык это - широкое использование перевыражения оригинала (на родном языке) в процессе поиска эквивалентов. При переводе с иностранного языка - преобладание оценок вариантов перевода по степени их уместности и приемлемости в родном языке.

Заслуживает особого упоминания и обнаруженное Х.Крингсом значение дословного перевода. Во-первых, при составлении ряда вариантов, из которого будет выбираться эквивалент, первым, как правило, называется дословный вариант. Во-вторых, обдумыванию окончательного варианта перевода предложения обычно предшествует грубый (дословный) предварительный перевод, который затем обсуждается и улучшается. И, наконец, многие переводчики считают стремление к дословности одним из главных принципов перевода. Можно усомниться в правильности и теоретической значимости этого принципа, но со стихийно складывающейся тенденцией к дословности необходимо считаться.

Работа Х.Крингса представляет большой теоретический и практический интерес. Можно спорить о том, насколько полно и точно «думание вслух» переводчика отражает реальный процесс перевода, насколько обоснован был выбор испытуемых, достаточным ли было их число и т.п.; но попытка получить более или менее объективные данные об этом сложном и ненаблюдаемом процессе, несомненно, заслуживает одобрения. Возможности экспериментального изучения перевода еще далеко не исчерпаны.

4. «Теория релевантности» Э.-А. Гутта

Работавший в Англии Эрнст-Август Гутт написал в 1991 году книгу под названием «Перевод и релевантность», в которой он предложил новый подход к разработке теории перевода, основанный на концепции релевантности английских психологов Спербера и Уилсона.

В первой главе книги он дает обзор (далеко не полный) современных теорий перевода и приходит к выводу, что все они несостоятель-

96

ны. По его мнению, их недостатки носят фундаментальный характер. В основе всех теорий лежит дескриптивно-квалификационный подход и выбор какого-то аспекта перевода в качестве объекта описания. При таком подходе создатели теории пытаются классифицировать релевантные факторы, причем каждый фактор должен быть отнесен к определенному классу. Таких факторов оказывается очень много, что ведет к увеличению числа трудно совместимых классификационных схем. Не оправдывает себя и выбор в качестве объекта теории процесса перевода или его результата. Тексты перевода необъятны и не подчиняются единым закономерностям, а описание процесса перевода не дает достаточных оснований для оценки действий переводчика. Не решает проблемы и модель «скопос», которая оставляет выбор решения на интуицию «эксперта» (переводчика), что вообще исключает возможности теории.

Предлагается сменить область теории, делая упор не на внутреннее свойство объекта (перевода), а на мыслительную деятельность переводчика, поскольку любые факторы влияют на перевод только через мышление человека. Требуется не просто описание, а объяснение действий переводчика через вычислительные и особенно инференци-альные особенности его ума в связи с принципом психологической оптимизации. Такой подход дает эмпирическую основу для раскрытия процесса оценки и принятия решений. Перевод рассматривается как часть коммуникации в новом понимании: не как

процесс кодирования, передачи и декодирования сообщений, а как реализация способности к инференции, лежащей в основе любой коммуникации (способности делать выводы из поведения других людей - невербального и вербального).

Теория релевантности, на основе которой Э.-А. Гутт строит свою концепцию, стремится объяснить, каким образом в процессе человеческого общения выводится смысл речевых высказываний. Коммуникация рассматривается как когнитивная цепочка из трех звеньев: стимул-контекст-интерпретация. Стимулом служит остенсивное (языковое) высказывание, которому коммуниканты приписывают определенную семантическую репрезентацию. Контекст состоит из некоторого числа допущений, выбираемых из «когнитивной среды», то есть из совокупных знаний коммуникантов. Интерпретация заключается в выведении на основе семантической репрезентации и контекста ментальной сущности в форме пропозиции.

Для того чтобы объяснить, как происходит выбор допущений в контексте, вводится понятие релевантности. Предполагается, что в каждом акте коммуникации из всей когнитивной среды выбирается только такое допущение, которое: (а) должно произвести контекстуальный эффект, то есть сделать возможным вывод импликаций, под-

97

тверждающих или исключаящих предыдущие допущения - свои или чужие, - и (б) должно требовать минимальных усилий для отбора.

Особый интерес для теории перевода представляет различие, которое авторы теории релевантности проводят между двумя способами использования языка и двумя видами отношения между пропозициями (то есть ментальными репрезентациями или мыслями). Язык может использоваться дескриптивно для непосредственного описания реальности или интерпретативно, позволяя экономно описывать другую реальность: то, что говорится, интерпретативно, подобно тому, что мы хотели сообщить (и что может быть выведено из сказанного). Слушающий всегда решает, как используется получаемое им сообщение. Например, фраза «Билл - настоящий гангстер» может использоваться дескриптивно, если речь идет действительно о гангстере, или интерпретативно, если Билл лишь сравнивается с гангстером.

Каждый из двух способов использования языка создает различный вид связи между пропозициями. Две пропозиции могут быть связаны общностью аналитических импликаций, описывающих одну и ту же реальность, например: «Эта женщина - моя теща» и «Эта женщина - мать моей жены». С другой стороны, две пропозиции могут быть связаны одинаковыми контекстуальными импликациями, то есть интерпретативно, если одно из них может быть выведено из другого. Например, фраза «Он купил «Мерседес» подразумевает пропозицию «У него много денег». Отсюда следует, что пропозиции могут иметь разные аналитические, но общие контекстуальные импликации. Иными словами, из разных высказываний может быть сделан один и тот же вывод. Пропозиция «У него много денег» может быть с таким же успехом выведена из высказывания «Он всегда покупает самые дорогие вещи». Общие аналитические импшкатуры всегда остаются одинаковыми, а контекстуальные импшкатуры рассматриваются как одинаковые лишь тогда, когда это входит в намерение говорящего.

Э.-А. Гутт предлагает использовать понятие релевантности для описания и объяснения феномена перевода. В свете этой концепции перевод - это прежде всего текст на другом языке, используемый интерпретативно по отношению к тексту оригинала. Это, очевидно, исключает все случаи, когда текст на другом языке используется не для репрезентации и интерпретации оригинала, а в каких-то других целях.

Иначе говоря, перевод всегда представляет собой межъязыковое интерпретативное использование языка. Так же, как в одноязычной коммуникации, общий вывод из текстов оригинала и перевода достигается путем интерпретации их семантических репрезентаций и контекстуальных допущений, выбранных из когнитивной среды в соответствии с принципом релевантности. Этот основной принцип объясняет как сущность перевода, так и источник его верности оригиналу, поскольку

98

перевод рассматривается как часть психической деятельности человека, основанной на релевантности и интерпретативном использовании языка. Такой подход можно назвать текстоориентированным, так как он связывает коммуникативное намерение переводчика с интерпретацией текста оригинала в соответствии с намерением его автора. В то же время этот подход ориентирован и на контекст, так как соблюдение принципа релевантности всегда учитывает роль когнитивной среды аудитории. Как отмечалось, различные пропозиции могут быть основой для одной и той же контекстуальной импликации. Отсюда следует, что при межъязыковом интерпретативном использовании языка из разных пропозиций в оригинале и переводе может быть сделан одинаковый вывод. Если в оригинале говорится о том, что кто-то купил «Мерседес», а в переводе утверждается, что он приобрел роскошную яхту, такой перевод вряд ли будет признан удовлетворительным, хотя из обоих высказываний можно заключить, что у этого человека много денег.

Э.-А.Гутт понимает, что сама по себе концепция межъязыкового интерпретативного использования языка недостаточна, чтобы объяснить особенности перевода. Поэтому он пытается дополнить ее аналогией с различием между прямой и косвенной речью. Вводится термин «прямой перевод», который должен обозначать нечто большее, чем простая интерпретативная репрезентация оригинала. Подобно прямой речи, цитирующей какое-то высказывание, воспроизводя не только его смысл, но и поверхностные языковые признаки, прямой перевод представляет собой межъязыковую имитацию цитирования оригинала. «Цитирование» - потому что он стремится передать не только то, что сказано, но и как это сказано, то есть воспроизвести языковой стимул, служащий основой интерпретации. «Имитация» - потому что поверхностные языковые признаки не могут быть сохранены в переводе. Сохраняются лишь «коммуникативные ключи» - способность языковых признаков направлять интерпретацию в соответствии с намерением автора оригинала. Коммуникативные ключи создаются различными семантическими, синтаксическими и просодическими средствами, логическими связками, элементами коннотации и т. п. Имитация цитаты в переводе может лишь создать «презумпцию подобия», и отсутствие тождества компенсируется различными сносками и примечаниями. Может случиться так, что цели коммуникации не требуют полного подобия и будет достаточно соблюсти принцип релевантности. Это означает, что перевод будет столь же релевантным для его читателей и будет обеспечивать соответствующую интерпретацию (другими словами, будет интерпретативно тождествен оригиналу), не требуя больших усилий для обработки информации. Фактически это требование сводится к тому, чтобы перевод был верным и

99

естественным. Переводчик решает, какие допущения будут релевантны в когнитивной среде его читателей. Следует, однако, заметить, что воспроизведение наиболее релевантных черт оригинала отнюдь не освобождает переводчика от обязанности передавать менее релевантные его черты, когда это оказывается возможным.

Подводя итог этому краткому обзору теории релевантности Э.-А.Гутта, можно отметить, что, хотя некоторые ее положения лишь переформулируют традиционные проблемы, неоднократно обсуждавшиеся в трудах других переводоведов, она предлагает ряд интересных подходов к анализу когнитивной основы перевода, эвристической природы этого явления.

Лекция VI

Переводоведческие исследования в Скандинавии

Особенности развития переводоведения в скандинавских странах отражают переводческую ситуацию, существующую в этих странах на протяжении многих десятилетий. Знание иностранных языков, особенно немецкого и английского, в Скандинавии очень распространено, считается очень полезным и престижным и открывает многим людям непосредственный доступ к иноязычным источникам информации. В связи с этим информативная функция перевода отступает на второй план, и, соответственно снижаются престижность переводческой деятельности и интерес к ее теоретическому осмыслению. В то же время в скандинавских странах издается довольно много переводов, особенно с английского и русского языков.

В последние годы наблюдается некоторый рост интереса к исследованиям в области перевода. Был проведен ряд семинаров, теоретических конференций, начали выходить журналы и монографии по теории перевода. Эта тенденция получила наибольшее развитие в Финляндии и менее четко выражена в Швеции и Норвегии. Следует заметить, что у переводоведов Скандинавии существуют давние и тесные связи с теоретиками перевода в Западной Европе, особенно в Германии. Многие западноевропейские специалисты преподают в скандинавских университетах, участвуют в конференциях по переводу, организуют совместные публикации. В опубликованных работах по теории перевода рассматривается широкий круг проблем, в целом совпадающий с переводческой проблематикой, изучаемой в других странах Европы.'

Особенно много сделано в этой области переводоведами Финляндии. В университетах страны - в Тампере, Хельсинки, Вааса, Йонсу -

100

успешно работает большой отряд специалистов в области теории и практики перевода. Перевод преподается как учебная дисциплина, созданы исследовательские группы по проблемам перевода, издаются теоретические сборники и периодические издания («Studia translatoologia», «TextconText», «LSP and Theory of Translation» и др.), публикуются фундаментальные монографии.

Хотя во многом переводоведы Финляндии развивают идеи теоретиков перевода в других странах, они вносят в эти идеи много нового, значительно повышая степень научности и доказательности переводоведческих концепций. Примером этого могут служить работы Ю.Хольц-Мянттяри, И.Вехмас и С.Тиркконен-Кондит.

1. Теоретическая концепция Ю. Хольц-Мянттяри

Одним из ведущих переводоведов Скандинавии, несомненно, является немецкая переводчица и педагог Юста Хольц-Мянттяри, живущая и работающая в Финляндии. Ю.Хольц-Мянттяри преподает перевод в университете г. Тампере, организует семинары по теории и практике перевода, активно сотрудничает в издании журналов «Studia translologica» и «TextconText». Она - автор ряда теоретических работ, в которых обосновывается и развивается концепция перевода, предложенная Х.Фермеером («скопос-теория»). В ее трактовке эта концепция приобретает крайнюю форму, почти полностью исключая ориентацию на оригинал.

Свой новый подход к переводу Ю.Хольц-Мянттяри формулирует следующим образом. Имеется какой-то индивид, являющийся членом определенного общества. Его поведение, в том числе коммуникативно-языковое, определяется тремя группами факторов: общественными (особенностями культуры данного общества), ситуативными (внешними обстоятельствами) и индивидуальными (самочувствие, настроение и пр.). В определенных случаях он может решить, что обладает информацией для другого индивида, либо потому, что этот последний не обладает такой информацией, либо она может привести к изменению его поведения (как этого, например, пытаются добиться миссионеры). В любом случае, когда один индивид решает передать информацию другому индивиду, он осуществляет действие (Handlung), преследующее определенную цель (skoros). Что и как будет передано, зависит от соответствующих обстоятельств. Передача информации может быть осуществлена наглядно (например, с помощью жестов), вербально (с помощью слов) и с помощью текста (объединяющего наглядные и словесные знаки). Цель, содержание и форма создаваемого при этом текста обуславливаются культурой, ситуацией и индивиду-

101

альностью «создателя текста» и его оценкой соответствующих факторов у получателя. ,,

Если получатель информации принадлежит к другому обществу и различие между культурами отправителя и получателя велико, то отправитель может чувствовать себя недостаточно компетентным, чтобы вступать в непосредственное общение. Он не знает ни правил поведения, принятых в чужой культуре, ни чужого языка (как части этих правил). Вопрос: «Как сказать это на другом языке?» означает то же самое, что и вопрос: «Как ведут себя в этом случае с точки зрения языка в другой культуре?»

В подобной ситуации наш индивид (отправитель) ищет кого-то, кто, как он полагает, знаком с обеими культурами: с его собственной (чтобы он мог понять его просьбу) и с чужой культурой (чтобы он мог сделать эту просьбу понятной для получателя). Этот кто-то и является по профессии переводчиком.

В этом случае отправитель информирует переводчика, что он хочет сообщить, почему он хочет это сделать, а часто и как он это хотел бы сообщить. В качестве сообщения-он может избрать и текст, принадлежащий какому-нибудь другому лицу. Таким образом, наш индивид не обязательно сам создает текст своего сообщения, а скорее является заказчиком передачи информации. Переводчик же на основе знания чужой культуры (и по возможности знания о личности получателя) решает, что и как должно быть передано, чтобы обеспечить оптимальный прием передаваемой информации.

Как видно из такого понимания сущности перевода, коммуникация между двумя культурно отдаленными партнерами качественно отличается от коммуникации между двумя членами одного общества. При этом для оптимального достижения цели при переводе часто приходится вносить более или менее серьезные или даже радикальные изменения по сравнению с первоначальными представлениями отправителя и его «исходного текста». Таким образом, основой действий переводчика

является не исходный текст и не его транскодирование на язык перевода, а цель коммуникации с партнером из другой культуры. Именно требованиями этой культуры определяется само существование, содержание и форма перевода, и в каждом конкретном случае переводчик должен уметь правильно оценить эти требования. В такой модели важнейшие функции и большая ответственность возлагаются на самого переводчика.

Итак, основные положения предлагаемой модели заключаются в следующем:

1. Тексты существуют не в безвоздушном пространстве. Они имеют свою историю, входят в традиционно установленные рамки (стили, типы, жанры), обусловлены поставленными перед ними целями.

\

102

2. Барьеры между культурами не сводятся к языковому барьеру. Сюда относятся и формы вежливости в деловых письмах, и особенности графики и рифмы, и многое другое. Существование текста, его содержание и форма конституируются всеми особенностями культуры, а не только его грамматикой и стилистикой.

3. Тексты перевода - это сами по себе полноправные тексты. Хотя они и базируются на исходном материале, они должны функционировать независимо от него. Они предназначены для другого получателя, в иной обстановке и в другой культуре, чем исходные тексты. В художественных переводах верховенство также принадлежит их собственной цели.

4. Переводчики - это специалисты по созданию текстов через культурные и языковые барьеры, как бы их ни называть - устные или письменные переводчики или консультанты в указанном смысле. Специалисты являются экспертами в своей области и сами несут ответственность за свою деятельность. Они выполняют действия, которые их заказчики не могут осуществить без их помощи. Условия профессиональной деятельности определяются ее целью, а также условиями поставки и характером используемых материалов. Переводчики работают с текстами, поставляют тексты для межкультурной коммуникации и «продают» свои переводы. Переводчик - это «текстовик», специалист по созданию текстов. Если текст касается какой-либо специальной области, он сотрудничает с юристами, инженерами, литературоведами и т.п. При этом в функции профессионального создателя текстов входит и умение создавать тексты о других текстах.

Ю.Хольц-Мянттяри указывает, что понимание перевода как профессиональной деятельности выдвигает три основных требования к переводческой компетенции:

1. Переводчик должен уметь «специфицировать» свой будущий текст, подробно объяснить заказчику возможности использования, воздействия и соответствующую его функции структуру текста перевода. Для этого он должен уметь в качестве эксперта анализировать коммуникативные ситуации заказчика, автора исходного текста и получателя текста перевода в рамках соответствующих культур и на основе такого анализа формулировать условия своей деятельности.

2. Переводчик должен уметь «проектировать» тексты. Для этого он должен не только обладать языковой компетенцией, но и знать, как в другой культуре говорят и пишут об определенном содержании, какие темы могут обсуждаться (можно ли задавать партнеру-японцу вопросы о его семье?), какие аргументы следует приводить для достижения определенной цели (как во Франции рекламируют автомобили?), как и какие средства коммуникации лучше использовать (какими длинными могут или должны быть паузы в разговоре? Как громко следует говорить? Говорить по телефону или написать письмо?).

103

3. Переводчик должен уметь вести исследовательскую работу, приобретать знания, необходимые для того, чтобы содержательно и функционально правильно говорить или писать о каком-то предмете.

Все эти умения должны развиваться в процессе подготовки будущих переводчиков.

Несомненный интерес представляет попытка Ю.Хольц-Мянттяри связать свою концепцию с биологически-социальными аспектами переводческой деятельности. Она отмечает, что всякая деятельность обладает определенной структурой, в которую обязательно входят такие ролевые факторы, как характер осуществляемой операции (кто делает что), положение операции во времени и пространстве (когда и где делает), функция операции (почему и зачем делает) и профессиональный аспект операции (как и с помощью чего делает). Создатель текста («текстовик»), каким является переводчик, осуществляя свою деятельность, стремится правильно построить ее структуру, чтобы добиться поставленной заказчиком цели.

Однако создание любой структуры может происходить двумя путями: эволюционно-естественным и искусственно-профессиональным. Первый путь - это способ существования и развития всего живого, выработанный в процессе эволюции и реализуемый на всех уровнях, начиная с простейшей клетки и кончая сложными биолого-социальными сообществами. Его сущность заключается во взаимодействии (вещественном и информационном) с окружающей средой, которое осуществляется стихийно, выборочно, творчески создавая новую структуру, ограниченную от окружающего. Таким образом, на основе небольшого количества исходного материала строятся сложные структуры путем перерабатывания внешних импульсов, выбор которых происходит всегда по-разному в зависимости от соразмерности исходной структуры. В этом случае конечный результат индивидуален и непредсказуем.

Примером второго пути - искусственно-профессионального - может служить сборка машины из заранее изготовленных деталей, каждая из которых имеет строго определенную форму и назначение. Результат сборки может быть предсказан заранее, и она производится в установленной последовательности по определенной схеме. Здесь нет избирательности, множество исходных элементов полностью входит в конечную структуру.

Ю.Хольц-Мянттяри полагает, что теории перевода, стремящиеся установить определенные закономерности переводческого процесса или рекомендующие переводчику полностью поставить себя на место автора оригинала («влезть в его шкуру»), подходят к переводу как к «машинной» деятельности. В действительности же биологическая основа любой мыслительной деятельности придает ей эволюционно-естественный характер и перевод обнаруживает все присущие ей особенности.

104

Обосновывая это положение, Ю.Хольц-Мянттяри опирается на работы Р.М.Бергстрема, где деятельность мозга объясняется взаимодействием («дарвиновской борьбой») двух потоков информации. Мозг представляет собой своего рода диполь, двухполосную антенну, принимающую сигналы, отражающие состояние самого организма, а со стороны коры головного мозга поступают упорядоченные, структурированные сигналы, воспринимаемые органами чувств из окружающего мира, а также следы прежних сигналов, хранящиеся в памяти. В результате борьбы этих двух сигналов в центре мозга (именуемого self- эго) образуется новое мыслительное образование, которое содержит случайное, каждый раз иное сочетание сознательного и бессознательного. Именно случайность и непредсказуемость такого сочетания позволяют продуцировать новое неожиданное содержание, создают творческий и интуитивный аспект человеческого мышления.

В силу этих биофизиологических особенностей нашего мозга создание текста напоминает процедуру развития живых существ, поскольку и здесь происходит выборочный обмен между двумя различными структурами, в результате чего создается новая уникальная структура. Поэтому два человека, воплощающие в текст («текстиру-ющие») одну и ту же информацию, никогда не создают одинаковые тексты. Тем более это справедливо по отношению к переводу, где возможный разброс при создании текста перевода осложняется различиями в возможных интерпретациях информации, содержащейся в оригинале, а также в оценках сравнительной важности отдельных ее частей. В основе процесса перевода - сознательная организация и использование сигналов коры головного мозга, возникающих под воздействием оригинала, и анализа цели, и условий деятельности, но этот процесс всегда происходит и в связи с потоком информации от спинного мозга, что создает возможность и для творческих новообразований. Такая творческая деятельность переводчика, которую Ю.Хольц-Мянттяри называет «точной фантазией», может быть активизирована, приведена в действие определенным количеством «исходного материала». При этом, по ее мнению, речь идет не о борьбе двух потоков информации, а об их взаимодействии с целью достижения оптимального результата. Сложность и напряженность биофизиологического аппарата такого взаимодействия объясняют большую затрату психофизической энергии-переводчика (особенно при устном переводе). В значительной степени они определяют и некоторую неопределенность процесса перевода, которая является основным «космическим» принципом.

Завершая изложение концепции Ю.Хольц-Мянттяри, можно заметить, что в ней понятие «перевод с одного языка на другой» отступает на второй план. Переводчик - это текстовик, создатель текста, отвечающего желанию заказчика. Представление этого желания в виде

105

другого (исходного) текста, особенно на другом языке, лишь усложняет задачу, не меняя ее сущности. Исходного текста (оригинала) может и не быть, услуги текстовика могут понадобиться и при коммуникации в рамках одного языка.

Концепция Ю.Хольц-Мянттяри, как и лежащие в ее основе идеи Х.Фермеера, несомненно, имеет свои сильные и слабые стороны. Она включает перевод в широкую категорию текстопроизводства, подчеркивает социальную значимость переводчика, ответственный и творческий характер его деятельности. В то же время она оставляет в стороне весьма важную часть этой деятельности - собственно перевод, всецело ориентированный на наиболее полное и точное воспроизведение иноязычного оригинала и требующий особого подхода и особого умения от переводчика, роль которого в этом случае не сводится к функции текстовика.

2. Критика «скопос-теории» - А. Ф. Келлетат

Как видно из анализа концепции Ю.Хольц-Мянттяри, в ее основе лежит «скопос-теория», изложенная в работе К.Райс и Х.Фермеера. Ю.Хольц-Мянттяри пользуется большим авторитетом в скандинавском переводоведении, и у ее концепции имеется немало сторонников.

Однако далеко не все соотечественники Ю.Хольц-Мянттяри разделяют ее позицию по отношению к идеям К.Райс и Х.Фермеера. Для противоположной точки зрения характерна работа А.Ф.Келлетата, которую он многозначительно озаглавил: «Шаг назад в теории перс-вода» (1986 г.).

Отметив сложность и многогранность переводческой проблематики, особенно в области художественного перевода, и неправомочность попыток решать все эти проблемы только лингвистическими методами, А.Ф.Келлетат указывает, что предлагаемая К.Райс и Х.Фермеером «Всеобщая теория перевода» не только не способствует их решению, но и представляет собой шаг назад в серьезном изучении переводческой деятельности. По его мнению, эта теория антиисторична, не имеет четко сформулированного объекта и во многом возвращает нас к давно пройденному этапу в истории перевода, когда переводчики позволяли себе переиначивать оригинал, перенося его в иную культуру, в иные географические и временные рамки. А.Ф.Келлетат приводит ряд примеров подобных переводов.

«Скопос-теория», по мнению А.Ф.Келлетата, означает перенос на переводческую деятельность известного принципа: «Цель оправдывает средства». Приводимые авторами этой теории доводы представляются неубедительными. Например, они утверждают, что немецкий читатель иначе, чем финский, воспринимает известный в Финляндии роман

106

Алексиса Киви «Семь братьев». Но какие же изменения в сшии с этим следует вносить в перевод? Не переносить же действие романа в окрестности Мюнхена? Авторы теории не дают ответа на этот вопрос, но, судя по их теоретическим установкам, и такой вариант они признают возможным и правомочным, поскольку они принципиально считают сомнительным любое определение перевода, связанное с его отношением к оригиналу.

А.Ф.Келлетат, в частности, указывает, что при таком подходе вся обширная римская литература может рассматриваться как переводы с греческого. Фактически стирается всякое различие между переводом и переложением, произведением «по мотивам» и просто самостоятельным произведением на аналогичный сюжет. На каком основании все эти виды творчества считать переводами?

Конечно, всегда существовали переводы, имевшие мало общего с оригиналами. Это обстоятельство было одной из причин, вызвавших необходимость развития теории перевода, повышения требований к качеству перевода, стремления детально анализировать оригинал, чтобы как можно полнее воспроизвести все, что в нем содержится, в переводе. Теоретические устремления К.Райс и Х.Фермеера, как считает А.Ф.Келлетат, направлены прямо в противоположную сторону. Они основывают свои положения не на переводах, а на всевозможных адап-тациях и переработках, создание которых совершенно не связано с переводческой проблематикой (например, изложением содержания «Дон Кихота» в книге для детей).

А.Ф.Келлетат указывает, что, претендуя на создание новой концепции, авторы «скопос-теории» фактически повторяют зады теоретических установок, хорошо известных в истории перевода, получивших всестороннее обоснование у переводчиков XVIII века. Вслед за ними К.Райс и Х.Фермеер говорят об «имитации» оригинала в переводе. Этот термин, отражавший поэтическую практику XVI и XVII веков и позднее вышедший из употребления в связи с требованием точности перевода, вновь извлекается на свет в попытке отказаться от всего, что было достигнуто за последние 250 лет благодаря изучению того, что такое перевод и каким он должен быть.

А.Ф.Келлетат иронизирует над примером, связанным с постановкой шекспировских пьес, который приводят К.Райс и Х.Фермеер. Они указывают, что пьесы Шекспира ставятся в современных инсценировках; в них актеры «выступают в модных современных костюмах, но все же именуется Цезарь, Антоний и Брут». А.Ф.Келлетат задает вопрос: какое отношение имеет переводчик шекспировской пьесы к режиссеру или художнику по костюмам? А что означает «все еще»? Может быть, в будущих переводах они будут называться Коль, Геншер и Франц-Йозеф Штраус?

107

Такой подход оправдывает переводческий произвол, и, как ехидно замечает А.Ф.Келлетат, студенты, сдающие экзамен по переводу, с радостью воспримут эту концепцию, однако у переводчиков она вряд ли заслужит одобрение.

Хотя К.Райс и Х.Фермеер все время говорят о переводе, и в частности о переводе художественном, фактически они создают не теорию перевода, а теорию «перетекстовки», которой часто занимается профессиональный переводчик, имеющий дело с рекламными каталогами, ярлыками, проспектами, инструкциями по употреблению, деловой перепиской и т.п., и которой до сих пор наука не интересовалась. Изучение этих вопросов проводилось обычно в курсах по сопоставительному страноведению, коммерческой переписке и пр. Понятно, что такая теория «переводческого поведения» (термин Ю.Хольц-Мянття-ри) ни терминологически, ни методологически не может быть связана с языкознанием или литературоведением.

Отсюда следует, что «Основы всеобщей теории перевода» мало что дают профессиональным переводчикам, поскольку они не затрагивают наиболее сложных и творческих переводческих проблем и придают слишком большое значение тривиальным ремесленным аспектам прагматического перевода. Не раскрывают они и новых возможностей для подготовки будущих переводчиков. Преподаватели перевода по-прежнему должны будут опираться на лингвистическую науку о переводе, чтобы дать студентам представление о моделях переводческого процесса, и изучать художественные переводы, чтобы показать специфические проблемы этого вида перевода. Примеры, используемые К.Райс и Х.Фермеером, конечно, пригодятся на занятиях, посвященных переводу рекламных каталогов и инструкций по употреблению. Но о новой «всеобщей теории» говорить не приходится.

3. Экспериментальные исследования С. Тиркконен-Кондит и И. Вехмас-Лехто

Большой интерес представляют работы финских переводоведов, использующих экспериментальные методы исследования. Здесь прежде всего следует упомянуть публикации С.Тиркконен-Кондит и И.Вехмас-Лехто.

С.Тиркконен-Кондит, как и ряд других современных переводоведов, ищет более объективные методы оценки качества переводов. К решению этой задачи она пытается подойти с позиций лингвистики текста и психолингвистики. Прежде всего адекватность перевода, под которой, вслед за Г.Тури, понимается воспроизведение важнейших особенностей оригинала, проверяется путем сопоставления наиболее глобальных характеристик текстов оригинала и перевода. В качестве

108

таких характеристик рассматриваются т.н. «риторические отношения» - функциональные и иерархические связи между предложениями, группами предложений и абзацами. Наиболее общими типами таких внутритекстовых отношений являются отношения «проблема-решение», «тезис-антитезис», «общее положение, уточняющее детали» и т.п. При проведении эксперимента ряду студентов университета предлагался в качестве экзаменационной работы для перевода английский текст с достаточно четкой структурой риторических отношений. Затем анализировалась структура подобных отношений в полученных переводах. Несовпадение этих структур расценивалось как свидетельство неадекватности перевода на уровне текста. Интересно, что, стремясь сделать условия работы переводчиков более естественными, им давались аналогичные статьи из финского журнала в качестве критерия стилистической правильности и приемлемости. Исследовательница полагает, что в принципе возможно определить структуру риторических отношений в пропозициональном содержании любого текста. Понятно, что сохранение такой структуры рассматривается лишь как одно из условий адекватности и само по себе не является достаточным для оценки качества перевода.

Второй эксперимент, проведенный С.Тиркконен-Кондит, носит психолингвистический характер. Он основывается на гипотезе о том, что успешный процесс перевода, особенно связанный с решением сложных проблем, требует от переводчика больших умственных и эмоциональных усилий, которые не могут не оставить следа в его долговременной памяти. Поэтому исследовательница предположила, что чем лучше перевод, тем более успешно сумеет переводчик кратко изложить содержание переведенного текста сразу же после окончания процесса перевода. И наоборот: плохие переводчики, не дающие себе труда ознакомиться предварительно с текстом в целом, переводящие предложение за предложением, не в состоянии полноценно воспроизвести основные положения текста. Если эта гипотеза подтвердится, можно будет с большой точностью установить источник переводческих ошибок в процессе подготовки будущих переводчиков. Если переводчик плохо переводит, но хорошо суммирует содержание, следовательно, источник его ошибок лежит не в понимании оригинала, а в выборе варианта перевода. В случае, когда неудачны и перевод, и пересказ, причина ошибок может лежать как на стадии анализа, так и на стадии синтеза. Плохой пересказ при хорошем переводе поставил бы под сомнение правильность гипотезы.

Таким образом, связь между переводом и пересказом предполагалась лишь односторонняя: хорошие переводы предполагали хорошие пересказы, но хорошие пересказы отнюдь не обязательно означали, что и переводы были хорошими.

109

Эксперимент был организован следующим образом. Девяти студентам третьего курса университета был предложен перевод на два часа работы с использованием словарей. После окончания работы тексты оригинала и перевода отбирались и переводчикам предлагалось суммировать содержание текста письменно в течение 5-6 мин. При переводе студенты и здесь имели тексты-образцы. Им были даны

краткие инструкции по составлению резюме и подчеркнуто, что оценка резюме повлияет на оценку их переводов. Затем переводы и резюме проверялись и оценивались преподавателем перевода и экспериментатором и их пропозициональное содержание сравнивалось со структурой риторических отношений оригинала, а приемлемость - со стилем параллельных текстов-образцов. Результаты оценивались по четырехбалльной шкале: «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «плохо» и выводились после согласования между проверяющими.

В целом результаты эксперимента подтвердили первоначальную гипотезу, хотя и возникли некоторые трудности, связанные с методами оценки качества переводов и резюме. Сама исследовательница не считает полученные результаты окончательными и предполагает повторить эксперимент в более широких масштабах, с тем чтобы оценку качества переводов и резюме производила бы группа экспертов.

Третий эксперимент был проведен С.Тиркконен-Кондит с целью сопоставить реакцию разных групп испытуемых на различные варианты переводов, выполненных студентами университета на выпускных экзаменах. Испытуемым предлагалось расположить варианты перевода одного и того же текста в зависимости от того, в какой степени, по их мнению, каждый вариант успешно выполнял ту функцию, для которой был предназначен перевод. Такие импрессионистские оценки сопоставлялись с оценками, выставленными за экзаменационные работы преподавателями, и с расстановкой вариантов по степени точности на основе сопоставления риторических отношений. При этом испытуемые сравнивали переводы методом парных сопоставлений: текст А сравнивался с текстом Б, потом каждый из них сравнивался с текстом В и т.д. Таким образом проверялась психолингвистическая объективность субъективных оценок.

Эксперимент проводился в три этапа. На первом этапе в качестве испытуемых были привлечены шесть лингвистов-преподавателей и студентов старших курсов, которым предлагалось расположить по указанному принципу восемь текстов. При этом два текста были составлены самим экспериментатором: один - в качестве «хорошего» перевода по текстолингвистическим критериям, другой - как пример «плохого» перевода.

В результате, несмотря на некоторые отклонения, оценки испытуемых в большей степени совпали с текстолингвистическими данными, чем с оценками, выставленными преподавателями.

ПО

На втором этапе эксперимента та же процедура была проделана с 12 испытуемыми и 8 текстами и были получены аналогичные результаты. Еще более четко близость текстолингвистических и импрессионистских оценок была выражена на третьем этапе эксперимента, в ходе которого 22 испытуемых, разделенные на 2 группы, оценивали пять различных вариантов перевода.

На всех трех этапах в качестве испытуемых выступали лица, получившие специальную лингвистическую подготовку. В завершение был проведен еще один дополнительный эксперимент, в котором участвовали две группы испытуемых по 15 человек в каждой. Первую группу составляли студенты биологического факультета, а вторую - преподаватели финского языка в университете. Процедура эксперимента оставалась прежней.

Результаты эксперимента довольно любопытны. Текстолингвистические критерии на этот раз близко совпали с оценками биологов и с оценками, выставленными преподавателями на экзаменах. В то же время они существенно расходились с оценками испытуемых-преподавателей финского языка. Среди

этих последних наблюдался и значительный разброс оценок, тогда как оценки биологов в целом совпадали.

Расценивая результаты эксперимента как предварительные и нуждающиеся в дополнительном исследовании, С.Тиркконен-Кондит все же полагает, что они свидетельствуют о том, что текстоллингвистические критерии обладают психоллингвистической реальностью. При этом она считает, что испытуемые-биологи более правильно отразили восприятие среднего читателя переводов, для которого эти переводы и предназначались, а преподаватели финского языка в силу своей специальности привыкли слишком критически относиться к малейшим погрешностям стиля, что и отразилось на их оценках. Преподаватели же перевода, как и испытуемые-биологи, основное внимание обращали на собственно коммуникативные особенности текста.

Попытка С.Тиркконен-Кондит разработать и экспериментально обосновать текстоллингвистические критерии оценки перевода, несомненно, заслуживает одобрения. Следует отметить большую тщательность в организации экспериментов и осторожность и научную добросовестность в оценке их результатов.

Фундаментальный труд финской исследовательницы Инкери Вех-мас-Лехто «Квазиправильность» отражает содержание ее докторской диссертации по проблемам перевода. В этой работе автор предлагает хорошо обоснованную процедуру анализа качества переводов русской газетной публицистики на финский язык, проводит в рамках предложенной процедуры экспериментальное исследование, выявляет особенности переводов, делающие их, по мнению исследователя, неадекватными, и дает ряд рекомендаций, направленных на повышение качества таких переводов.

111

В качестве исходного постулата своего исследования И.Вехмас-Лехто принимает неоднократно высказываемое в трудах по переводоведению положение, согласно которому перевод должен читаться как оригинальный текст на языке перевода. Поэтому главным объектом анализа является правильность и естественность речи переводчика. Именно язык текста перевода и составляет, по мнению И.Вехмас-Лехто, важнейший аспект коммуникативного и эстетического эффекта, который перевод производит на его читателя. Такой эффект и определяет степень адекватности переводов, которая обеспечивается правильностью их языка. Эквивалентность же переводов, под которой понимается воспроизведение семантических и стилистических особенностей оригинала, признается менее существенным требованием и может быть отчасти принесена в жертву ради достижения максимальной адекватности, которая означает адекватное восприятие текста перевода его читателями. Правильность языка переводов определяется его соответствием системе, норме и узусу ПЯ. Кроме этого, существуют также особые требования к хорошо написанным текстам в рамках определенного функционального стиля. Эти требования составляют общепризнанные и официально одобренные рекомендательные нормы, которые также должны учитываться переводчиком. Таким образом, перевод должен быть написан языком образцовых текстов данного стиля.

И.Вехмас-Лехто полагает, что при оценке правильности языка перевода особое внимание следует уделять «скрытым ошибкам», то есть нарушениям узуса ПЯ, особенно количественным, когда используемые в переводе правильные формы нарушают частотность их употребления в языке вообще, в текстах данного типа или при описании подобных ситуаций. Это относится в первую очередь к переводам на родной язык переводчика.

В соответствии с исходными теоретическими положениями И.Вехмас-Лехто ставит перед собой задачу разработать методику критического анализа перевода. Она исходит из предположения, что существующие финские переводы русских газетных статей содержат скрытые ошибки, которые могут быть обнаружены эмпирическим путем. При этом предполагается использовать сочетание экспериментальных методов и сопоставления текстов переводов с их оригиналами и с оригинальными текстами на ПЯ.

Сопоставительному анализу текстов предшествует изучение особенностей журналистского стиля в финском и русском языках и функций, выполняемых газетными статьями в обеих культурах. Основное внимание уделяется обнаружению характера и степени отклонения языка финских переводов от оригинальных финских газетных статей. Сопоставление переводов с их русскими оригиналами позволяет обнаружить возможные причины ошибок.

112

Интересная особенность применяемой методики заключается в том, что опубликованные финские переводы сопоставляются также с альтернативными переводами, сделанными самой исследовательницей с целью показать пути улучшения качества переводов. Это дает возможность дополнить количественные данные, полученные при сопоставлении с оригинальными финскими текстами, интуицией автора, отраженной в альтернативных текстах.

Как отмечалось, в центре исследования лежит задача определения адекватности финских переводов. Степень такой адекватности оценивается с помощью ряда экспериментов, которые должны обеспечить объективность оценки. В первом эксперименте испытуемому предлагалось отличать в предъявляемом им материале переводные и оригинальные финские тексты. Предполагалось, что перевод заслуживает тем более высокой оценки, чем меньшее число испытуемых сумеет отличить его от оригинальных текстов. В число переводов включались при этом как опубликованные переводы, так и альтернативные переводы, предложенные автором эксперимента и более естественные, по ее мнению, с точки зрения норм финского языка.

Аналогичную цель преследовал и второй эксперимент, где проверялось различие в эмоциональном отношении испытуемых к переводным и оригинальным текстам. Предлагалось оценить предъявляемые тексты по семибалльной шкале по отношению к четырем парам оппозиций: «неинтересно-интересно», «приятно-неприятно», «убедительно-вызывающее подозрение», «напыщенно-естественно». Близость оценки к положительной части оппозиции свидетельствовала о более высоком качестве перевода.

Третий эксперимент проводился с целью сопоставления числа эмоционально окрашенных слов в переводных и оригинальных текстах, поскольку предполагалось, что неестественность финских переводов связана с тем, что они более насыщены эмоциональной лексикой, чем оригинальные финские тексты. И здесь слова в предъявляемых текстах предлагалось оценить по семибалльной шкале, включавшей следующие оценки: «очень положительное слово», «положительное слово», «слегка положительное слово», «нейтральное слово», «слегка отрицательное слово», «отрицательное слово», «очень отрицательное слово».

В четвертом эксперименте проверялась степень «читабельности» переводных текстов. В предъявляемых испытуемым переводных, оригинальных и альтернативных текстах на одну и ту же тему содержалась примерно одинаковая информация, и испытуемые должны были в течение ограниченного времени ответить на 15 вопросов по содержанию текста. Большое число правильных ответов должно было

свидетельствовать о большей легкости извлечения информации из текста, о его большей понятности, более высокой «читабельности».

113

Указанные эксперименты дополнялись сопоставительным анализом опубликованных переводов с оригинальными финскими текстами того же жанра, а также с их русскими оригиналами и предлагаемыми автором альтернативными переводами.

Особенно важно отметить, что И.Вехмас-Лехто не ограничилась доказательствами недостаточно высокого качества финских переводов, а попыталась обнаружить собственно лингвистические причины ущербности их языка и предложить методы их устранения. Эти причины усматриваются в различии языковых особенностей газетных статей русского и финского языков и необходимости в связи с этим осуществлять целый ряд приемов стилистической адаптации для повышения качества перевода, как-то: нейтрализация лексики, устранение буквалистского воспроизведения клишированных фраз, уменьшение длины предложений, изменение частотности употребления отдельных частей речи., особенно уменьшение частотности употребления отглагольных существительных, изменение способов использования определений и т.п. Все эти приемы применяются в предлагаемых автором альтернативных переводах, которые оцениваются как более качественные.

Хотя в работе И.Вехмас-Лехто анализируются газетно-публицистические переводы, предлагаемые ею методы анализа представляют несомненный интерес и для разработки основ критики иных видов переводов. Особо следует отметить, что в этой работе убедительно показано, что многие аспекты эмоционально-эстетического воздействия перевода определяются собственно лингвистическими факторами: надлежащим выбором языковых средств в переводе.

Следует отметить, что, хотя И.Вехмас-Лехто делает выводы о качестве перевода текстов, фактически она оперирует отдельными высказываниями. В связи с этим возникает вопрос о правомерности подобной процедуры при анализе перевода художественного текста, который, как было указано, представляет единое образное целое. Подобная редукция, по-видимому, неизбежна, если не ограничиваться общей импрессионистской оценкой, а попытаться построить критический анализ перевода на объективных лингвистических основаниях. Дредвидя подобные критические замечания, И.Вехмас-Лехто особо подчеркивает, что ее анализ носит сугубо текстовый характер и что отдельные предложения всегда рассматриваются как единицы текста, то есть с учетом окружающего контекста.

Проведенные эксперименты отличаются большой тщательностью, полученные результаты наглядно представлены в многочисленных таблицах. В целом гипотеза, положенная в основу исследования, подтвердилась: испытуемые оценивали качество языка оригинальных финских текстов выше языка финских переводов, а альтернативные тексты по их оценке располагались где-то посередине.

114

В работе не ставилась задача определить степень эквивалентности исследуемых переводов их русским оригиналам. Не делалось попыток и доказать, что альтернативные переводы более эквивалентны, чем опубликованные. Однако И.Вехмас-Лехто полагает, что в любом случае более естественные по

отношению к ПЯ переводы лучше выполняют задачу обеспечения межъязыковой коммуникации и передачи содержания иноязычного текста.

Интересно отметить, что И.Вехмас-Лехто считает вполне законо-мерным, что и ее альтернативные тексты уступали по степени приемлемости для испытуемых оригинальным финским текстам. Она объясняет это тем, что переводчик всегда вынужден идти на определенный компромисс, переводя дословно специфические лексические единицы (например, социалистические экономические термины) и сохраняя порядок изложения, изменение которого потребовало бы коренной переформулировки всего текста. Таким образом, переводной текст всегда будет несколько отличаться от оригинальных текстов на ПЯ.

Такой вывод лишает абсолютного характера исходную посылку о том, что «перевод должен читаться как оригинальный текст». Может вызвать сомнение и показательность оценки приемлемости текста перевода, которую давали испытуемые (учащиеся старших классов средней школы), учитывая, что тексты были специального (экономического) содержания. Тем не менее исследование И.Вехмас-Лехто имеет большой теоретический и практический интерес, демонстрируя новые возможности экспериментального изучения перевода.

Лекция VII

Теоретические концепции Ф. Гюттингера, А. Людсканова и Г. Тури

В дополнение к обзору трудов представителей основных центров переводоведения рассмотрим еще три работы по теории перевода, принадлежащие перу ученых разных стран.

1. Фриц Гюттингер опубликовал в 1963 г. в Цюрихе (Швейцария) книгу под названием «Целевой язык. Теория и техника перевода». Как показывает название книги, ее автора в первую очередь интересуют вопросы качества языка перевода, принципы и способы выбора средств ПЯ.

Монография Ф.Гюттингера состоит из пяти разделов. Первый раздел посвящен проблеме, многократно обсуждавшейся в переводческой практике: должен ли перевод производить впечатление «чужеродности», сохраняя порядок слов и другие особенности структуры исходного текста, или же он должен читаться как оригинальный текст на

ПЯ. Приведя многочисленные высказывания, отстаивающие ту или другую точку зрения, Ф.Гюттингер решительно становится на сторону ратующих за полноценность языка перевода. Он цитирует целый ряд примеров, когда переводчики, стремясь к «чужеродности», создают какой-то промежуточный язык, нарушающий нормы ПЯ. Подобная практика может привести к утрате читателями языка-уродца чувства родного языка, и она не может быть оправдана необходимостью показать принадлежность текста к другой культуре. По мнению Ф.Гюттингера, для этого достаточно сохранять в переводе имена и географические названия, ведь «Темза» в любом немецком переводе остается «Темзой», а не заменяется на «Рейн». Не выдерживает критики и утверждение, что «чужеродный» перевод дает возможность читателю ознакомиться с иностранным языком или даже изучить его: не имея доступа к оригиналу, читатель не может судить, в какой степени искажение его родного языка в переводе отражает

особенности другого языка.

Отмечая, что одно и то же нарушение нормы языка в переводе под влиянием оригинала расценивается одними как порча языка, с другими - как его обогащение, Ф.Гюттингер приходит к выводу, что это объясняется различием в подходе у ученых и поэтов. Ученые видят в переводе средство познания чужой культуры. Они стремятся к максимальному пониманию оригинала через дословный перевод, сопровождаемый многочисленными примечаниями и комментариями. Напротив, для поэтов перевод - это удовольствие, достигаемое благодаря эмоциональному сопереживанию. Симпатии Ф.Гюттингера явно на стороне поэтов. Он отвергает претензии ученых на более точное воспроизведение оригинала, указывая, что всякий перевод - это преломление содержания и формы оригинала в восприятии переводчика. Поэтому переводчику нет причин отказываться от создания полноценного литературного произведения ради мнимой тождественности оригиналу. Перевод - это всегда интерпретация; именно это обстоятельство препятствует успеху машинного перевода.

Эта идея получает дальнейшее развитие во втором разделе книги, посвященном переводу поэтическому. Ф.Гюттингер рассуждает здесь о причинах принципиальной множественности переводов одного и того же текста, рассматривая три основных фактора. И первый из них - отмеченное выше, различная интерпретация текста разными переводчиками. В качестве второй причины множественности выступает несовпадение значений соответствующих слов в двух языках (например, нем. Abend и англ. evening). И, наконец, третий фактор - это выбор переводчиком вида перевода, той цели, которую он стремится достигнуть. В качестве примера рассматривается проблема перевода английского сочетания «fish and chips», используемого как символ мелкобур-

116

жуазного быта. В немецком языке аналогичным символом может служить не «рыба и чипсы», а «Wurst und Brot», то есть «хлеб с колбасой». При этом, как считает Ф.Гюттингер, переводчик может выбрать одно из пяти решений:

1. Просто опустить трудное место, что, строго говоря, вообще нельзя назвать переводом.
2. Дать дословный перевод с риском, что он ничего не значит для читателя и поэтому по своему воздействию равносителен отсутствию перевода.
3. Перевести как «Wurst und Brot», изменив и обозначающее и обозначаемое, но сохранив первоначальную функцию.
4. Сопроводить дословный перевод дополнительным пояснением типа «эта вечная рыба с чипсами» в самом тексте или в сноске.
5. Ограничиться объяснением типа «одна и та же дешевая еда» без перевода самого словосочетания.

На практике переводчику приходится делать то один, то другой выбор в зависимости от многих факторов.

Особенно четко необходимость передать не только смысл, но и воздействие оригинала на читателя проявляется при переводе игры слов. Ф.Гюттингер приводит целый ряд примеров неудачных переводов, где была утрачена игра слов и тем самым не передано не только воздействие, но и сам смысл.

Сложнее обстоит дело со значимыми именами, которые нередко придумываются авторами литературных произведений (например, шекспировские *Aguecheek*, *Touchstone*, *Parolles* и др.). В принципе для сохранения воздействия на читателя они должны заменяться значимыми именами в языке перевода. Однако это может оказаться неприемлемым, если в оригинале ясно указана национальная принадлежность носителя имени (англичанин Смит не может называться в немецком переводе Шмидтом).

В конце этого раздела Ф.Гюттингер останавливается еще на двух частных вопросах переводческой практики, связанных с восприятием читателем текста перевода. Первый из них касается написания английских имен в немецких переводах. Речь идет о таких именах, которые лишь незначительно отличаются в написании (англ. *George* и нем. *Georg*). Указав, что в обоих изысках есть и полностью совпадающие имена (Ральф, Артур, Роберт), Ф.Гюттингер заключает, что чисто английские имена должны сохраняться в переводе, а имеющиеся и в немецком языке должны даваться в немецкой форме. Второй вопрос связан с частым употреблением перед английскими именами титульных слов «мистер, миссис и мисс». Хотя в немецком языке есть соответствующие титулы, Ф.Гюттингер считает, что их употребление часто придает высказыванию иронический оттенок, отсутствующий в английс-

117

ком оригинале. Поэтому в большинстве случаев *Mr. Graham Green* будет просто *Graham Green* в немецком переводе.

Третий раздел книги посвящен «друзьям переводчика» - различным источникам информации, которые он использует в своей работе. Здесь рассматриваются различные виды словарей и справочников, а также возможность использования удачных находок и формулировок других переводчиков или авторов оригинальных произведений. Приводится ряд убедительных примеров, показывающих, какими обширными, в том числе сугубо специальными, знаниями должен обладать переводчик любого художественного произведения.

Несомненный практический интерес представляет четвертый раздел книги, где автор пытается обнаружить основные причины ошибок в переводе. При этом его интересуют не ошибки, вызванные недостаточными познаниями переводчика, и не случайные неточности, а источники регулярных ошибок, допускаемых вполне квалифицированными переводчиками. На целом ряде интересных и убедительных примеров Ф.Гюттингер демонстрирует ошибки переводчиков, вызванные необращением к словарю, невниманием к отсутствию логической связи между отдельными элементами в тексте перевода, нечувствительностью к эмоциональным оттенкам и ассоциациями слова в конкретном контексте., непониманием переносного употребления слова, неразличением свободного выбора автора оригинала и грамматических форм, навязываемых ему языком как обязательные или наиболее употребительные.

Значительное место в книге занимает ее последний, пятый раздел, где рассматривается большое число конкретных проблем создания полноценного текста на ПЯ:

- использование слов, не имеющих прямых соответствий в ИЯ (хотя в английском языке нет слова, соответствующего по значению немецкому «leise», это последнее должно употребляться в переводах столь же часто, как и в оригинальных немецких текстах);
- выбор формы обращения в соответствии с реальными отношениями между говорящими (перевод английского «you» немецким «du» или «Sie» или опущение обращения в неясных случаях);
- стремление указать на принадлежность оригинала к отдаленной исторической эпохе не может достигаться использованием архаизмов, непонятных современному читателю и не сохраняющих воздействие оригинала на его современников;
- сохранение в переводе разговорного стиля оригинала, тем более что у многих обиходных предметов нет неразговорных наименований (а у переводчиков нередко существует предубеждение против разговорной лексики);
- осторожное использование заимствованных слов, учитывая, что они играют в немецком языке иную роль, чем в английском (многие

118

заимствования принадлежат к разговорному стилю: das Telephon, а не der Fernsprecher);

- замена повторяющегося английского «he said» разнообразными немецкими глаголами говорения;
- опущение территориальных диалектизмов или замена их просторечием (то же при передаче ломаной речи иностранца);
- передача английских «крепких словечек» соответствующими немецкими;
- обладание специальными знаниями для передачи профессиональных диалектизмов;
- использование естественного порядка слов в немецком (не копируя прямой порядок слов английских предложений), что может иногда потребовать и изменения последовательности отдельных фраз;
- предпочтение более кратких вариантов, где это возможно;
- постоянное стремление к совершенствованию активного владения родным языком.

Как видно из этого обзора, работа Ф.Гюттингера содержит богатый материал, представляющий интерес не только для переводчиков с английского языка на немецкий, но также и для других теоретиков и

практиков перевода.

2. Теоретическая концепция А.Людсканова

Болгарский переводовед Александр Людсканов стал известен широкой научной общественности благодаря своей книге «Человек и машина в роли переводчика», вышедшей на болгарском языке в 1967 г. и в немецком переводе в 1975 г.

Книга написана в период усиления внимания языковедов к методологическим основам лингвистической науки, в период попыток повысить объективность лингвистических исследований, внести в языкознание математические и другие формальные методы, приблизить лингвистику к т.н. точным наукам. Большие надежды возлагались на использование понятий и данных теории информации и кибернетики, широкое развитие получили исследования в области машинного перевода.

Свою основную задачу А.Людсканов видит в построении семиотической теории перевода, которая охватывала бы все виды перевода, как «человеческого», так и машинного. Он исходит из положения, что в основе всех этих видов перевода лежит преобразование одного кода в другой. Семиотический подход к переводу включает этот феномен в широкую категорию кодовых преобразований различных типов.

Первая часть книги А.Людсканова посвящена общему обзору истории перевода и основных направлений науки о переводе. Автор счи-

119

тает, что в историческом плане последовательно развивались четыре типа перевода: дословный, слепо копирующий форму оригинала; «перевод по смыслу», передающий общий смысл литературного произведения, но игнорирующий особенности его формы и тем самым его историческую, национальную и социальную специфику; вольный перевод, ставивший перед собой цель не столько воспроизвести оригинал, сколько удовлетворить абстрактно сформулированные нормы прекрасного, и адекватный перевод, возникший в первую очередь благодаря росту масштабов и значимости технического перевода и стремящийся обеспечить максимальную верность оригиналу.

Говоря об особенностях переводческой деятельности в современном мире, А.Людсканов отмечает ее масштабность, появление новых видов перевода (синхронный, дублирование фильмов и пр.), тенденцию к широкому пониманию термина «перевод», включающему многие процессы, изучаемые в лингвистике, информатике, биологии и других науках, перспективы развития машинного перевода. Широкому пониманию термина «перевод» не соответствуют, по мнению А.Людсканова, те направления в теории перевода, которые приводят к раздроблению ее объекта. В этой связи представляются более прагматичными лингвистические концепции перевода, изучающие общую языковую основу для всех видов перевода, как технического, так и литературного. Напротив, литературоведческий подход рассматривает перевод только как вид художественного творчества и поэтому считает объектом теории перевода лишь литературный перевод, оставляя без внимания остальные виды перевода, которые, как утверждается, не имеют творческого характера.

По аналогичным причинам А.Людсканов считает нецелесообразным противопоставлять, как это делают И.Ревзин и В.Ю. Розенцвейг, перевод как непосредственный переход от текста к тексту интерпретации

как переходу через обращение к действительности. По его мнению, перевод и интерпретация - это две разновидности одного и того же процесса и их различие делает необходимым введение какого-то родового понятия, обозначающего перевод в целом. В качестве наименования такого понятия должен выступать термин «семиотика».

Обоснованию этого положения посвящена вторая часть книги А.Людсканова. Семиотика изучает знаковые системы и процессы коммуникации» осуществляемые при помощи таких систем-кодов. Коммуникация оказывается возможной благодаря тому, что знаки способны репрезентировать определенную информацию для ее участников. Эта информация формируется в их сознании путем сопоставления знаков со знаниями - фактами, хранящимися в их долговременной памяти. Такие знания представляют собой своеобразный язык-посредник, с помощью которого интерпретируется сообщение. При этом эта интер-

120

претация, или понимание сообщения, может быть трех видов: референтное, то есть осознание реальности, стоящей за сообщением; содержательное, то есть осознание концептуальной информации в сообщении; и формальное, то есть осознание соотношения между разными знаками или сообщениями.

С семиотической точки зрения перевод выступает как ряд кодовых преобразований. Сначала переводчик воспринимает оригинал, декодирует его, переводя его на свой язык-посредник, затем с этого языка он преобразует сообщение на язык перевода и кодирует его в текст перевода. Таким образом осуществляется межъязыковая коммуникация, то есть коммуникация между людьми, владеющими разными языковыми кодами. Цель перевода совпадает с целью межъязыковой коммуникации, а целью коммуникации является передача информации. Иначе говоря, перевод - это средство межъязыковой коммуникации. Коммуникация носит языковой характер, то же самое относится и к средству коммуникации, поэтому любой перевод - это всегда языковое действие.

Любая коммуникация заключается в преобразовании знаков при сохранении выражаемой этими знаками информации. Подобный процесс имеет место при любых видах таких преобразований: запись устной речи или музыки на магнитную ленту и последующее воспроизведение записанного, преобразование световых импульсов в зрительное восприятие, преобразование обычной цифровой записи в двоичную ($64 = 1000000$), преобразование воспринимаемой информации для хранения в долговременной памяти и т.п. Перевод с одного языка на другой также должен рассматриваться как один из видов семиотического процесса, поскольку и здесь происходит преобразование кода при сохранении инварианта информации. Таким образом, не только утверждается единая основа всех видов перевода - литературного и технического, «человеческого» и машинного, - но этот феномен входит в огромный ряд других семиотических процессов.

Такой широкий подход к предмету теории перевода, с одной стороны, раскрывает весьма существенные особенности переводческого процесса, а с другой стороны, подчеркивает важность его теоретического осмысления, так как изучение перевода может пролить свет на многочисленные семиотические процессы в самых различных сферах.

Исходя из указанных предпосылок, А.Людсканов считает, что теория перевода должна развиваться как особая ветвь семиотики. Предлагается различать «универсальную теорию перевода», являющуюся частью общей семиотики, «общую теорию перевода», основанную на лингвистике, которая рассматривается как семиотика естественных языков, и «специальные теории перевода», описывающие

преобразования между субкодами естественных языков, между естественными и искусственными языками и языками машинного программирования.

121

Последние две части книги посвящены описанию особенностей «человеческого» и машинного перевода. Рассмотрение перевода с одного естественного языка на другой А.Людсканов начинает как бы «от противного»: он сначала обращается к проблеме перевода с искусственных языков. Отмечается, что для искусственного кода характерно однозначное и постоянное соотношение между символом и приписываемым ему значением. Эти значения могут быть точно указаны в соответствующем списке или кодовой книге. В искусственном языке -коде полностью отсутствуют такие явления, как полисемия, синонимия, омонимия, полиструктурность и т.п. нарушения однозначного соотношения между знаком и обозначаемым. В сообщении, составленном из таких знаков, каждый знак сохраняет свое значение и его интерпретация не зависит от других знаков и от его места в сообщении. Поэтому единицы двух искусственных языков могут быть поставлены в строгое соотношение друг с другом.

Отсюда следуют важные выводы:

1. Для понимания сообщения, составленного из единиц искусственного языка, достаточно опознания формы этих единиц.
2. Исходные данные из описания кода дают всю необходимую информацию для понимания и перевода такого сообщения.
3. Для осуществления понимания и перевода не требуется дополнительной информации.
4. Не требуется поэтому проводить анализ за пределами отдельной единицы (учитывать окружающий контекст) или учитывать глубинный (семантический) или референтный уровень сообщения.
5. Нет проблемы синтеза при переводе, поскольку идентификация формы знака уже определяет его эквивалент в другой кодовой системе.
6. Перевод носит нетворческий, механический характер. Совершенно иначе обстоит дело с естественными языками. В них

отсутствует однозначное соотношение между знаком и его значением. Для них характерны синонимия, полисемия, омонимия и другие отклонения от однозначности. Вследствие этого для понимания сообщения на естественном языке необходим предварительный анализ его содержания с использованием дополнительной информации, получаемой на различных уровнях и выходящей за пределы самой интерпретируемой единицы.

Таким образом, понимание сообщения как первый этап переводческого процесса основывается на базовой информации о значении языковых единиц, зафиксированной в описании кода и дополнительной

информации, получаемой в результате анализа.

Совокупность этих информационных комплексов А.Людсканов называет «обязательной переводческой информацией». Он считает это

122

понятие центральным в теории перевода. По его мнению, подобная информация представляет собой объективную величину, которая может быть определена до начала переводческого процесса. Теория перевода должна установить состав и объем обязательной переводческой информации, которые будут различны для разных пар языков и для разных субкодов языка, его функциональных стилей и жанров. И сделать это она может на основе анализа формы и значения знака, глубинно-семантического и референтного уровня сообщения. Такой анализ всегда связан с необходимостью выбора. Процесс перевода с одного естественного языка на другой носит поэтому селективный, творческий характер. На его первом этапе происходит сопоставление знаков с языком-посредником, который хранится в памяти переводчика или материализован в словарях, правилах, книгах и других справочниках. Информация, полученная в результате анализа лингвистических и экстралингвистических факторов, существует также в виде кода-языка-посредника в сознании переводчика. Таким образом, первый этап переводческого процесса - этап анализа - может быть охарактеризован как перевод с естественного «входного» языка на язык-посредник.

Переходя ко второму этапу перевода - этапу синтеза, - А.Людсканов указывает, что он может рассматриваться как перевод с языка-посредника на другой естественный язык - язык «выхода». И здесь переводчик использует необходимую для синтеза информацию, которая, по мнению А.Людсканова, совпадает с информацией, полученной на этапе анализа и фиксированной в языке-посреднике. Эта информация является результатом формального, семантического и референтного анализа. Формальный анализ позволяет выбрать означающее, и в этом отношении мы имеем ту же ситуацию, что и при переводе с искусственных языков. Но семантический и референтный анализ позволяет определить означаемое, но не определяет однозначно означающее, то есть выбор знаков в языке перевода. Проблема синтеза и заключается в выборе означающего для одинакового означаемого, а иногда и иного означаемого для одинакового референта. Эту проблему нельзя решить на уровне означающих, поэтому, хотя кажется, что переводчик передает средство одного языка при помощи средства другого языка, на самом деле он передает функцию исходного средства, выбирая для этого средство в другом языке, выполняющее ту же функцию. (При этом под функцией понимается способность языкового средства вызывать у адресата определенное интеллектуальное или эмоциональное переживание.) Сохранение подобной функции и составляет инвариант перевода, а ее определение и выбор соответствующих средств носят творческий характер.

В этой связи А.Людсканов не соглашается с распространенным мнением, что, поскольку количество формальных соответствий боль-

123

ше в одних жанрах (научно-технический перевод), чем в других (художественный перевод), степень точности перевода может быть различна. Он указывает, что точность перевода заключается в сохранении функционального инварианта, а это требование остается неизменным при любом соотношении

означающих.

Такая функциональная эквивалентность обязательна для всех видов перевода. А.Людсканов полагает, что цель перевода всегда совпадает с целью коммуникации: передать инвариантную информацию, и поэтому его точность всегда функциональна. Поскольку при существующем уровне развития языкознания, литературоведения, эстетики и других наук невозможно заранее регламентировать все факторы, от которых зависит определение необходимой информации, выбор варианта перевода при естественных языках носит творческий характер во всех видах перевода. В связи с этим А.Людсканов вновь решительно выступает против противопоставления художественного перевода другим видам перевода, настаивая на том, что в их основе лежат общие закономерности.

Последняя часть книги посвящена проблемам машинного перевода. Рассмотрев основную проблематику машинного перевода и кратко охарактеризовав некоторые теоретические работы в этой области, А.Людсканов указывает на принципиальную возможность формализации и алгоритмизации переводческого процесса и в то же время на огромные теоретические и практические трудности, связанные с реализацией этой задачи. И здесь он подчеркивает единство переводческой деятельности, подчеркивая, что научное изучение различных аспектов «человеческого» перевода и развитие смежных лингвистических дисциплин позволяют продвинуться вперед и в области передачи части переводческих функций компьютеру.

Работа А.Людсканова отражает определенный период формирования лингвистической теории перевода. Она интересна прежде всего своим широким семиотическим подходом к переводу, который показывает, что изучение переводческой деятельности может дать ценные данные для более глубокого проникновения в существо самых различных семиотических процессов.

3. Теоретические взгляды Г. Тури

Серьезная работа в области теории перевода в Израиле проводится главным образом в университете Тель-Авива, где существует кафедра теории и практики перевода. Наибольшую известность получили переводоведческие труды израильского ученого Гидеона Тури, основные статьи и научные доклады которого собраны и опубликованы в книге «В поисках теории перевода» (1980 г.)-

124

Г.Тури в течение многих лет разрабатывает собственную концепцию перевода, отличающуюся цельностью и последовательностью. Объектом его исследования служат художественные переводы с различных языков на иврит, но он стремится положить в основу анализа конкретных переводов широкие общетеоретические концепции.

Г.Тури начинает с критики существующих теорий перевода, которые, по его мнению, исходят из неправильных Предпосылок. Они всецело ориентированы на исходный текст или даже на исходный язык, определяя перевод как текст на другом языке, эквивалентный исходному тексту. Независимо от того, как определяется сама переводческая эквивалентность, такой подход делает теорию перевода нормативной и ограничительной, поскольку она исключает из своего рассмотрения множество реальных переводов, не отвечающих априорным условиям эквивалентности. При этом остается и недостаточно четкой граница между теорией перевода и контрастивной лингвистикой, поскольку в обоих случаях речь идет о соотношении двух языков. Не решает проблемы и обычное утверждение, что контрастивная

лингвистика имеет дело с языковой компетенцией и сопоставляет языковые единицы в системе, а теория перевода рассматривает соотношение единиц в реальном речевом употреблении. В любом случае исследуются межъязыковые отношения, в то время как при переводе существенны отношения между текстами. Контрастивная лингвистика и изучение межъязыковых отношений создают лишь основу для исследования собственно переводческой проблематики, но сама теория перевода не должна быть ориентирована в первую очередь ни на ИЯ, ни на исходный текст и не быть нормативной.

Г.Тури выдвигает свою концепцию теории перевода, которую он называет «описательной» и которая исходит из иных постулатов. Прежде всего она принципиально ориентирована не на процесс, а на результат перевода, на текст перевода. Исходный пункт анализа - функционирование текста перевода в системе текстов на ПЯ. Перевод определяется как коммуникация при помощи переводных сообщений в рамках определенных культурно-языковых границ. Она осуществляется тем лучше и успешней, чем ближе текстовые традиции ПЯ и ИЯ. Текст перевода функционирует не только как текст на ПЯ, но и как переводной текст на ПЯ. Такие тексты обладают определенными особыми признаками (а не только своим происхождением), отличающими их от непереводных текстов на ПЯ. Г.Тури приводит ряд доказательств того, что текст может быть отнесен к числу переводных при самых различных отношениях с оригиналом: (а) Могут быть несколько переводов одного и того же оригинала разной степени близости к исходному тексту, (б) При равном отношении к исходному тексту одни тексты на ПЯ могут признаваться переводами, а другие - нет. (в) Из-

125

вестны случаи, когда признавались переводами тексты, вообще не имевшие оригиналов, но, по-видимому, обладавшие чертами, характерными для переводных текстов. Поэтому прежде всего следует ставить вопрос не о том, является ли данный текст переводом, но считается ли он переводом, функционирует ли он в качестве перевода в литературе ПЯ.

Таким образом, перевод - это телеологическая категория; его процесс и результат подчинен его цели: быть переводным текстом в ПЯ.

Отсюда вытекает и трактовка понятия переводческой эквивалентности, эквивалентных отношений между переводом и оригиналом. Они не определяются заранее, а выявляются и описываются путем сопоставления текстов перевода и оригинала. Текст не потому является переводом, что он эквивалентен оригиналу, а, напротив, если это перевод, то по определению он эквивалентен исходному тексту. Неэквивалентных переводов быть не может. Если текст признается переводом, то тем самым утверждается, что его отношения с оригиналом суть отношения переводческой эквивалентности. Понятно, что эти отношения могут быть разного типа, но они реальны, наблюдаемы и могут быть изучены и описаны, но не заданы а priori на основе каких-либо теоретических соображений.

Отношения между текстами перевода и оригинала могут классифицироваться на основе трех оппозиций: (а) Отношения формальные (материальные), т.е. эквивалентность формы, и отношения функциональные - эквивалентность функции, (б) Отношения между существующими соответствиями и при отсутствии соответствий, (в) Отношения, сохраняющие соотношение текста оригинала в системе ИЯ (статические) и меняющие его (динамические).

Не существует заранее данной иерархии между различными видами эквивалентности, но для отнесения текста к переводному ведущую роль играют формальные (материальные) соответствия.

Для того чтобы текст мог бы функционировать в качестве переводного текста, он, как и всякий текст, должен быть приемлемым для языковой и литературной систем ПЯ. Но чтобы быть переводным текстом, он должен как можно полнее отражать оригинал, быть адекватным ему. Под адекватностью предлагается понимать гипотетическую величину - максимально точное соответствие оригиналу. При этом можно учитывать обязательные расхождения, вызванные необходимыми различиями между ПЯ и ИЯ, и считать отклонениями от потенциально возможной максимальной адекватности лишь произвольные решения переводчика, или же не делать различия между вынужденными и произвольными отклонениями. Текст перевода всегда представляет собой компромисс между стремлением к приемлемости и адекватности.

126

В связи с этим Г.Тури выдвигает концепцию «промежуточного» языка (interlanguage). По его мнению, стремление к адекватности в какой-то степени ограничивает приемлемость текста перевода и приводит к тому, что язык переводов занимает особое место в системе ПЯ. Он приобретает определенные особенности, благодаря которым тексты перевода идентифицируются как переводные. Этот промежуточный язык не следует рассматривать как нежелательную интерференцию, с которой нужно вести борьбу. Его проявление в переводе может быть желательным, более того Г.Тури полагает, что это вообще переводческая универсалия, если исходить из того, что теория перевода должна изучать реальные переводы, а не пытаться формулировать какие-то априорные требования переводимости. Промежуточный язык - это прежде всего проявление материальной (формальной) эквивалентности: единице ИЯ соответствует в переводе промежуточная единица, появляющаяся в ПЯ под влиянием ИЯ (ИЯ/ПЯ средство). Здесь выявляются три основных случая: (а) Единица создается вне ПЯ прямое заимствование единицы ИЯ (путем сохранения ее иноязычной формы или при помощи транскрипции или транслитерации), (б) Единица создается как бы между ПЯ и ИЯ - калька (использование знаков ПЯ в рамках структуры ИЯ), (в) Единица создается в ПЯ, но используется под влиянием ИЯ (предпочтение формам ПЯ оказывается вследствие их сходства, то есть формального соответствия с единицами ИЯ, хотя функционально они и неравноценны).

Наличие подобного «межъязыка» в переводах подтверждается эмпирически и может быть обосновано теоретически. В качестве такого обоснования Г.Тури указывает на три обстоятельства. Во-первых, как уже отмечалось, появление этого языка обусловлено неизбежным компромиссом при переводе между адекватностью и приемлемостью. Во-вторых, реальная эквивалентность между текстами и единицами ИЯ и ПЯ носит промежуточный характер между эквивалентностью языковой (системной) и речевой (или текстовой). В-третьих, межъязык обладает необходимыми признаками лингвистической системы: у него есть своя структура и он используется в целях коммуникации, участниками которой выступают переводчик и носитель ПЯ. В связи с промежуточной природой межъязыка его изучение должно носить междисциплинарный характер и проводиться совместными усилиями языкознания, психолингвистики и социолингвистики. В качестве примера Г.Тури указывает на широкое применение в переводах с русского языка на иврит слов с уменьшительными суффиксами, что несвойственно оригинальным текстами на иврите и отражает влияние русского языка, пользовавшегося в определенный период большой престижностью в Израиле.

Помимо межъязыка первого порядка может существовать и межъязык второго порядка, возникающий при переводе не непосред-

127

ственно с оригинала, а с перевода на какой-то третий язык или просто под влиянием третьего языка. В этой связи Г. Тури указывает на несомненное влияние русского языка на язык переводов на иврит с других языков.

Особое место в концепции Г. Тури занимает понятие «норма перевода», в которое он вкладывает своеобразный смысл. По его мнению, решения переводчика в процессе перевода могут обуславливаться тремя факторами: обязательными правилами, навязываемыми языковыми нормами, переводческими нормами - основными решениями переводчика, определяющими его стратегию и поведение; и субъективным выбором (идиосинкразиями) в этой триаде переводческие нормы занимают центральное положение между объективным и субъективным.

В художественном переводе предлагается различать литературные нормы и собственно переводческие. По другому признаку различаются предварительные и операционные-нормы. Предварительные (предпереводческие) нормы определяют политику переводчика при выборе оригинала и при решении вопроса, будет ли перевод осуществляться непосредственно с оригинала или через какой-либо промежуточный язык. Операционные нормы действуют в самом процессе перевода и определяют распределение (структурирование) материала в тексте (матричные нормы) и формулирование содержания текста (текстуальные нормы). К ним же относится и «начальная норма»: основная ориентация переводчика на оригинал или на нормы ПЯ. В первом случае он будет стремиться создать адекватный перевод, как можно ближе соответствующий оригиналу и допускающий лишь необходимые изменения, вызываемые различиями между языками и литературами. Во втором случае в центре его внимания будет обеспечение максимальной приемлемости текста перевода с точки зрения языка и литературы ПЯ. При этом в первом случае создается перевод не на ПЯ, а в лучшем случае только на какую-то часть этого языка, а то и на искусственный переводческий межъязык. Во втором же случае в литературу на ПЯ входит не оригинал, а лишь какая-то его версия. Фактически в реальных переводах создается нечто среднее между этими двумя крайностями.

Переводческие нормы не задаются заранее, а выявляются путем сопоставительного анализа переводов (текстовой источник), а также путем анализа высказываний о переводе самих переводчиков, критиков, теоретиков и пр. (внетекстовый источник). При сопоставительном анализе могут сравниваться несколько переводов одного и того же текста, сделанных в разные периоды времени, переводы одного текста, выполненные разными переводчиками, переводы до и после редактирования. Однако главным видом анализа остается сопоставление перевода с оригиналом, чтобы определить, насколько перевод эквивалентен и насколько он литературен. При этом при анализе эквивален-

128

тности в качестве потенциального инварианта принимается адекватный перевод - максимально приближенный к оригиналу (возможно, с учетом обязательных отклонений).

Нормы могут быть также основными (обязательными) и второстепенными, проявляющимися в виде тенденций и определяющие лишь допустимое поведение (наиболее многочисленные). Кроме норм на выбор переводчика влияют и некоторые универсалии поведения переводчика. В качестве иллюстрации последних Г. Тури указывает на общую склонность переводчиков эксплицитировать информацию, которая имплицитно содержится в оригинале.

Между нормами нет строгих границ: один вид норм может переходить в другой, статус нормы зависит от временного периода, принадлежности к определенной литературной школе и т.п. В основе одной нормы

может лежать другая, более общая норма. Например, в переводах на иврит отмечается очень широкое использование устойчивых словосочетаний, фразеологизмов. Однако это явление вторичное, оно связано со стремлением переводчиков использовать в переводах язык канонических текстов (в первую очередь Библии), которые изобилуют фразеологизмами.

Ориентированность теории на текст перевода не означает отказа от анализа реальных отношений, существующих между переводом и оригиналом. Однако такой анализ должен, по мнению Г.Тури, отвечать двум условиям. Во-первых, сопоставляться должны отношения не между единицами языков, а между единицами текстов-«текстемами». В качестве текстом могут выступать единицы языка, вступающие в текстовые отношения (выполняя определенные внутритекстовые функции) и собственно текстовые единицы (абзац, глава, строфа, куплет и пр.). Во-вторых, анализ должен вестись от переводческих решений, обнаруживаемых в тексте перевода, к отношениям между такими единицами этого текста и соответствующими единицами исходного текста и далее к основаниям для таких решений (процессу принятия решений). Такая процедура исключает априорную заданность эквивалентных отношений, а обнаруживает их путем сопоставительного анализа всех текстов, признаваемых переводами. Существуют 4 основных типа переводческих отношений (хотя могут быть выявлены и многие другие): 2 типа формальных отношений («этических») - между языковыми средствами ИЯ и ПЯ (языковой тип) и между текстовыми средствами ИТ и ПТ (текстовый тип) и 2 типа функциональных отношений («эмических») - между функциями языковых средств ИЯ и ПЯ (языковой тип) и между функциями текстовых средств ИТ и ПТ (текстовый тип).

При изучении отношений следует учитывать их иерархию: от высших типов к низшим - функционально-текстовые, формально-тексто-

129

вые, функционально-языковые, формально-языковые. Доминантными являются высшие типы, хотя легче обнаруживаются более низшие типы. Практически анализ осуществляется от небольших единиц к целому тексту, но при анализе любой единицы должно учитываться ее место в целом.

Среди решений переводчика различаются существующие средства (имеющиеся соответствия) и несуществующие (создаваемые *ad hoc*). Способы создания новых средств включают заимствования, кальки, изобретение новых единиц в языке перевода или тексте без связи с ИЯ/ ИТ (например, рифмованный перевод при отсутствии рифмы в оригинале). Текстовые текстемы всегда передаются средствами *ad hoc*.

Процесс принятия решений может быть заранее заданным (при использовании всевозможных штампов, даже когда у них иная функция в тексте) или подлинно творческим (особенно при определении функции текста в целом и функций его отдельных элементов).

На основе своей теоретической концепции Г.Тури разрабатывает методику анализа и оценки художественного перевода путем его сопоставления с оригиналом. Согласно предлагаемой им процедуре исходный текст анализируется с целью определить, какой потенциально мог бы быть адекватный (максимально эквивалентный перевод), и затем изучаются реальная эквивалентность перевода, степень его отклонения от адекватности. При этом отклонения оцениваются как обязательные или как произвольные (в основе которых лежат переводческие нормы). Последние могут рассматриваться с точки зрения обеспечения большей или меньшей степени приемлемости.

Сопоставление осуществляется в три этапа: 1. Анализ исходного текста для определения параметров адекватного перевода и выделения текстом. 2. Сопоставление соответствий к текстам и выявление наличия и характера отклонений от адекватности. 3. Обобщающие выводы о расстоянии между максимальной и реальной эквивалентности-ми на основе сопоставления многих отдельных текстом.

Хотя основная единица сопоставления - это целый текст, требования экономичности, ограниченность времени и человеческих возможностей вынуждают в качестве такой единицы использовать отдельную текстему. При этом возможны две процедуры отбора: 1. Выбирать наиболее важные элементы текстового анализа (определенные части текста) и рассматривать их как полномочных представителей текста в целом, на основе которых можно делать выводы обо всем тексте. 2. Выбирать текстемы из разных мест текста, выполняющие по несколькоу текстовых функций или принадлежащие к разным микроструктурам, и на их основе делать общетекстовые выводы.

Теоретические постулаты Г.Тури дополняются практическим анализом переводов на иврит романов ряда европейских писателей в пе-

130

риод 1930 - 1945 гг. Приводимые данные позволяют судить о характере обобщений, с помощью которых определяются особенности художественных переводов этого периода. Отмечаются главным образом изменения, преследующие цель сделать перевод более соответствующим литературным нормам ПЯ. Сюда относятся опущение подзаголовков, не принятых в литературе на иврите, тенденция выносить прямую речь в отдельный абзац, членить абзацы, оказывать предпочтение лексике и синтаксису «высокого стиля», опускать коллоквиализмы, широко использовать устойчивые словосочетания и семантические дублеты, опущение или замена на синоним повторяющихся слов и пр. Все эти тенденции рассматриваются как переводческие нормы, классифицируемые как лингвистические, риторико-стилистические и литературные. В общем плане исследованные переводы характеризуются использованием языка определенных письменных источников (Библии), богатством редких, сложных и разнообразных языковых средств и социальной направленностью - стремлением пополнить жанры, отсутствующие в оригинальной литературе на иврите. Приемлемость считается более важным фактором, чем адекватность. По наблюдениям Г. Тури, степень адекватности переводов зависит от того места, которое они занимают в принимающей их литературе. Если они занимают более центральное место (в том числе и среди других переводов), то стремление к адекватности выражено сильнее. Такое же влияние на адекватность переводов оказывает и высокая престижность ИЯ и наличие лакун (отсутствие определенного жанра в принимающей литературе).

Как видно из вышесказанного, концепция Г. Тури представляет несомненный теоретический и практический интерес как для дальнейшего развития общей теории перевода, так и для разработки теории художественного перевода. Она намечает пути сближения лингвистического и литературоведческого подхода к описанию этого сложного вида переводческой деятельности. Предлагаемая процедура анализа требует дальнейшей конкретизации, но ее общая направленность представляется весьма перспективной.

Список публикаций

1. Bassnett - McGuire, S.. Translation Studies, Methuen, London and New York, 1980.
2. Brislin, R.W.(ed). Translation. Application and Research. New York, 1976.
3. Brower, R. (ed). On Translation. Cambridge (Mass.), 1959.
4. Casagrande, J.B. The Ends of Translation. IRAL, Vol.XX, No.4, Oct. 1954.
5. Catford, J. A Linguistic Theory of Translation. London, 1965.
6. Delisle, J. L'analyse du discours comme methode de traduction. Ottawa, 1984.
7. Dryden, J. Ovid's Epistles. In: W.P.Ker (ed.) «Essays of John Dryden». Oxford, 1926.
8. Firth, J.R. Linguistic Analysis and Translation. In: «For Roman Jakobson». The Hague, 1956.
9. Goethe, J.W. Drei Sttcke vom Ubersetzen. In: H.J.Storig (Hrsg.). «Das Problem des Obersetzens». Stuttgart, 1963.
10. Gutt, E.-A. Translation and Relevance. Cognition and Context. Cambridge (Mass.), 1991.
11. Guttinger, F. Zielsprache. Theorie und Technik des Obersetzens. Zurich, 1963.
12. Halliday, M.A.K. Comparison and Translation. In: M.A.K. Halliday, A.McInloch, P,Stevens. «The Linguistic Sciences and Language Teaching». London, 1964.
13. Halliday, M.A.K. The comparison of languages. In: A.McIntosh, M.A.K. Halliday. «Patterns of Language». London, 1966.
14. Holz-Manttari, J. Transtatorisches Handeln. Theorie und Methode. Helsinki, 1964,
15. Humboldt, W. Einleitung zu «Agamemnon» In: H.J. Storig (Hrsg.). «Das Problem des Obersetzens». Stuttgart, 1963.
16. Jager, G. Translation und Translationslinguistik. Halle (Saale), 1975.
17. Jager, G., Muller, D. Kommunikative und maximale Aquivalenz von Texten. In: «Aquivalenz bei der Translation». Leipzig, 1982.
18. Jager, G. Die sprachlichen Bedeutungen - das zentrale Problem bei der Translation und ihrer wissenschaftlichen Beschreibung. In: «Bedeutung und Translation». Leipzig, 1986.
19. Jakobson, R. On Linguistic Aspects of Translation. In: R. Brower (ed.). «On Translation». Cambridge (Mass.), 1959.
20. Kade, O. Zufall und Gezetmassigkeit in der Obersetzung. Leipzig, 1968.

21. Kade, O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung u-nd Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung. Leipzig, 1980.
22. Kelletat, A.F. Die Riickschritte der Obersetzungstheorie. Vaasa, 1986.
23. Krings, H.P. Was in den Kopfen von Obersetzern vorgeht. Tuingen, 1986.
24. Lederer, M. La traduction simultanee. Experiante et theorie. Paris, 1981.
25. LUther, M. Sendbrief vom Dolmetschen In: H.J.Storig (Hrsg.). «Das Problem des Obersetzens». Stuttgart, 1963.
26. Людсканов А, Превеждат човекът и машината. София, 1957.
27. Mounin, G. Les Problemes theoriques de la traduction. Paris, 1963.
28. Mounin, G. Teoria et storia, della traduzione. Turin, 1965.
29. Mounin, G. Linguistique et traduction. Bruxelles, 1976.

132

-
30. Neubert, A. Pragmatische Aspekte der Ubersetzung. In: A.Neubert (Hrsg.). «Giundftagen dei Ubeisetzungswissenschaft». Leipzig, 1968.
 31. Neubert, A. Text and Translation. Leipzig. 1985.
 32. Newmark, P. Approaches to Translation. Oxford, 1981.
 33. Nida, E. Principles of Translation as Exemplified by Bible Translating. In: R.Brower(ed.). «On Translation». Cambridge (Mass.), 1959.
 34. Nida, E. Toward a science of translating. Leiden. 1964.
 35. Nida, A. and Taber, C.R. The Theory and Practice of Translation. Leiden, 1964.
 36. Nida, E., Reyburn, W.D. Meaning Across Cultures. New York, 1976.
 37. Quine, W. Meaning and Translation. In: R.Brower(ed.). «On Translation». Cambridge (Mass.), 1959.
 38. Reiss, K. MOglichkeiten und Grenzen der Cbersetzungskritik. Miinchen, 1971.

39. Reiss, K. Vermeer, H.J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen, 1984.
 40. Rose, M.D. (ed.). Translation Spectrum. Essays in Theory and Practice. Albany, 1981.
 41. Ross, C.D. Translation and Similarity. In: M.D. Rose (ed.). «Translation Spectrum». Albany, 1981.
 42. Savory, T. The Art of Translation. London, 1952.
 43. Schleiermacher, F. Methoden des Übersetzens. In: H.J. Storig. «Das Problem des Übersetzens». Stuttgart, 1963.
 44. Seleskovich, D., Lederer, M. Interpreter pour traduire. Paris, 1987.
 45. Snell-Hornby, M. Translation Studies. An Integrated Approach. Amsterdam/Philadelphia, 1988.
 46. Sperber, D. and Wilson, D. Relevance: Communication and cognition. Oxford, 1986.
 47. Tirkkonen-Condit, S. Textual Criteria in Translation Quality Assessment, Jyväskylä, 1982.
 48. Toury, G. In Search of a Theory of Translation. Tel Aviv, 1980.
 49. Tytler, A.F. Essay on the principles of translation. London, 1791.
 50. Vehmas-Lehto, I. Quasi-Correctness. Helsinki, 1989.
 51. Vinay, J.-P., Darbelnet, J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris, 1968.
 52. Voegelin, C.F. Multiple Stage Translation. UAL, Vol. 20, No. 4, 1954.
 53. Wilss, W. Übersetzungswissenschaft: Probleme und Methoden. Stuttgart, 1978.
 54. Wilss, W. Kognition und Übersetzen: Zu Theorie und Praxis der menschlichen und der maschinellen Übersetzung. Tübingen, 1988.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Лекция I. Вопросы теории перевода в трудах английских

переводоведов 10

Лекция II. Переводоведение во Франции и Канаде 29

Лекция III. Лингвистическое переводоведение в США 48

Лекция IV. Лингвистическое переводоведение в Германии - 1

(развитие теории перевода в Вост. Германии) 62

Лекция V. Лингвистическое переводоведение в Германии - 2

(развитие теории перевода в Зап. Германии) 77

Лекция VI. Лингвистическое переводоведение

в Скандинавии 100

Лекция VII. Теоретические концепции Ф. Гюттингера,

А. Людсканова и Г. Тури 115

Список публикаций 132

Учебное пособие

Комиссаров Вилен Наумович **ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА**

Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых